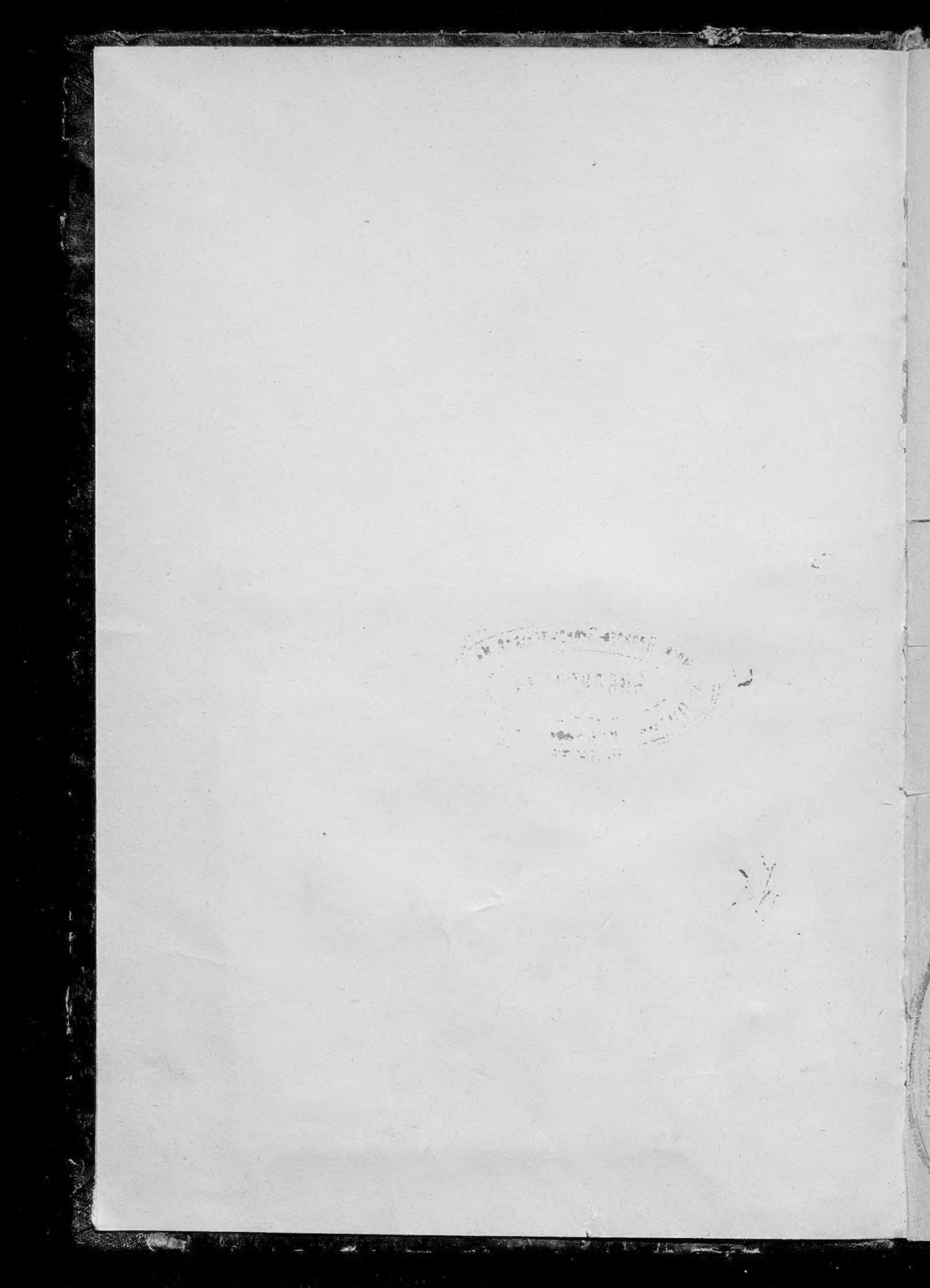
Б-овъ М. и Данъ Ф.
Рабочие депутаты

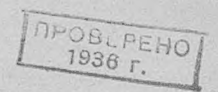

М. Б-ОВЪ и Ф. ДАНЪ.

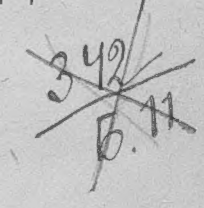
РАБОЧІЕ ДЕПУТАТЫ

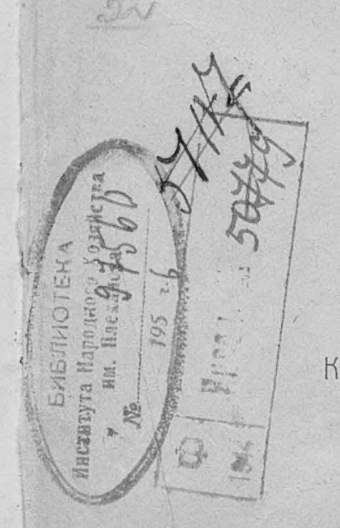
ВЪ ПЕРВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

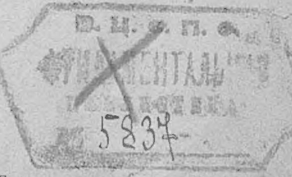

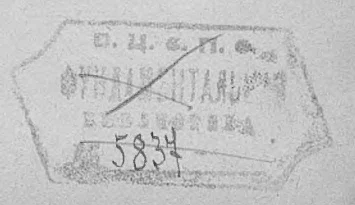

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., 92.

Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы I и II принадлежатъ *М. Б-ову*, главы III, IV, V, „введеніе“ и „заключеніе“ *Ф. Дану*.

ВВЕДЕНІЕ.

Политическое положеніе передъ выборами въ Государственную Думу.

17 октября старому самодержавному строю была нанесена неизлечимая рана. Въ этотъ день, подъ давленіемъ колоссальной забастовки, былъ опубликованъ манифестъ, обѣщавшій политическую свободу.

До тѣхъ поръ власть русскихъ государей была окружена ореоломъ „божественности". Считалось, что объемъ этой власти непосредственно опредѣленъ „божьею милостью": самъ Богъ установилъ неограниченную власть самодержца. Въ день 17 октября передъ всѣмъ народомъ обнаружилось, что дѣло обстоитъ не такъ; что размѣры власти опредѣляются „листомъ бумаги"—какъ-бы договоромъ съ народомъ, письменнымъ обязательствомъ соблюдать въ пользованіи властью извѣстныя границы: „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей"; „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ"; и т. д. и т. д.

Въ манифестѣ была точно указана и причина такого ограниченія самодержавной власти: „смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ имперіи".

Такимъ образомъ, та власть, которая казалась раньше таинственной, „священной", теперь оказалась дѣломъ рукъ человѣческихъ, дѣломъ самого народа. „Смуты и волненія" народныя заставили обѣщать передать часть верховной власти самому народу. Народъ оказался дѣйствительнымъ распорядителемъ государственной власти. Въ этомъ отношеніи 17 октября было великой побѣдой народа.

Но эта побѣда была неполная. Народъ получилъ пока только „обѣщаніе", а не самую власть. Самая-же государственная власть осталась—тоже „пока"—цѣликомъ въ старыхъ рукахъ самодержавной бюрократіи. Тѣ-же самые чиновники и министры, которые хозяйничали до 17 октября, сохранили и послѣ 17 октября безконтрольное распоряженіе государственной казной, войсками, полиціей, жандармеріей, сыскомъ; вся многотысячная армія чиновниковъ, присосавшаяся ко всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства и народной жизни, продолжала повиноваться тому-же бюрократическому министерству; за нимъ-же было сохранено право вводить въ любомъ городѣ, любой губерніи „исключительное" положеніе—усиленную и чрезвычайную охрану, военное и осадное положеніе—и творить административную расправу—сажать въ тюрьмы и ссылать безъ суда и слѣдствія всѣхъ неугодныхъ ему лицъ; наконецъ, и самый судъ остался въ бюрократическихъ рукахъ.

Народъ въ октябрѣ побѣдилъ, но сложилъ оружіе, не доведя побѣды до конца; онъ обратилъ врага въ бѣгство, но не преслѣдовалъ его, чтобы разбить на голову; онъ добился торжественныхъ „обѣщаній", но не дошелъ до низверженія стараго правительства. Онъ оставилъ въ рукахъ этого правительства государственную власть.

Но у кого въ рукахъ власть, тотъ непремѣнно старается использовать ее въ своихъ интересахъ. За этимъ, вѣдь, и добиваются власти. Народъ стремится взять власть въ свои руки, чтобы устроить государственные порядки такъ, какъ это выгодно для народа. Та кучка людей, которая до сихъ поръ держитъ въ Россіи власть въ своихъ рукахъ, старается, въ свою очередь, установить такіе государственные порядки, какіе выгодны ей, а не народу.

Изъ кого состоитъ эта кучка, всѣми силами поддерживающая неограниченное самодержавіе въ Россіи? Изъ придворныхъ и чиновниковъ, получающихъ на счетъ государственной казны огромныя жалованья, пенсіи, аренды [1]); изъ высшаго духовенства, которому такъ вольготно живется на жирныхъ церковныхъ хлѣбахъ; изъ прогорѣвшихъ помѣщиковъ, во имя своего „дворянскаго" званія получающихъ десятки милліоновъ рублей въ видѣ всякихъ „воспособленій", льготъ, повышенныхъ цѣнъ на землю, вздутыхъ благодаря крестьянской нуждѣ и покупкамъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ; изъ биржевиковъ и банкировъ, наживающихъ колоссальныя суммы на тѣхъ займахъ и биржевыхъ операціяхъ, къ которымъ вынуждено прибѣгать промотавшееся правительство; изъ подрядчиковъ и поставщиковъ, дѣйствующихъ по правилу „рука руку моетъ" и сколачивающихъ на казенныхъ подрядахъ и поставкахъ чудовищныя состоянія; изъ полицейскихъ, жандармовъ, сыщиковъ, которымъ безграничная власть надъ обывателемъ даетъ неисчерпаемый источникъ „безгрѣшныхъ" доходовъ: на однихъ только исключительныхъ законахъ противъ евреевъ полиція наживаетъ ежегодно милліоны рублей [2]).

Всей этой теплой компаніи очень привольно жилось подъ крылышкомъ неограниченной самодержавной власти. Опираясь на народную темноту, не опасаясь ни гласнаго обличенія, ни суда, сковавъ народную борьбу цѣпями каторжныхъ законовъ, эти господа могли безпрепятственно заниматься своими темными дѣлами, жирѣть, богатѣть и прославлять „священные" устои самодержавно-полицейскаго порядка.

И вотъ, манифестъ 17 октября „обѣщалъ" положить

---

[1]) Вотъ примѣръ: вдова генерала Трепова, не жалѣвшаго патроновъ, получила 300.000 р. единовременнаго пособія и болѣе 8.000 р. пенсіи въ годъ.

[2]) Конечно, не только на евреяхъ наживается полиція; на евреяхъ— лишь больше, чѣмъ на другихъ. Такъ, въ одномъ губернскомъ городѣ нынѣ установлена полиціей такса на запись избирателей въ Государственную Думу: съ христіанина—20 коп., съ еврея—35 к. Благодаря этому, въ этомъ городѣ, вопреки всѣмъ сенатскимъ „разъясненіямъ", число избирателей не уменьшается, а увеличивается.

конецъ всей этой благодати. А привести эти „обѣщанія“ въ исполненіе должно было не новое, народное правительство, а все тѣ же ставленники той самой камарильи, тѣхъ самыхъ паразитовъ, безпечальному житію которыхъ угрожала политическая свобода. Но кто себѣ врагъ? И мудрено-ли, что всѣ старанія камарильи съ перваго-же дня были направлены на то, чтобы, успокоивъ народъ „обѣщаніями“, вернуть себѣ все былое самовластье?

17 октября была „обѣщана“ свобода, неприкосновенность личности и прочія прекрасныя вещи, а уже 18-го начались разстрѣлы „неприкосновенныхъ“ гражданъ въ Петербургѣ, Херсонѣ, Казани, Одессѣ, Бѣлостокѣ, Полтавѣ, Севастополѣ, Кременчугѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ; начались организованные полиціей черносотенные погромы; стало вводиться наново военное положеніе—21 октября въ Кременчугѣ, 24-го—въ Иркутскѣ, 28-го—въ Кронштадтѣ, 30-го—во всѣхъ губерніяхъ царства Польскаго, 20-го ноября—въ Кіевѣ и Кіевскомъ уѣздѣ. Усиленная и чрезвычайная охрана сыпались, какъ изъ рога изобилія. Аресты, обыски и ссылка начались немедленно-же вслѣдъ за неполной „амнистіей“ 21-го октября.

Такъ воспользовалось правительство довѣріемъ народа къ его „обѣщаніямъ“.

Народъ былъ обманутъ. Съ первыхъ-же дней „обѣщанной“ свободы, ему не пришлось спокойно пользоваться плодами своихъ завоеваній,—онъ былъ вынужденъ шагъ за шагомъ, тяжелой борьбой отстаивать эти завоеванія, защищать добытыя свободы. Черносотенная камарилья нападала; народу приходилось обороняться, чтобы не отдать безъ боя уступокъ, вырванныхъ октябрьской забастовкой.

Это дѣло обороны всенародныхъ завоеваній взялъ на себя, въ первую голову, рабочій классъ. Организовавшись, гдѣ только было можно, въ совѣты рабочихъ депутатовъ, онъ грудью всталъ на защиту правъ народа. Благодаря совѣтамъ рабочихъ депутатовъ, существовала свобода печати, свобода слова, собраній и союзовъ; благодаря имъ, была отмѣнена казнь кронштадтскихъ матросовъ и было снято военное положеніе въ Польшѣ; благодаря имъ, были предотвращены черно-

сотенные погромы въ Петербургѣ и Москвѣ. На каждое насиліе правительства совѣты рабочихъ депутатовъ, съ Петербургскимъ Совѣтомъ во главѣ, отвѣчали угрозой снова двинуть въ бой рабочіе батальоны, и не разъ правительству приходилось отступать. И когда недавно, на судѣ, раскрылась вся грандіозная картина дѣятельности Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, сами коронные судьи смутились и запинающимся языкомъ пролепетали свой „приговоръ" русскому народу. Да, русскому народу! Ибо пролетаріатъ въ дни октября-декабря защищалъ интересы всего народа противъ его угнетателей.

Въ этой борьбѣ пролетаріатъ не зналъ устали, не страшился жертвъ. Безработица и голодъ давили на него свинцовой тяжестью, но онъ бодро и смѣло шелъ впередъ къ великой цѣли—къ установленію демократической свободы.

Но пролетаріатъ былъ одинъ. Онъ одинъ боролся честно и до конца за народную свободу. Другіе классы пользовались плодами его борьбы, „сочувствовали" ему, но не боролись рука объ руку съ нимъ, а подчасъ и противодѣйствовали его борьбѣ.

Либеральная и демократическая буржуазія горячо привѣтствовала пролетаріатъ, когда онъ своей борьбой давалъ ей возможность свободно собираться и организовываться, печатать книги и газеты безъ цензуры, почувствовать свое гражданское достоинство. Но уже очень скоро начало обнаруживаться, что борьба за свободу—не праздничная прогулка, и что народъ, завоевывающій свободу, хочетъ завоевать ее не только для другихъ, но и для себя.

Промышленники и купцы начали находить, что свобода—вещь пріятная,но борьба за нее—убыточна: стоятъ фабрики и заводы, замираетъ торговля, барыши понижаются. Въ борьбѣ между любовью къ барышамъ и любовью къ свободѣ сердце капиталиста изнемогало и начало все больше и больше склоняться въ сторону барышей. И это тѣмъ болѣе, что рабочіе обнаруживали „дерзкое" намѣреніе, не довольствуясь выниманіемъ каштановъ изъ огня для капиталистовъ, улучшить и свою каторжную долю: сократить рабочій день, повысить заработокъ, отмѣнить унизительные распорядки на

фабрикахъ. За рабочими потянулись служащіе, приказчики, конторщики, прислуга, дворники, швейцары, — весь мелкій людъ, придавленный нуждою и безправіемъ. Господа капиталисты начали находить, что „пора“ прекратить борьбу, что все нужное уже завоевано, что теперь самое важное— миръ и порядокъ. Они оставляли власть въ рукахъ самодержавной бюрократіи въ надеждѣ, что она дастъ имъ нѣкоторый просторъ и въ то-же время обезпечитъ „порядокъ“, столь нужный для безпрепятственнаго обогащенія.

Либеральнымъ помѣщикамъ освободительная борьба стала тоже приходиться не по-нутру. За городомъ начала шевелиться деревня, за рабочими—крестьяне. Крестьяне потянулись къ землѣ, къ помѣщичьей землѣ, которую орошали своимъ потомъ ихъ отцы и дѣды, и помѣщикамъ стало жутко. Они стали такъ же метаться, какъ купцы, и такъ же вздыхать о порядкѣ.

Настроеніе капиталистовъ и помѣщиковъ сейчасъ-же сказалось и на настроеніи того многочисленнаго слоя сытой, болѣе или менѣе обезпеченной ителлигенціи, которая связана съ капиталистами и помѣщиками службой, интересами, узами родства. Люди, недавно еще наполнявшіе разные „союзы“, устраивавшіе митинги, произносившіе громовыя рѣчи и принимавшіе рѣшительныя резолюціи, начали „уставать“ отъ революціи, начали находитъ, что революція приноситъ слишкомъ много безпокойства и требуетъ слишкомъ большихъ „жертвъ“. Правда, именно они несли очень мало жертвъ, можно сказать, почти никакихъ, если сравнить съ тѣми, дѣйствительно огромными жертвами, которыя безъ жалобъ несъ пролетаріатъ. Но это всегда такъ бываетъ. Кто меньше всего борется, тотъ скорѣе всего „устаетъ“.

И вотъ, началось злобное шипѣніе противъ пролетаріата, который „своими забастовками“ не даетъ наступить желанному миру, успокоенію и тишинѣ. Какъ будто рабочіе бастовали для своего удовольствія, а не вынуждаемые необходимостью!

Разумѣется, это не мѣшало буржуазной демократіи пользоваться всѣми тѣми свободами, которыя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обезпечивалъ ей пролетаріатъ „своими забастов-

ками“. Но буржуазія не хотѣла видѣть, чѣмъ обезпечиваются эти свободы. Она вообразила, что и впрямь все дѣло—въ бумагѣ, подписанной 17 октября, и, не поддерживая рабочей борьбы, нападая на пролетаріатъ, безразсудно подрубала сукъ, на которомъ сама сидѣла. Она не хотѣла видѣть, какъ правительство стягиваетъ свои силы, чтобы уничтожить всѣ октябрьскія завоеванія, какъ оно организуетъ черную сотню, наводняетъ желѣзныя дороги „боевыми“ поѣздами, закупаетъ пулеметы и бронированные автомобили, готовитъ „карательныя экспедиціи“. Очень скоро буржуазіи пришлось горько поплатиться за свое преступное легкомысліе, за свою безразсудную вѣру въ „листъ бумаги“ и за свой классовый эгоизмъ, заставившій ее испугаться тѣхъ завоеваній, которыя могли сдѣлать для себя рабочіе и крестьяне.

Мы уже сказали, что крестьяне зашевелились вслѣдъ за рабочими. Но въ движеніи крестьянства на первыхъ порахъ очень сильно сказалась вѣковая деревенская темнота, оторванность крестьянъ другъ отъ друга, трудность организоваться и столковаться. Крестьяне чувствовали, что жизнь ихъ становится невыносимой, что имъ, во что бы то ни стало, надо добиться земли. Но они не знали, какъ это сдѣлать. Они не знали, что на пути къ землѣ надо завоевать волю, и что воля можетъ быть завоевана лишь объединенными усиліями всего народа въ борьбѣ съ правительствомъ. Каждая деревня видѣла лишь своего ближайшаго врага, сосѣдняго помѣщика. Крестьяне метались въ отчаяніи, захватывали помѣщичью землю, уничтожали помѣщичьи усадьбы, чтобы лишить помѣщиковъ возможности вернуться. Но на мѣсто помѣщиковъ являлись карательныя экспедиціи, начинались экзекуціи, грабежи, насиліе, убійства; истощенной деревнѣ приходилось „смириться“. Въ порывѣ мести она пускала гулять „краснаго пѣтуха“, она уничтожала огромныя богатства, но ей самой отъ этого не становилось легче. Крестьянское движеніе въ то время не стало еще политическимъ, не поставило себѣ цѣлью борьбу съ правительствомъ за переходъ власти въ руки народа, и потому не могло побѣдить. И потому-же крестьянство не поддержало сознательно той борьбы, которую велъ въ октябрѣ—декабрѣ пролетаріатъ.

Крестьянство своими волненіями и бунтами расшатывало правительственныя твердыни, но не шло еще рука объ руку съ пролетаріатомъ на штурмъ ихъ.

Не мудрено, что пролетаріатъ изнемогъ въ неравной борьбѣ съ правительствомъ одинъ на одинъ. Онъ не могъ перейти одинъ въ наступленіе и вырвать власть изъ рукъ самодержавной бюрократіи. Но и оборона добытаго въ октябрѣ становилась все труднѣе. Силы пролетаріата подтачивались страшной нуждой, безработицей, закрытіемъ фабрикъ и заводовъ, къ которому прибѣгли правительство и капиталисты, чтобы сломить сопротивленіе рабочихъ.

Реакція наступала все наглѣе и наглѣе. Она наложила снова свою руку на печать, на союзы, на собранія, и, наконецъ, на самые совѣты рабочихъ депутатовъ. Дѣло шло къ развязкѣ. Было очевидно, что правительство идетъ прямымъ путемъ къ возстановленію до-октябрьскаго самодержавія. Передъ рабочими сталъ вопросъ: покориться правительственному насилію и сдать всѣ завоеванія безъ боя, или-же рѣшиться на послѣднюю, отчаянную схватку съ врагомъ въ надеждѣ увлечь своей борьбой другіе классы и зажечь пожаръ всероссійской революціи. Пролетаріатъ рѣшилъ принять бой.

Онъ былъ разбитъ въ этомъ декабрьскомъ бою. Крестьянство молчало, буржуазія не поддержала рабочихъ. И когда они истекали кровью подъ выстрѣлами Дубасовской артиллеріи, крупный капиталъ, въ лицѣ московскаго городского головы Н. Гучкова, кричалъ: „распни его“ и привѣтствовалъ побѣдителя Москвы, а кадетъ Струве громилъ „безуміе стихіи“ — безумство тѣхъ храбрыхъ, которые своею кровью завоевывали и отстаивали свободу, — громилъ „некультурность стихійно возмутившейся своимъ безправіемъ и угнетеніемъ народной массы“, громилъ „забастовочный комитетъ“, „своими безумствами подорвавшій, истощившій хозяйство страны“.

А между тѣмъ побѣжденный пролетаріатъ совершилъ великій подвигъ въ дѣлѣ всенароднаго освобожденія. Пока онъ сдерживалъ своею грудью напоръ реакціи, шла неустанная работа агитаціи и организаціи народныхъ силъ, просвѣтленія народнаго сознанія. Самое пораженіе его —

Москва. разстрѣливаемая правительственной артиллеріей, — лучше словъ говорило сознанію милліоновъ горожанъ и крестьянства, сознанію арміи о непримиримой розни между правительствомъ и народомъ, кроваво-огненнымъ перстомъ указывало народу на врага, котораго нужно побѣдить.

Падая въ декабрьской битвѣ подъ ударами врага, пролетаріатъ вырвалъ у правительства новый избирательный законъ (11 декабря), значительно расширившій число избирателей, и заразилъ всю страну такимъ глубокимъ броженіемъ, что правительство, вопреки казнямъ, разстрѣламъ, кровавой расправѣ, не могло не созвать Государственной Думы.

И когда либеральная и демократическая буржуазія, устами своихъ ораторовъ и писателей, проклинала „безумства“ пролетаріата и заявляла, что „массы своими избирательными записками произведутъ весь нужный для страны переворотъ“, она снова, съ роковой близорукостью, забывала что именно „безумной“ борьбѣ пролетаріата она обязапа и Думой, и избирательнымъ закономъ, и враждебнымъ самодержавію настроеніемъ народныхъ массъ.

Пораженіе послѣ боя это не то, что бѣгство съ поля битвы. Декабрьское пораженіе пролетаріата такъ сильно всколыхнуло всероссійское море, что правительство, безпощадно расправлявшееся съ „безумными“ забастовщиками, и подумать не могло о томъ, чтобы сейчасъ же совершенно искоренить всѣ тѣ „вольности“, къ которымъ пріучилъ гражданъ борющійся пролетаріатъ. Напрягая всѣ силы на подавленіе возставшихъ рабочихъ и крестьянъ, правительство вынуждено было предоставить нѣкоторый просторъ собраніямъ, союзамъ и печати буржуазіи. И буржуазія пользовалась этой относительной свободой, чтобы проклинать „безумства“ пролетаріата!

Достаточно сравнить размахъ и дерзость реакціи послѣ разгона Думы и послѣ декабрьскаго возстанія, чтобы увидѣть, какая огромная разница: молчитъ ли временно обезсиленная „некультурная народная стихія“, или она падаетъ, сраженная въ открытомъ бою...

Правительство вынуждено было созвать Государственную

Думу. Оно созывало ее безвластной и безсильной. Дума могла ставить всѣ вопросы на обсужденіе, могла всенародно говорить о нихъ, могла даже рѣшать ихъ.

Одного она не могла—приводить свои рѣшенія въ исполненіе, ибо, вслѣдствіе пораженія пролетаріата, остался нерѣшеннымъ великій вопросъ революціи — вопросъ о государственной власти.

И именно потому, что основной вопросъ революціи былъ не рѣшенъ; что народъ не завоевалъ власти и потому не могъ удовлетворить ни одной изъ своихъ многочисленныхъ нуждъ, именно поэтому созывъ Думы означалъ, вопреки намѣреніямъ правительства, не конецъ борьбы, а новое обостреніе ея.

Какую роль могла сыграть при такихъ условіяхъ Дума? Что она могла сдѣлать для народа, для дѣйствительной побѣды дѣла свободы?

Она могла использовать предоставленую ей свободу обсужденія для политическаго просвѣтленія народа. Но этого мало. Когда идетъ борьба, мало говорить и понимать; надо дѣйствовать. Думскіе депутаты должны были ясно сознавать, какая задача стоитъ передъ народомъ, — борьба за государственную власть. Они должны были ясно сознавать, что эта задача не можетъ быть рѣшена однѣми рѣчами, что врагъ не сдастъ добровольно своихъ позицій. Они должны были ясно сознавать, что только народныя массы, организованной и планомѣрной борьбой, могутъ добиться низверженія самодержавной бюрократіи.

А въ такомъ случаѣ задача Думы была ясна: стать во главѣ народнаго движенія, слиться съ этимъ движеніемъ, сдѣлаться его душой, опираться на него во всякомъ своемъ шагѣ; сказать себѣ разъ навсегда, что съ самодержавнымъ правительствомъ не можетъ быть ни мира, ни соглашенія, ни перемирія, а одна лишь безпощадная и безустанная борьба; рѣшить твердо и безповоротно всѣми помыслами своими, всѣми своими поступками и рѣшеніями обращаться „книзу“, къ народу, а не „кверху“, не къ власть имущимъ; наперекоръ самодержавію бюрократіи провозгласить самодержавіе народа.

При такихъ условіяхъ Дума могла бы, во главѣ народа, дать рѣшительную битву старому порядку, и не только дать битву, но и выиграть ее.

Но не такъ складывались обстоятельства. Пролетаріатъ, обезсиленный, озлобленный измѣной буржуазіи, въ значительной части своей повернулся спиной къ Думѣ, бойкотировалъ ее. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на старыхъ спорахъ и доказывать, какой крупной ошибкой былъ бойкотъ. Исторія уже достаточно убѣдительно доказала это.

Фактъ таковъ, что, благодаря самоустраненію соціалдемократіи и другихъ революціонныхъ партій, а также благодаря малой политической сознательности и неорганизованности крестьянства, не успѣвшаго создать своей собственной, революціонной партіи и посылавшаго въ Думу просто „хорошихъ“ людей,—благодаря всему этому, рѣшающая роль въ Думѣ выпала на долю кадетовъ, партіи народной свободы.

Но эта партія и въ отдаленной степени не понимала дѣйствительныхъ задачъ Государственной Думы. Забывъ, что только народное движеніе дало имъ возможность выступить на политическую сцену, кадеты всячески старались увѣрить себя и другихъ, что бумага, на которой написанъ манифестъ 17 октября и „права“ Государственной Думы, является единственной надежной гарантіей свободы. Они кричали, что революція кончилась, что теперь у насъ „уже“ конституція, и тѣшились тѣмъ, что называли „бунтовщиками“ Дубасовыхъ, Дурново, Миновъ и пр., потому что дѣйствія этихъ господъ шли въ разрѣзъ съ „конституціей“. Они увѣряли гражданъ, что избирательные бюллетени „сотрутъ главу самодержавнаго змія“, и что стѣны самодержавной твердыни падутъ, какъ Іерихонъ, отъ одного звука думской трубы. Они звали народъ къ миру и спокойствію и обѣщали все устроить одними думскими голосованіями. Словомъ, они дѣйствовали и говорили обратно тому, какъ слѣдовало. Они употребляли всѣ усилія, чтобы отдѣлить „парламентскую“ дѣятельность цѣлой пропастью отъ революціоннаго движенія народа.

Этимъ самымъ думское большинство обрекало свою дѣятельность въ Думѣ на неудачу. Дума послужила дѣлу

революціи, но косвенно, противъ воли своего большинства. Дума послужила дѣлу революціи, но не встала во главѣ ея и потому не могла рѣшить вопроса о государственной власти.

Своею дѣятельностью она лишь обострила этотъ вопросъ въ сознаніи народа. И теперь онъ яснѣе, чѣмъ когда-либо стоитъ передъ всѣми, борющимися за землю и волю, и толкаетъ ихъ мысль отъ безвластной, безсильной Думы къ властному Учредительному Собранію.

Дума должна поставить цѣлью своихъ стремленій — переходъ государственной власти въ руки народа, должна стать органомъ власти. А эта власть должна быть использована для созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, для начертанія основныхъ законовъ россійскаго государства волей народа — самодержавнаго, и потому ни съ кѣмъ не договаривающагося, ни съ кѣмъ не вступающаго въ соглашенія, ни чьему утвержденію не подвергающаго своихъ рѣшеній.

Какъ увидятъ читатели, такія именно задачи сознательно ставило себѣ въ первой Государственной Думѣ рабочее представительство, и только оно одно. Дѣло избирателей— позаботиться, чтобы въ новой Г. Д. эти задачи стали достояніемъ думскаго большинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Думѣ въ цѣломъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выборы рабочихъ депутатовъ.

I.

„Избирательныя права" рабочихъ.

Среди избирательныхъ системъ всего міра, русскій избирательный законъ занимаетъ совершенно исключительное мѣсто. Въ немъ собрано все, что есть наихудшаго въ какой-либо избирательной системѣ; измышленія враговъ народа всѣхъ племенъ и нарѣчій послужили для правительства Витте богатымъ матеріаломъ, изъ котораго оно твердою рукою ковало цѣпи для русскаго народа. Избирательный законъ какъ бы сшитъ имъ наскоро, бѣлыми нитками, склеенъ изъ различныхъ частей, причемъ ни одна изъ нихъ не развита послѣдовательно и не получила преобладанія. Надъ уродливыми подробностями закона преобладаетъ лишь одна мысль: извратить идею народнаго представительства и, въ частности, предоставляя избирательное право рабочимъ, сдѣлать для рабочаго класса это право въ дѣйствительности фиктивнымъ.

Въ общемъ порядокъ выборовъ для рабочихъ установленъ слѣдующій. На фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на которыхъ работаютъ не менѣе 50 рабочихъ мужского пола, рабочіе выбираютъ изъ своей среды уполномоченныхъ, по разсчету одинъ уполномоченный на полную тысячу рабочихъ; предпріятія съ числомъ рабочихъ менѣе полныхъ двухъ тысячъ (отъ 50 до 2.000 раб.) избираютъ одного уполномоченнаго. Уполномоченные на губернскихъ или городскихъ съѣздахъ избираютъ изъ своей среды выборщиковъ, которые, совмѣстно съ выборщиками изъ горожанъ, землевладѣльцевъ и крестьянъ, избираютъ членовъ Государственной Думы. Уполномоченнымъ, а стало быть выборщикомъ и членомъ Думы, можетъ быть избранъ только рабочій, имѣющій отъ роду не менѣе 25 лѣтъ и прослужившій на фабрикѣ не менѣе 6 мѣсяцевъ.

Въ этихъ немногихъ положеніяхъ содержится вся чудовищная система избирательнаго права, созданная правительствомъ для рабочаго класса.

Рабочіе замкнуты въ особый классъ избирателей, въ особую курію. Они избираютъ по фабрикамъ, отдѣльно отъ прочихъ разрядовъ избирателей. Горожане и крестьяне также выдѣлены въ особыя куріи и рабочіе, оставаясь въ своей куріи, не могутъ съ ними войти въ соприкосновеніе, чтобы такъ или иначе оказать воздѣйствіе на исходъ избирательной борьбы.

Рабочіе заперты въ свои избирательныя „стойла". Они могутъ избирать уполномоченныхъ и выборщиковъ только изъ своей среды, т. е. изъ среды рабочихъ своей фабрики. Если бы на данной фабрикѣ не оказалось лица, достойнаго быть избраннымъ въ уполномоченные, то рабочіе все же должны выбрать кого-либо изъ своей среды, такъ какъ посторонняго ихъ фабрикѣ человѣка они избрать не имѣютъ права. Если на собраніи уполномоченныхъ нѣтъ достойнаго быть избраннымъ въ выборщики, уполномоченные все же должны выбрать его изъ своей среды, такъ какъ никого другого они избрать не могутъ.

Рабочіе избираютъ депутатовъ не прямою, а трехстепенною подачею голосовъ: сначала они выбираютъ уполномоченныхъ, затѣмъ уполномоченные избираютъ выборщиковъ, наконецъ, выборщики избираютъ членовъ Думы. Нужно развить высшую степень агитаціи, чтобы, при такихъ условіяхъ, добиться единства взглядовъ и дѣйствія уполномоченныхъ, избранныхъ на пространствѣ цѣлой губерніи.

Избирательное право предоставлено рабочему, не какъ гражданину и даже не какъ рабочему вообще, а только какъ рабочему данной фабрики. Рабочій участвуетъ въ выборахъ только въ томъ случаѣ, если онъ служитъ въ предпріятіи съ числомъ рабочихъ не менѣе 50; если число это менѣе 50, рабочій правомъ голоса не обладаетъ; если всю свою жизнь рабочій прослужилъ на крупнѣйшемъ заводѣ, а ко времени выборовъ перешелъ въ мелкое предпріятіе съ числомъ рабочихъ менѣе 50, онъ также лишается права голоса. Такимъ образомъ, избирательное право какъ бы принадлежитъ не рабочему, а промышленному предпріятію. Рабочіе разсматриваются какъ приписанные къ фабрикѣ, одаряющей своихъ рабочихъ избирательнымъ правомъ, и, пока они къ этой фабрикѣ приписаны, они избирательнымъ правомъ обладаютъ. Правительство удачно сочетало избирательное право съ пережитками права крѣпостного.

Рабочіе въ осуществленіи ими избирательнаго права поставлены въ полную зависимость отъ воли предпринимателя. Это понятно само собою. Если рабочій обладаетъ избирательнымъ правомъ лишь постольку, поскольку онъ служитъ на фабрикѣ, то

стоитъ предпринимателю уволить рабочаго ко времени выборовъ,— и онъ лишается избирательнаго права; это же обстоятельство открываетъ и правительству широкую дорогу ко всестороннему давленію на выборы, ибо достаточно ему внушить предпринимателю—и безпокойные рабочіе будутъ изгнаны изъ фабрики и лишены избирательнаго права. Такъ правительство удачно сочетало избирательное право съ самой открытой формой кабалы и постоянной зависимости рабочаго отъ капиталиста.

Положивъ въ основу избирательнаго права величину промышленнаго предпріятія, законъ ставитъ мелкія предпріятія въ положеніе болѣе благопріятное, чѣмъ крупныя. Въ то время какъ крупный заводъ съ 1.999 рабочими посылаетъ одного уполномоченнаго, мелкое предпріятіе съ 50 рабочими посылаетъ также одного уполномоченнаго. 1.999 рабочихъ пользуются такимъ же голосомъ, какъ 50 рабочихъ! Разсчеты правительства, придумавшаго столь мудрую избирательную систему, совершенно понятны, если взглянуть на слѣдующую таблицу, изображающую число крупныхъ и мелкихъ заводовъ (съ числомъ рабочихъ въ нихъ) въ Европейской Россіи (кромѣ Польши и Кавказа) [1].

Предпріятія съ числомъ рабочихъ.	Число предпріятій.	Число рабочихъ.	Уполномоченныхъ.
Отъ 50 до 100	2.072	145.234	2.072
„ 100 „ 500	2.003	423.723	2.003
„ 500 „ 1000	389	257.698	389
Свыше 1000	212	475.111	424

Несмотря на то, что число рабочихъ въ мелкихъ предпріятіяхъ (отъ 50 до 100) въ три раза меньше, чѣмъ въ крупныхъ (свыше 1000), они посылаютъ въ 5 разъ больше уполномоченныхъ; среднія предпріятія (отъ 100—500) съ числомъ рабочихъ, почти равныхъ числу рабочихъ крупныхъ предпріятій, посылаютъ также въ 5 разъ больше уполномоченныхъ. Правительство все еще разсчитываетъ, что мелкія, приближающіяся къ ремесленнымъ, предпріятія дадутъ болѣе покорныхъ уполномоченныхъ, чѣмъ крупные завѣдомо „бунтарскіе“ заводы, а такъ какъ мелкихъ предпріятій больше, то они и уничтожатъ вліяніе бунтарскихъ уполномоченныхъ. Такъ оно думало подмѣнить избирательное право избирательной зубатовщиной.

Избирательное право предоставлено не всѣмъ рабочимъ, оно не является для нихъ всеобщимъ. Участвовать въ выборахъ имѣютъ право только тѣ мужчины-рабочіе, которые заняты въ

[1]) П. Орловскій. „Государственная Дума и рабочій классъ“. С.-Пб., 1906.

промышленныхъ заведеніяхъ съ числомъ рабочихъ не менѣе 50. Стало быть, лишены избирательнаго права всѣ женщины-работницы и тѣ изъ мужчинъ-рабочихъ, которые заняты въ заведеніяхъ съ числомъ рабочихъ менѣе 50. Лишены избирательнаго права также всѣ рабочіе, занятые не въ промышленныхъ заведеніяхъ: служащіе въ торговыхъ заведеніяхъ, рабочіе желѣзнодорожные (кромѣ мастерскихъ), коночные, трамвайные, строительные рабочіе, чернорабочіе, прислуга и т. д. Приблизительное количество пролетаріата лишеннаго участія въ выборахъ, опредѣляется въ 2.141.815 человѣкъ мужского пола [1]).

Но даже въ тѣхъ жалкихъ предѣлахъ, въ которыхъ правительство рискнуло предоставить рабочимъ избирательное право, оно совершенно произвольно и безъ всякой системы урѣзало представительство рабочихъ, руководствуясь, какъ и во всемъ прочемъ только однимъ соображеніемъ: парализовать всякое вліяніе рабочихъ на выборы. Изъ 71 губерніи избирательное право предоставлено рабочимъ только въ 50 губерніяхъ, рабочіе остальныхъ 21 губерній избирательнаго права лишены. Избирательный законъ опредѣляетъ число выборщиковъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ среднемъ, одинъ выборщикъ приходился на 10 тыс. рабочихъ. Но въ то время какъ для прочаго населенія число выборщиковъ опредѣляется по общему количеству населенія съ женщинами и дѣтьми, для рабочихъ число это опредѣлятся по количеству рабочихъ-мужчинъ, занятыхъ въ промышленности. Если бы разсчетъ выборщиковъ для рабочихъ опредѣлялся по общему правилу, то на 20.800.000 пролетаріата (съ семьями) должно было быть не 245 выборщиковъ, какъ теперь, а около 2000, т. е. въ восемь разъ больше. При такомъ разсчетѣ на Петербургъ пришлось бы не 15 выборщиковъ, а 165, въ Московской губерніи вмѣсто нынѣшнихъ 35—281, во Владимірской вмѣсто 16—65 и т. д. [2]). Повсюду, даже въ предѣлахъ системы избирательнаго закона, представительство отъ рабочихъ уменьшено въ нѣсколько разъ по сравненію съ тѣмъ, что имъ должно было быть предоставлено съ признаніемъ принципа равенства въ избирательномъ правѣ.

Но о принципѣ равенства въ примѣненіи къ избирательному закону 11 декабря вообще говорить не приходится. Онъ весь построенъ на неравенствѣ, на явномъ покровительствѣ помѣщикамъ и городскимъ собственникамъ въ ущербъ крестьянамъ и рабочимъ. Въ то время какъ въ землевладѣльческой куріи одинъ выборщикъ приходится на 2.000 землевладѣльческаго населенія, въ городской—на 4.000, въ крестьянской одинъ выборщикъ на

---

[1]) П. Орловскій. „Государственная Дума и рабочій классъ".

[2]) А. Лосицкій. „Избирательная система Государственной Думы". С.-Пб., 1906.

30.000 и въ рабочей—на 90.000, т. е. голосъ рабочаго цѣнится втрое менѣе, чѣмъ голосъ крестьянина, въ двадцать разъ менѣе, чѣмъ голосъ торговца и промышленника и въ сорокъ разъ менѣе чѣмъ голосъ землевладѣльца. Точно также и ничтожное число рабочихъ выборщиковъ такъ распредѣляется избирательнымъ закономъ по отдѣльнымъ городамъ и губерніямъ, чтобы рабочіе выборщики не могли составить сколько-нибудь замѣтной силы на избирательныхъ собраніяхъ. Изъ 245 выборщиковъ свыше 10 выборщиковъ имѣется только въ 4 губеріяхъ, отъ 5 до 10 выборщиковъ—въ 9 губерніяхъ, менѣе 5 выборщиковъ—въ остальныхъ губерніяхъ, причемъ въ 9 губерніяхъ по одному выборщику, въ 16 губ.—по два, въ 4 губ.—по три и въ 8 губ.—по четыре выборщика. Эти немногіе голоса рабочихъ, конечно, теряются среди прочей массы выборщиковъ. Такъ въ Московской губерніи голоса рабочихъ выборщиковъ составляютъ $^1/_8$ всѣхъ голосовъ, въ Петербургской—$^1/_{10}$, во Владимірской—$^1/_7$, въ Кіевской—$^1/_{35}$ и т. д.[1]). Какую силу сами по себѣ могутъ составить столь ничтожныя дроби?

Очевидно, избирательный законъ сдѣлалъ все, чтобы до послѣдней степени исказить представительство рабочихъ. Выборы по куріямъ и „стойламъ", трехстепенные, крѣпостные и кабальные, столь же далекіе отъ всеобщности въ предѣлахъ рабочаго класса, какъ и отъ равенства по сравненію съ прочимъ населеніемъ—что же еще нужно для того, чтобы изуродовать избирательное право? Но правительство на этомъ не остановилось. Оно и здѣсь не оставило своей старой привычки—дополнять скверные законы еще болѣе скверными циркулярами и разъясненіями. Такъ самодержавная бюрократія всегда правила Россіей, такъ правитъ она и понынѣ.

Инструкція, изданная министромъ внутреннихъ дѣлъ, „разъяснила", что участіе въ выборахъ принадлежитъ только рабочимъ предпріятій фабрично-заводской и горно-заводской промышленности, рабочіе же „иного рода предпріятій" въ выборахъ участія не принимаютъ, причемъ къ этимъ „иного рода" предпріятіямъ причисляются: городскія желѣзныя дороги (съ конной или механической тягой), скотобойни, телефонныя станціи, пароходныя предпріятія и т. п., за исключеніемъ принадлежащихъ этимъ предпріятіямъ механическихъ мастерскихъ съ числомъ рабочихъ свыше 50 человѣкъ. Итакъ, трамвайные кондуктора, вагоновожатые, кучера, матросы, судовая команда лишаются избирательнаго права. Рабочіе ремонтной мастерской трамвая пользуются избирательнымъ правомъ, а кондуктора и вагоновожатые нѣтъ, хотя бы они служили въ томъ же предпріятіи и въ числѣ

---

1) А. Лосицкій. „Избирательная система Г. Д.".

не менѣе 50. Десятки тысячъ рабочихъ оказались ограниченными въ правахъ своихъ.

Другая инструкція касалась спеціально желѣзныхъ дорогъ. Она оставила избирательное право только за „штатными служащими“ и рабочими желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, воспрещая вносить въ списки избирателей всѣхъ „низшихъ служащихъ и рабочихъ“, подъ категорію которыхъ подведены: паровозные кочегары, кочегары постоянныхъ машинъ, ремонтные рабочіе, рабочіе при шпалопропиточныхъ заводахъ, стрѣлочники, сцѣпщики, путевые сторожа, курьеры и т. д. И здѣсь тщетно было бы искать какой-либо логики въ ограниченіи избирательныхъ правъ рабочихъ. Почему машинистъ пользуется избирательнымъ правомъ, а кочегаръ его лишенъ? Почему кондукторъ признанъ полноправнымъ, а стрѣлочникъ ограниченъ въ правахъ? Да, все потому же: потому что нужно гдѣ можно и какъ можно ограничить права рабочихъ. Столь удачнымъ раздѣленіемъ желѣзнодорожныхъ служащихъ на полноправныхъ и безправныхъ количество избирателей изъ ихъ среды уменьшилось на цѣлую четверть: всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ насчитывалось въ 1903 году 368.266 человѣкъ, изъ нихъ лишенныхъ правъ паровозныхъ кочегаровъ, стрѣлочниковъ, сцѣпщиковъ, путевыхъ сторожей—99.856, т. е. одна четвертая часть. Для изгнанія 100.000 избирателей стоило пойти на прямое нарушеніе закона!

Нужно ли говорить, что и всѣ подробности избирательнаго закона правительство неизмѣнно толковало въ ограничительномъ для рабочихъ смыслѣ. Оно пускалось въ толкованія даже тогда, когда никакой нужды въ толкованіяхъ не было, когда въ законѣ ясно говорилось о томъ, что нужно было сказать. Законъ говоритъ, напримѣръ, что для того, чтобы быть избраннымъ въ уполномоченные рабочій долженъ имѣть отъ роду не менѣе 25 лѣтъ и прослужить въ предпріятіи не менѣе шести мѣсяцевъ. Совершенно ясно, что все это относится только къ уполномоченнымъ и совершенно не относится къ рабочимъ-избирателямъ, т. е. принимать участіе въ выборахъ, избирать можетъ каждый взрослый рабочій, если онъ служитъ въ предпріятіи во время выборовъ. Но правительство и здѣсь попыталось наложить руку на права рабочихъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду какихъ-то никому неизвѣстно гдѣ „возникшихъ сомнѣній“, циркулярно пояснило, что „вопросъ о томъ, какія именно возрастныя группы рабочихъ имѣютъ право участвовать въ выборахъ, долженъ разрѣшаться самими рабочими даннаго предпріятія въ соотвѣтствіи съ установившимся обычаемъ“. Скверный, хотя ясный, законъ сталъ темнымъ и еще болѣе скვернымъ. Правительство понадѣялось, что на почвѣ „обычая“, ему удастся кое-гдѣ установить высокій возрастной цензъ для рабочихъ. Такъ оно и оказалось на дѣлѣ: во-

многихъ мѣстахъ заводская администрація, опираясь, вѣроятно, на „обычай“, не допустила къ выборамъ рабочихъ, не достигшихъ 25 лѣтъ отъ роду.

Тотъ же законъ говоритъ, напримѣръ, и о томъ, что для того, чтобы быть избраннымъ въ уполномоченные, рабочій долженъ прослужить въ предпріятіи не менѣе шести мѣсяцевъ. На практикѣ возникъ вопросъ, какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда предпріятіе было временно закрыто? Принимаются ли въ разсчетъ эти перерывы въ работѣ или нѣтъ? Правительство разъяснило: вообще перерывы, „происходившіе вслѣдствіе прекращенія дѣйствія предпріятія“, не принимаются въ разсчетъ, но „во временно закрытыхъ или прекратившихъ работы предпріятіяхъ принимаютъ участіе въ выборахъ лишь тѣ рабочіе, которые не получили еще разсчета и продолжаютъ состоять на службѣ въ этихъ предпріятіяхъ“. Цѣль этого противорѣчиваго разъясненія совершенно очевидна: стоитъ владѣльцу временно закрытаго предпріятія, руководствуясь своими видами или видами правительства, заявить разсчетъ нѣсколькимъ наиболѣе „безпокойнымъ“ или хотя бы всѣмъ рабочимъ предпріятія—и они въ выборахъ принимать участія не будутъ. А такъ какъ въ наши дни фабрики сплошь и рядомъ временно закрываются, то въ такомъ разъясненіи для правительства была прямая нужда: отъ выборовъ могутъ быть устранены новые десятки тысячъ рабочихъ.

Избирательный законъ и всѣ послѣдовавшіе въ „развитіе“ его разъясненія и инструкціи настолько урѣзывали права рабочихъ, что даже правительство должно было временами пускаться на уловки, чтобы сгладить „несовершенства“ избирательной системы. Своими собственными устами и устами услужающихъ ему газетъ оно не переставало указывать, что рабочіе, собственно, поставлены въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ все прочее населеніе. Обладая правомъ голоса въ рабочей куріи, они пользуются, кромѣ того, избирательнымъ правомъ въ городахъ, какъ наниматели отдѣльныхъ квартиръ, и въ деревняхъ, какъ пользующіеся земельнымъ надѣломъ. Еще въ „меморіи“ совѣта министровъ, по поводу Булыгинской Думы, о рабочихъ, лишенныхъ по закону 6 августа избирательнаго права, говорилось: „При дѣйствіи порядка выборовъ на началѣ ценза рабочему населенію вообще не преграждается доступа къ избирательному праву постольку, поскольку онъ не потерялъ связи съ сельскимъ состояніемъ... Рабочіе, имѣющіе участіе въ надѣлахъ, и нынѣ, въ случаѣ своего на то желанія, не только будутъ имѣть доступъ къ выборамъ, но и могутъ быть выбранными въ составъ Думы, но—утѣшаетъ себя „меморія“,—конечно, этимъ правомъ будутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, которые будутъ имѣть возможность отлучиться отъ фабрики, потерявъ соотвѣтственный заработокъ,

и произвести соотвѣтствующіе расходы по передвиженію къ мѣсту выборовъ и обратно"[1]). То же самое говорилось въ правительственномъ сообщеніи, сопровождавшемъ изданіе избирательнаго закона 11 декабря: „Фактическая невозможность выдѣлить изъ состава рабочихъ промышленныхъ заведеній тѣхъ, которые, работая въ нихъ, принадлежатъ къ мѣстнымъ по нахожденію фабрикъ и заводовъ сельскимъ обществамъ и, будучи домохозяевами, имѣютъ участіе въ системѣ крестьянскихъ выборовъ,— привела къ тому, что многіе изъ рабочихъ будутъ имѣть двойное участіе въ выборахъ", что, по мнѣнію правительства, „усиливаетъ вліяніе рабочаго класса на общій исходъ выборовъ". Итакъ, оказывается, что, благодаря чудовищной избирательной системѣ, рабочіе не только не проиграли, но, наоборотъ, выиграли, что ихъ вліяніе на исходъ выборовъ не только не уменьшено, но, наоборотъ, усилилось! Въ качествѣ рабочихъ они голосуютъ въ рабочей куріи, въ качествѣ нанимателей отдѣльныхъ квартиръ—въ городахъ, въ качествѣ надѣльныхъ крестьянъ—въ сельскомъ обществѣ.

Нужно-ли говорить, что все это больше похоже на сказку, чѣмъ на дѣйствительность? Конечно, тѣ рабочіе, которые не потеряли связи съ сельскимъ обществомъ, могутъ голосовать въ крестьянской куріи. Но много-ли такихъ? Правительственное сообщеніе отъ 11 декабря само указываетъ, что принять участіе въ крестьянскихъ выборахъ могутъ только тѣ рабочіе, которые работаютъ на фабрикахъ, расположенныхъ въ предѣлахъ того сельскаго общества, къ которому рабочіе приписаны, иначе говоря, только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рабочимъ, какъ это предусмотрѣла „меморія", для участія въ сельскихъ выборахъ не нужно будетъ отлучаться отъ фабрики, терять заработки и производить расходы по переѣзду къ мѣсту выборовъ и обратно. Всѣ тѣ рабочіе, которые работаютъ не на родинѣ и которымъ для того, чтобы подать голосъ, нужно потерять нѣсколько рабочихъ дней, на дѣлѣ своимъ правомъ воспользоваться не могутъ. Преимущество, о которомъ говорило правительство, является въ значительной степени призрачнымъ, а права рабочихъ—тѣмъ, на языкѣ юристовъ, „голымъ правомъ", котораго рабочіе не могутъ использовать.

То же самое и съ правомъ рабочихъ-квартиронанимателей. Законъ допускаетъ къ участію въ выборахъ лицъ, „не мѣнѣе года занимающихъ въ предѣлахъ города (или въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда) на свое имя отдѣльную квартиру". Но и здѣсь дѣло въ томъ, что изъ общаго числа рабочихъ, въ особенности фабричныхъ, только немногіе нанимаютъ отдѣльныя

---

[1]) „Матеріалы по учрежденію Государственной Думы", стр. 34.

квартиры, большинство живетъ въ фабричныхъ казармахъ, снимаетъ комнаты, углы, коечно-поморочныя помѣщенія, т. е. не относятся къ числу тѣхъ, которые, нанимая отдѣльную квартиру, обладаютъ избирательнымъ правомъ. Кромѣ того, законъ говоритъ только о лицахъ, нанимающихъ отдѣльныя квартиры въ предѣлахъ города или городскихъ поселеній; всѣ фабричные села и поселки, не считающіяся городскими поселеніями, исключаются и занимающіе въ нихъ отдѣльныя квартиры избирательнымъ правомъ не обладаютъ. Между тѣмъ, большая часть промышленныхъ заведеній расположена внѣ городовъ [1]), такъ что, если бы рабочіе такихъ заведеній, и занимали отдѣльныя квартиры—это не дало бы имъ права участвовать въ выборахъ. Остаются тѣ немногіе рабочіе, которые снимаютъ квартиры въ городахъ и городскихъ поселеніяхъ, но число ихъ тонетъ въ многомилліонной массѣ пролетаріата и права ихъ тонутъ въ общемъ безправіи рабочихъ [2]). Только въ городахъ, да и то не всѣ, а часть рабочихъ можетъ использовать свои права, какъ квартиронаниматели [3]).

---

[1]) Въ городахъ находятся 40% всѣхъ предпріятій съ 41% всѣхъ рабочихъ, внѣ городовъ—60% предпріятій съ 59% всѣхъ рабочихъ.

[2]) Конечно, въ отдѣльныхъ городахъ число рабочихъ квартиронанимателей можетъ быть довольно значительно, въ особенности среди рабочихъ мелкихъ предпріятій, не участвующихъ въ выборахъ по городской куріи. Косвеннымъ показателемъ числа ихъ можетъ служить количество избирателей, исключенныхъ изъ списковъ по выборамъ во вторую Думу въ силу сенатскихъ разъясненій (о нихъ въ слѣд. прим.). Такъ, исключено квартиронанимателей въ Одессѣ и Кіевѣ по 20 т., въ Москвѣ 9 т., въ Царицынѣ 3 т., Курскѣ 1000 и т. д.—среди нихъ, несомнѣнно, большая часть рабочихъ. Собственно рабочихъ исключено: въ Вильнѣ 1457, въ Елисаветградѣ 1564, въ Петербургѣ около 10 т., въ Бѣлостокѣ 1000 и т. д.

[3]) Излагая избирательный законъ, мы имѣемъ въ виду выборы въ первую Думу. Но съ тѣхъ поръ, ко времени производства выборовъ во вторую Думу, положеніе еще болѣе ухудшилось. Изъ сказаннаго выше видно, что и тогда правительство старалось, путемъ инструкцій и разъясненій, урѣзать права рабочихъ. Такъ какъ выборы рабочими бойкотировались, то правительству не было нужды особенно „налегать" — оно ограничилось „легкими" набѣгами на рабочую курію. Теперь обстоятельства измѣнились, рабочіе рѣшили принять дѣятельное участіе въ выборахъ—и правительство пустилось безъ удержу по пути самаго явнаго обкрадыванія правъ рабочихъ. Оно повело всестороннюю атаку и напрягаетъ всѣ усилія, чтобы загнать рабочихъ въ избирательное „стойло". Вотъ краткій перечень совершенныхъ, во славу россійской „конституціи", беззаконій:

1) По приказу министерства внутреннихъ дѣлъ сенатъ „разъяснилъ", что рабочіе, имѣющіе право голоса въ рабочей куріи, „не могутъ одновременно участвовать въ выборахъ также и въ городскомъ избирательномъ участкѣ или въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, или городскихъ избирателей, или уполномоченныхъ отъ волостей". „Привилегія" рабочихъ, которой хвалилось правительство, оказалось не болѣе, какъ беззаконіемъ, уничтоженнымъ нынѣ по волѣ сената!

Урѣзавъ и изуродовавъ избирательныя права рабочихъ, правительство предполагало, что оно окончательно закрыло предъ рабочими доступъ въ Думу. Такъ предполагало, впрочемъ, не только правительство. Многіе думали, что разъ рабочіе выборщики составляютъ ничтожную величину по сравненію съ выборщиками прочихъ разрядовъ, стало быть не можетъ быть и рѣчи объ избраніи въ Думу рабочихъ депутатовъ. Всѣ дѣлавшіе столь мрачныя предсказанія исходили изъ предположенія, что рабочіе выборщики могутъ быть избраны только въ рабочей куріи и не могутъ быть избраны другими разрядами избирателей и что, во-вторыхъ, между выборщиками невозможно такое соотношеніе силъ, когда большинство склонилось бы на сторону рабочаго выборщика.

Оба эти предположенія опровергнуты опытомъ первой избирательной кампаніи. Рабочіе депутаты, несмотря на ничтожное число рабочихъ выборщиковъ, были избраны въ 16 губерніяхъ

---

2) Хотя сенатское „разъясненіе“ можно толковать и въ томъ смыслѣ, что рабочіе должны голосовать въ какой-нибудь одной куріи, т. е. могутъ, напр., отказавшись отъ голоса въ рабочей куріи, воспользоваться своимъ правомъ въ качествѣ квартиронанимателей, однако министерство внутреннихъ дѣлъ поспѣшило въ свою очередь „разъяснить“, что „рабочіе не подлежатъ вовсе внесенію въ избирательные списки, хотя бы и владѣли соотвѣтствующимъ имущественнымъ цензомъ, къ числу каковыхъ цензовъ относится и содержаніе на свое имя отдѣльной квартиры“. Такимъ образомъ, рабочіе, имѣющіе право голосовать въ рабочей куріи, *должны* голосовать *только* въ этой куріи и лишаются избирательнаго права въ качествѣ квартиронанимателей.

3) Но что такое „отдѣльная квартира“, наемъ которой даетъ избирательное право? Этотъ вопросъ, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду рабочихъ, не голосующихъ въ рабочей куріи и стало быть, обладающихъ избирательнымъ правомъ, какъ наниматели квартиръ,—этотъ вопросъ поставило министерство внутреннихъ дѣлъ сенату, а сенатъ не замедлилъ „разъяснить“: „подъ именемъ отдѣльной квартиры“ слѣдуетъ разумѣть „такое предназначенное для жилья помѣщеніе“ обособленный характеръ котораго свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ домохозяйственномъ бытѣ жильцовъ; главнѣйшими внѣшними признаками отдѣльной квартиры являются: отдѣльный ходъ, неимѣніе внутренняго сообщенія съ другими жилыми помѣщеніями или наличность особой кухни или очага для изготовленія пищи“. А чтобы не было никакихъ сомнѣній, что „разъясненіе“ это составляетъ незаконное покушеніе на права рабочаго и вообще малосостоятельнаго люда, сенатъ добавилъ: „не пользуются избирательными правами по занимаемымъ квартирамъ: а) лица, сообща, на равныхъ правахъ или на условіяхъ, по взаимному между собою соглашенію, занимающія отдѣльную квартиру, б) лица, по бѣдности своей, пользующіяся квартирой безплатно—отъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій или у частныхъ лицъ, и в) комнатные и угловые жильцы“. Такимъ образомъ, лишаются избирательнаго права не только лица, нанимающія отдѣльную комнату отъ домохозяина, но и лица, нанимающія квартиру совмѣстно, или занимающія квартиру, въ которой нѣтъ кухни или „очага для изготовленія пищи“. Вообще, вопреки точному смыслу избирательнаго закона, избирательное право признано сенатомъ не за

а депутаты соціалдемократы, кандидатура которыхъ выставлена была партійными организаціями, избраны отчасти въ губерніяхъ, гдѣ „самостоятельное" представительство рабочихъ крайне слабо (въ Тифлисѣ 1 выборщикъ отъ рабочихъ), отчасти въ губерніяхъ, гдѣ рабочіе совсѣмъ не обладаютъ „самостоятельнымъ" избирательнымъ правомъ (Кутаисская губ. и Сибирь) и гдѣ, если слѣдовать мрачнымъ предсказаніямъ, трудно было даже предполагать, чтобы избранъ былъ не только соціалдемократъ, но и просто рядовой рабочій.

Опытъ первой избирательной кампаніи показалъ, что одного желанія канцелярскихъ законодателей уложить жизнь въ заготовленныя ими рамки еще далеко недостаточно для того, чтобы жизнь, дѣйствительно, въ нихъ улеглась. При многостепенной системѣ выборовъ, какъ и при всякой другой, исходъ выборовъ предрѣшается на первой степени ихъ: отъ состава уполномоченныхъ зависитъ составъ выборщиковъ, отъ состава выборщиковъ—составъ членовъ Думы; наибольшее значеніе имѣетъ, поэтому,

---

нанимателями квартиръ, а только за тѣми изъ нихъ, которые отличаются „самостоятельнымъ хозяйственнымъ бытомъ", т. е. за болѣе состоятельными.

4) Но что такое „рабочій"? И этимъ вопросомъ пришлось правительству поинтересоваться, а сенатъ, конечно, „разъяснилъ": „вопросъ о принадлежности того или другого лица къ числу рабочихъ долженъ быть разрѣшенъ не только въ зависимости отъ того, есть-ли у даннаго лица рабочая книжка, но и въ зависимости отъ фактическихъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о томъ, принимаетъ ли данное лицо своей работой участіе въ заводскомъ производствѣ или нѣтъ, въ качествѣ рабочаго". Это значитъ вотъ что: если въ рабочую курію попадетъ лицо, у котораго имѣется рабочая книжка, но его почему-либо надо изгнать изъ куріи — тогда появятся на сцену „фактическія обстоятельства, свидѣтельствующія" (при содѣйствіи, напр., полиціи и шпіоновъ), что оно работой въ заводскомъ производствѣ не занято. Или наоборотъ: въ городской куріи обладающее избирательнымъ правомъ лицо, хотя и не имѣетъ рабочей книжки, т. е. не состоитъ въ договорныхъ отношеніяхъ съ заводоуправленіемъ, занято работой на заводѣ—и здѣсь съ помощью „фактическихъ обстоятельствъ свидѣтельствующихъ" (при содѣйствіи хотя бы тѣхъ-же шпіоновъ) его можно лишить права. Такъ, ко всѣмъ прочимъ сочетаніямъ, правительство на этотъ разъ сочетало избирательное право съ полицейскимъ сыскомъ!

Послѣ столь послѣдовательнаго изгнанія рабочихъ изъ городской куріи въ рабочее стойло, осталось заняться немного этимъ послѣднимъ, изгнать, кого удастся, изъ рабочей куріи. Во исполненіе этой задачи послѣдовало „разъясненіе".

5) Сенатъ причислилъ къ разряду желѣзнодорожныхъ „нижнихъ служителей и рабочихъ" и лишилъ избирательнаго права: оберъ-кондукторовъ, кондукторовъ, паровозныхъ машинистовъ и ихъ помощниковъ, старшихъ рабочихъ, ремонтныхъ рабочихъ, кочегаровъ, мостовыхъ слесарей, стрѣлочниковъ и т. д. Этимъ исправлена была погрѣшность инструкціи, о которой мы говорили выше: всѣ желѣзнодорожные рабочіе (кромѣ мастерскихъ) лишены избирательнаго права!

(О походѣ правительства противъ правъ рабочихъ см. Л. Мартовъ—„Подарокъ русскимъ крестьянамъ и рабочимъ". С.-Пб., 1906, ц. 5 к.).

борьба въ средѣ первичныхъ избирателей (рабочихъ, крестьянъ, горожанъ), и всѣ политическія партіи не только начинаютъ избирательную агитацію съ этой первой степени, но и на ней, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточиваютъ свои силы. Какихъ уполномоченныхъ изберетъ деревня? Какихъ выборщиковъ пошлютъ города? Будутъ-ли это исключительно враги рабочихъ или найдутся среди нихъ возможные союзники рабочаго класса и даже его прямые представители? Отъ того или иного отвѣта на эти вопросы зависитъ судьба рабочихъ депутатовъ.

Какихъ уполномоченныхъ могла избрать деревня? Относительно прошлаго отвѣтъ на этотъ вопросъ дала первая избирательная кампанія. Голодное, безправное, „бунтующее" крестьянство шло на выборы съ однимъ, основнымъ и главнымъ требованіемъ—земли и воли. Если исключить сравнительно немногочисленные случаи, когда крестьяне поддавались давленію начальства и избирали волостныхъ старшинъ, писарей, кулаковъ и прочихъ своихъ черносотенныхъ благодѣтелей, то въ подавляющемъ числѣ крестьяне избирали уполномоченными „хорошихъ" людей, т. е. людей, которые, по ихъ мнѣнію, могли бороться за крестьянское дѣло. Во многихъ случаяхъ это были интеллигенты, приписанные къ сельскому обществу,—учителя, земскіе служащіе; нерѣдко это была деревенская, крестьянская интеллигенція, сознательные крестьяне, шедшіе впереди въ крестьянской борьбѣ съ помѣщиками и начальствомъ,—часто крестьяне избирали ихъ, несмотря на то, или вѣрнѣе, именно потому, что они, пострадавъ за общее дѣло, сидѣли въ тюрьмахъ. Но все-же въ громадномъ большинствѣ уполномоченные состояли не изъ такихъ интеллигентовъ и сознательныхъ крестьянъ.

Бойкотъ выборовъ, охватившій организованный пролетаріатъ и лучшую часть интеллигенціи, лишилъ крестьянъ и лучшихъ уполномоченныхъ и лучшихъ совѣтниковъ въ выборномъ дѣлѣ. Предоставленные собственнымъ силамъ, крестьяне искали „хорошаго" человѣка вокругъ себя и избирали своего брата крестьянина, который, не разбираясь въ политическихъ программахъ, былъ твердъ, однако, въ пониманіи основной нужды крестьянской—нужды земли и воли. Въ массѣ своей крестьянскіе уполномоченные, какъ и все крестьянство, были проникнуты протестомъ противъ политическаго и земельнаго гнета; они были далеки отъ той реакціонности, которой такъ жаждало правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не настолько ясно сознавали свои политическія требованія, чтобы составить самостоятельную политическую силу или пойти за какою-нибудь одною политическою партіей. Поэтому, избравъ выборщиковъ по образу и подобію своему, они толкнули ихъ дальше по избирательному пути, давъ все тотъ-же единый наказъ—земли и воли—и предоставивъ

имъ самимъ искать дорогу и къ землѣ, и къ волѣ. И крестьянскіе выборщики искали дорогу, примѣняясь къ тому, какъ благопріятно складывались для нихъ обстоятельства. Тамъ, гдѣ они сталкивались на губернскихъ собраніяхъ съ реакціонной землевладѣльческой массой, они старались проводить въ Думу своего, крестьянина, довѣряя ему, а не господамъ, дальнѣйшую защиту крестьянскаго дѣла. Тамъ, гдѣ въ губернскихъ собраніяхъ преобладали прогрессивные выборщики,—а такихъ было громадное большинство—крестьянскіе выборщики шли за прогрессивными партіями, становились на сторону тѣхъ, кто, съ ихъ точки зрѣнія, правильно разрѣшалъ больные для крестьянства вопросы. Въ однихъ мѣстахъ это были кадеты, въ другихъ—„крайніе лѣвые", трудовики и рабочіе. При этомъ почти повсюду, гдѣ трудовики и рабочіе проявляли себя, излагали свои программы и звали крестьянъ къ борьбѣ за лучшую долю, крестьянскіе выборщики отдавали преимущество имъ. Если въ трудовикахъ они видѣли естественныхъ представителей крестьянства, то въ рабочемъ они видѣли не только своего брата-крестьянина, хорошо понимающаго крестьянскую нужду, но и представителя того класса, который издавна и впереди другихъ ведетъ борьбу за свободу и который можетъ быть лучшимъ борцомъ за крестьянское дѣло.

Такъ протекала для крестьянъ избирательная кампанія. Она не удержалась въ тѣхъ „стойлахъ", какія пріуготовило для нея правительство, она расчистила, хотя и въ неполномъ и несовершенномъ видѣ, дорогу для политической борьбы и, втягивая въ эту борьбу крестьянскихъ выборщиковъ, такъ видоизмѣняла составъ выборщиковъ, что, вопреки всѣмъ планамъ реакціи, избранными оказывались и представители крайнихъ партій.

Несомнѣнно, еще болѣе неожиданные результаты—съ точки зрѣнія избирательнаго закона—получились бы, если бы революціонныя партіи, вмѣсто бойкота, принимали участіе въ выборахъ. Опираясь на свои силы, крестьянство само пролагало себѣ дорогу въ Думу; во время избирательной борьбы оно не только не подвинулось впередъ по пути къ сплоченію въ крестьянскую партію, но, наоборотъ, своей поддержкой обезпечило побѣду другимъ партіямъ и само осталось, какъ прежде, неорганизованнымъ и необъединеннымъ. Если бы въ выборахъ принимали участіе партіи, стоящія близко къ крестьянству, способныя защищать и отстаивать его интересы, то, собираясь вокругъ такой партіи, крестьянство могло бы сплотить свои силы, внести больше содержательности въ избирательную борьбу, а это, въ свою очередь, отразилось бы на составѣ крестьянскихъ выборщиковъ, сдѣлавъ его болѣе благопріятнымъ для побѣды крайнихъ партій.

Какихъ выборщиковъ могли избрать города? И на этотъ вопросъ относительнаго прошлаго отвѣтила первая избирательная

кампанія. Почти во всѣхъ городахъ, самостоятельно избирающихъ членовъ Думы, и въ большинствѣ городскихъ съѣздовъ побѣдили кадеты и родственныя имъ политическія группы. Кто теперь не понимаетъ, что ка-деты пожали то, что посѣяла революція? Масса городского населенія жила ненавистью къ самодержавно-полицейскому строю, весь ужасъ котораго она чувствовала десятки лѣтъ и наиболѣе ощутительно узнала какъ въ „дни свободъ", такъ и въ послѣдовавшіе за ними дни правительственно-черносотенныхъ погромовъ и разгромовъ. Она понесла эту ненависть къ избирательной урнѣ, и, не найдя здѣсь ни одной изъ тѣхъ партій, которая отразила бы полностью ея революціонное настроеніе, отдала свои голоса единственной оказавшейся налицо оппозиціонной партіи—ка-детской. Это основное настроеніе избирателей не могло не передаться выборщикамъ; поскольку оно царило среди нихъ, оно должно было заставить ихъ уступить часть своихъ мѣстъ тѣмъ, кому эти мѣста принадлежатъ по праву. Такъ могло создаться и среди городскихъ выборщиковъ отношеніе благопріятное для рабочихъ депутатовъ.

Все это относится, конечно, не ко всей массѣ городскихъ избирателей. Наряду съ представителями капитала и домовладѣнія, избирательный законъ 11 декабря предоставилъ право голоса всѣмъ квартиронанимателямъ, а также служащимъ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ и служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ. Въ эти разряды избирателей входятъ и ремесленники, и приказчики, и мелкій торговый людъ, черносотенный только въ фантазіи союза русскаго народа; здѣсь пользуется избирательнымъ правомъ служащая интеллигенція, служащіе желѣзнодорожные, находящіеся на земской или городской службѣ учителя, врачи, фельдшера, канцелярскіе служители и т. д. Въ качествѣ нанимателей отдѣльныхъ квартиръ можетъ обладать здѣсь нѣкоторая—въ иныхъ городахъ значительная—часть рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ менѣе 50, и часть рабочихъ, служащихъ въ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ болѣе 50 и пользующихся избирательнымъ правомъ въ рабочей куріи. Мы упоминали, что такихъ рабочихъ-квартиронанимателей не много, что они тонутъ въ общей массѣ безправнаго пролетаріата. Но поскольку они пользуются правомъ голоса въ городской куріи, они могутъ составить то ядро, вокругъ котораго соберутся пролетарскіе и демократическіе элементы городской избирательной куріи. Рабочіе избиратели, собирая въ одно цѣлое городской пролетаріатъ, могутъ, своей послѣдовательной демократической программой, увлечь за собою массу средняго городского избирателя, жаждущаго не „успокоенія", а свободы, либо, непрестаннымъ разоблаченіемъ нерѣшительности буржуазныхъ партій, толкать мелко-буржуазную демократію на

путь болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ въ составѣ городскихъ выборщиковъ могутъ произойти измѣненія, благопріятныя для рабочихъ депутатовъ.

Вся цѣль избирательнаго закона сводилась къ тому, чтобы сдѣлать Думу представительствомъ крупно-владѣльческой буржуазіи. Для этого заперты рабочіе въ избирательныя стойла; для этого всѣ избиратели разбиты по куріямъ и отдѣлены другъ отъ друга китайскою стѣною; для этого почти повсюду числа выборщиковъ распредѣляются такъ, чтобы рабочіе и крестьяне не могли составить большинства. Но разсчеты правительства не оправдались и не оправдаются въ будущемъ. Крупинки демократіи, проникшія въ избирательную массу, заставляютъ бродить революціонныя силы народа, и броженіе это, разрастаясь вширь и вглубь, ломитъ рамки закона, заставляетъ ихъ поддаться и пропустить лучшихъ выразителей воли народной. Не „махинаціи" партій и не „совѣстливость" ка-детовъ обезпечили въ Думѣ 18 мѣстъ представителямъ пролетаріата. Если на Кавказѣ и въ Сибири горожане подавали свои голоса за соціалдемократовъ, если во многихъ губерніяхъ за рабочихъ депутатовъ голосовали въ однихъ мѣстахъ крестьяне, въ другихъ—крестьяне и горожане, то это былъ лишь послѣдній ударъ волны, катившейся отъ низовъ революціоннаго народа.

II.

Выборы въ рабочей куріи.

Какъ проходили выборы въ рабочей куріи? Какъ и для чего воспользовался рабочій классъ той чудовищной избирательной системой, о которой мы говорили выше? Отвѣтить на этотъ вопросъ—значитъ, прежде всего, отвѣтить на другой вопросъ: какое распространеніе нашелъ среди рабочихъ бойкотъ и какое вліяніе оказалъ онъ на выборы.

Уже общія данныя объ успѣхѣ тактики бойкота показываютъ, что тщетно было бы искать здѣсь какого-нибудь общаго правила, общей планомѣрности. Повидимому, наиболѣе успѣшно проведенъ бойкотъ тамъ, гдѣ наиболѣе сильно вліяніе революціонныхъ партій, бойкотировавшихъ выборы, хотя наблюдались отклоненія отъ этого правила. Далѣе, въ однихъ мѣстахъ бойкотировали выборы крупные заводы и принимаютъ въ нихъ участіе мелкія и среднія предпріятія, въ другихъ мѣстахъ бойкотъ нашелъ болѣе благопріятную почву въ мелкихъ предпріятіяхъ, крупныя-же,

наоборотъ, выбирали. Въ однихъ районахъ города даютъ большій процентъ бойкотировавшихъ предпріятій, чѣмъ внѣгородскія фабричныя поселенія, въ другихъ, наоборотъ, города принимаютъ болѣе дѣятельное участіе въ выборахъ.

Если ограничиться болѣе промышленными губерніями, исключая Литву, Польшу и Прибалтійскій Край, то общіе итоги „бойкотной тактики" представятся въ слѣдующемъ видѣ: [1])

Губерніи.	Предпріятій, имѣвшихъ право участвовать въ выборахъ.	Предпріятій, принимавш. участія въ выборахъ.	Предпр., не принимавш. участія въ выборахъ.	% пред. не прин. уч.
Петербургская .	320	193	127	39
Московская . .	633	492	141	22
Харьковская . .	107	53	54	50
Костромская . .	83	53	30	36
Ярославская . .	79	63	16	20
Херсонская . .	134	89	45	33
Владимірская .	158	134	24	15
Тверская . . .	53	46	7	13
Екатеринослав.	207	171	35	17
Тульская . . .	50	47	3	6
Кіевская	173	120	53	30

Такимъ образомъ, больше всего предпріятій, не принимавшихъ участія въ выборахъ, было въ Петербургской губ., за ней слѣдуетъ Харьковская, Костромская, Кіевская, Московская и другія. Столь промышленная губернія, какъ Екатеринославская, даетъ меньшій процентъ не выбиравшихъ предпріятій, чѣмъ менѣе промышленная Тверская. Московская и Петербургская губерніи, обѣ промышленныя, насчитывающія наибольшее число организованныхъ рабочихъ, однако, сильно разнятся по числу не выбиравшихъ предпріятій: въ Московской губерніи ихъ вдвое меньше, чѣмъ въ Петербургской.

Еще большее разнообразіе получится, если мы выдѣлимъ изъ этихъ губерній города, и расположимъ числа приведенной таблицы отдѣльно по губерніямъ безъ городовъ и отдѣльно по городамъ:

---

[1]) Данныя для таблицъ взяты изъ оффиціальныхъ списковъ, публикуемыхъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти данныя не совсѣмъ точны, такъ какъ дополнительные списки не всегда опубликовывались. Отклоненія эти, впрочемъ, совершенно незначительны и, касаясь нѣсколькихъ предпріятій, не могутъ измѣнить общаго характера данныхъ.

Губерніи.	Предпріятій, имѣвшихъ право участвовать въ выборахъ.	Предпріятій, принимавш. участіе въ выборахъ.	Предпр., не принимавш. участія въ выборахъ.	% пред. не прин. уч.
Петербургская (безъ Петербурга и пригород.)	92	38	54	58
Московск. (безъ Москвы) . . .	302	237	65	21
Харьковск. (безъ Харькова) . .	69	39	30	43
Ярославск. (безъ Ярославля) .	54	41	13	24
Херсонск. (безъ Одессы и Николаева) . . .	54	46	8	14
Владимір. (безъ Иванова - Вознесенска) . . .	131	116	15	11
Екатеринославская (безъ Екатеринослава) .	186	159	26	14
Тульская (безъ Тулы)	29	26	3	10
Кіевская (безъ Кіева)	115	79	36	31

Выдѣленіе городовъ нѣсколько измѣняетъ общую картину. Ярославская губернія обгоняетъ Московскую, Екатеринославская— Владимірскую, хотя, казалось бы, для этого нѣтъ достаточныхъ причинъ: Московская губ. и безъ Москвы заключаетъ въ себѣ больше предпріятій и болѣе крупныхъ, чѣмъ Ярославская безъ Ярославля, а Екатеринославская губернія, съ ея рудниками и горнозаводскими предпріятіями, могла бы превзойти Владимірскую губ. въ большей степени, чѣмъ это оказалось на самомъ дѣлѣ.

Въ городахъ найти какую-нибудь послѣдовательность еще труднѣе. (См. таблицу на стр. 34).

Изъ этой таблицы видно, что впереди другихъ городовъ идутъ пригороды Петербурга, за ними слѣдуютъ Харьковъ, Одесса, Петербургъ, Екатеринославъ, Иваново-Вознесенскъ, Москва и др. Если мы сравнимъ эту таблицу съ предыдущей, то увидимъ, что въ то время, какъ въ однѣхъ губерніяхъ города даютъ больше не выбиравшихъ предпріятій, чѣмъ губерніи безъ городовъ, въ другихъ губерніяхъ наблюдается обратное; въ Харьковѣ, напр., и Екатеринославѣ больше процентъ не выбиравшихъ предпріятій, чѣмъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ безъ этихъ городовъ, въ Ярославской, наоборотъ, въ губерніи не выбирало больше предпріятій, чѣмъ въ Ярославлѣ, и т. д.

Города.	Предпріятій, имѣвшихъ право участвовать въ выборахъ.	Прин. участіе въ выборахъ.	Не приним. участіе въ выборахъ.	% пред. не прин. уч.
Петербургъ . .	271	138	133	49
Пригороды Петербурга . . .	57	17	40	70
Москва . . .	331	255	76	23
Харьковъ . . .	38	14	24	63
Ярославль . .	25	22	3	12
Одесса.	70	35	35	50
Николаевъ . .	10	8	2	20
Иваново-Вознесенскъ	27	18	9	33
Екатеринославъ	21	12	9	42
Кіевъ	58	41	17	29

Приведенныя данныя, однако, не даютъ еще полнаго представленія объ успѣхѣ тактики бойкота. Если число предпріятій, не производившихъ выборовъ, въ массѣ, совпадаетъ съ числомъ бойкотировавшихъ предпріятій, то о числѣ предпріятій, участвовавшихъ въ выборахъ, отнюдь нельзя сказать, что этихъ предпріятій не коснулся бойкотъ. Напротивъ, въ очень многихъ случаяхъ—это можно утверждать въ особенности о городахъ,—на этихъ предпріятіяхъ одна часть рабочихъ бойкотировала выборы, а другая выбирала, такъ что на такихъ предпріятіяхъ бойкотъ былъ осуществленъ только частично. Мы увидимъ это сейчасъ на примѣрѣ Петербурга и многихъ другихъ мѣстъ Россіи.

Въ Петербургѣ результаты бойкота представляются въ слѣдующемъ видѣ: (см. табл. стр. 35).

Итакъ, общія данныя говорятъ о томъ, что въ Петербургѣ бойкотировали выборы 49%, т. е. почти половина предпріятій. Если взять болѣе промышленныя части города, то окажется, что наиболѣе успѣшно бойкотъ прошелъ въ Суворовской части (55%), за ней слѣдуютъ: Московская (52%), Рождественская (50%), Выборгская (51%), Петербургская (47%), Александро-Невская (40%) и Нарвская (28%). Уже одни эти данныя говорятъ, что бойкотъ былъ проведенъ достаточно дружно. Но болѣе близкое знакомство съ выборами показываетъ, что почти на всѣхъ предпріятіяхъ, отнесенныхъ къ числу выбиравшихъ, въ выборахъ принимала участіе ничтожная часть рабочихъ. Такъ, на Новой бумагопрядильнѣ изъ 2.000 рабочихъ принимали участіе въ выборахъ всего 150 человѣкъ, которые выбрали двухъ уполномоченныхъ; на Невской бумагопрядильнѣ изъ 1.900 рабочихъ правомъ голоса пользуются 707 человѣкъ, явилось на выборы 80, которые

Части города.	Предпріятій, имѣвшихъ право уч. въ выб.	Пред., прин. участіе въ выборахъ.	Пред., не-прин. участ. въ выб.	% пред. не прин. уч.
Адмиралтейская	9	3	6	66
Казанская . . .	8	6	2	25
Алекс.-Невская	44	26	18	40
Нарвская . . .	28	21	7	25
Московская .	23	11	12	52
Литейная . . .	10	6	4	40
Коломенская . .	7	2	5	71
Выборгская . .	27	13	14	51
Суворовская . .	20	9	11	55
Петербургская .	40	22	18	45
Васильевская .	29	7	22	76
Рождественская	16	8	8	50
Спасская . . .	10	4	6	60
По Петербургу .	271	138	133	49

единогласно избрали уполномоченнаго; на механическомъ и прокатномъ заводѣ Франко-русскаго общества большинствомъ голосовъ рабочіе постановили выборовъ не производить, изъ 400 явившихся за выборы высказались 27 человѣкъ, которые избрали уполномоченнаго. На желѣзо-прокатномъ заводѣ общества С.-Петерб. желѣзо-прокатныхъ и проволочныхъ заводовъ изъ 800 рабочихъ явились на выборы 250; такъ какъ администрація завода заявила, что не допуститъ къ выборамъ тѣхъ рабочихъ, которые были уволены за забастовку и затѣмъ приняты обратно, то большинство изъ явившихся покинуло собраніе; оставшіеся 40 человѣкъ избрали уполномоченнаго. На Гвоздильномъ заводѣ (Вас. остр.) изъ 3.200 рабочихъ въ выборахъ приняли участіе 400, на фабрикѣ Осипова изъ 400 явилось 175, на Россійской бумажной мануфактурѣ изъ 193 выбирали 65 рабочихъ, на строительно-механическомъ заведеніи Любарскаго изъ 126 избирателей рабочихъ явились на выборы 23, изъ нихъ часть ушла, а оставшіеся 14 человѣкъ избрали уполномоченнаго и т. д. Мы могли бы заполнить подобными примѣрами страницы, но и приведенныхъ достаточно, чтобы сказать, что по отдѣльнымъ заводамъ выбирали ничтожныя кучки рабочихъ. Въ общемъ подавляющая часть петербургскаго пролетаріата выборы бойкотировала. Если 49% предпріятій совсѣмъ не избирали уполномоченныхъ, то изъ рабочихъ остальныхъ 51% предпріятій въ выборахъ принимала участіе едва-ли даже одна четвертая часть.

Въ Москвѣ бойкотъ былъ проведенъ менѣе удачно. Изъ 331 предпріятія, имѣвшаго право принять участіе въ выборахъ, воз-

держалось отъ выборовъ 76 предпріятій, т. е. 23% или менѣе одной четверти предпріятій. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, въ выборахъ принимало участіе порой ничтожное число рабочихъ. Такъ, на заводѣ Листа выбирало всего 10 человѣкъ, у Высотскаго изъ 1000 рабочихъ выбирали 70, на фабрикѣ Алексѣева изъ 450 только 30, на заводѣ Бутикова изъ 1.300—83 чел., у Гюбнера изъ 150—15 и т. д.

Въ Одессѣ изъ 70 предпріятій выбирало 35, т. е. половина; въ среднемъ въ выборахъ приняли участіе $^1/_3$ рабочихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ 12% и лишь въ немногихъ выбирали всѣ рабочіе. Въ Ригѣ изъ 109 предпріятій выбирали 38, приблизительное число выбиравшихъ рабочихъ не превышало 10%. Въ Костромѣ на нѣкоторыхъ заводахъ избирали десятки рабочихъ. Въ Ярославлѣ на Корзинской фабрикѣ приняли участіе въ выборахъ немногимъ болѣе $^1/_3$ рабочихъ.

Безспорно, что не всегда и въ этихъ случаяхъ рабочіе выбирали по своей доброй волѣ. Очень часто администрація, въ борьбѣ съ бойкотомъ, принимала „рѣшительныя" мѣры къ тому, чтобы потребное по закону число уполномоченныхъ было избрано. Въ Минскѣ въ мастерскихъ Московско-Брестской ж. д. выборы состоялись подъ угрозой увольненія рабочихъ. Въ Астрахани нѣкоторые изъ фабричныхъ управителей вымогали подъ росписки рабочихъ избирать уполномоченныхъ и притомъ непремѣнно угодныхъ администраціи. Въ Одессѣ начальникъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, будучи противникомъ бойкота, требовалъ, подъ угрозой увольненія, чтобы каждый рабочій отдѣльно намѣчалъ кандидата въ уполномоченные. Въ Костромѣ фабричная администрація собирала немногихъ преданныхъ ей рабочихъ и заставляла ихъ избирать уполномоченныхъ.

Но все-же фабричной и всяческой иной администраціи, несмотря на всѣ ея старанія, не удалось взять рабочіе выборы въ свои руки. Если, какъ мы увидимъ еще дальше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе, рѣшивъ выбирать, выбирали такъ, какъ они считали нужнымъ, то и тамъ, гдѣ они находили нужнымъ бойкотировать выборы, они бойкотировали ихъ, не взирая на сопротивленіе власть имущихъ. Мы приводили выше общія цифры о бойкотѣ по нѣкоторымъ промышленнымъ губерніямъ. Можно положительно утверждать, что не было ни одного сколько-нибудь промышленнаго района, въ которомъ лозунгъ бойкота не нашелъ бы отклика. Какъ эхо пронесся призывъ къ бойкоту и отозвался въ однихъ мѣстахъ отчетливо и громко, въ другихъ нерѣшительно и глухо. Бойкотируютъ выборы десятки заводовъ и отдѣльные заводы, всѣ рабочіе и только часть ихъ, но въ той или иной формѣ бойкотъ прорывается повсюду.

Въ Костромской губерніи бойкотируютъ выборы фабричныя

села Родники, Бонячки, Тезино, Гольчино, Новая Вычуга, Старая Вычуга—районъ, въ которомъ насчитывается до 40 тыс. рабочихъ; рабочіе крупныхъ фабрикъ бойкотируютъ тѣхъ рабочихъ, которые принимали участіе въ выборахъ; рабочіе фабрикъ с. Бонячки, собравшись въ день выборовъ на митингъ и принявъ резолюцію съ требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія, устроили шествіе съ красными знаменами. Въ Иваново-Вознесенскѣ выборы бойкотировали 5 фабрикъ; на фабрикѣ Зубкова рабочіе избрали уполномоченнымъ Нечаева, брата революціонера, и когда администрація отмѣнила эти выборы, рабочіе вторично избрали Нечаева, заявивъ, что въ случаѣ неутвержденія, они будутъ выборы бойкотировать. Въ Саратовѣ наиболѣе крупныя предпріятія отказались отъ выборовъ; въ Тулѣ 7 тыс. рабочихъ Патроннаго завода заявили, что они уполномоченнаго избирать не намѣрены. Въ Керчи изъ трехъ предпріятій выбирали только на табачной фабрикѣ Месаксуди. Бойкотировали выборы рабочіе Златоустовскаго завода, рабочіе Бухарской балки и миннаго адмиралтейства въ Севастополѣ, рабочіе Брянскихъ заводовъ Орловской губ., и т. д. Въ Царствѣ Польскомъ бойкотъ былъ общимъ правиломъ, а участіе въ выборахъ рѣдкимъ исключеніемъ. Въ Варшавѣ изъ 114 фабрикъ избирали всего 4, въ Варшавской губерніи ни одна фабрика не принимала участія въ выборахъ; въ Лодзи выбирали 5 фабрикъ изъ 143, въ Лодзинскомъ уѣздѣ 6 изъ 27, въ Петроковскомъ 12 изъ 70; Згерхѣ и Ченстоховѣ ни одна фабрика не приняла участія въ выборахъ.

Такъ катился бойкотъ по фабричной Руси, захватывая наиболѣе сознательныя слои рабочаго класса. Но, конечно, вліяніе бойкота на исходъ выборовъ сказался въ различныхъ мѣстахъ различно въ зависимости оттого, какъ успѣшно проводился бойкотъ и какихъ группъ рабочаго класса онъ коснулся.

Само собою понятно, что тамъ, гдѣ бойкотировали выборы наибольшее число предпріятій и рабочихъ, въ выборахъ принимали участіе лишь немногіе отсталые и малосознательные рабочіе, которые, поддаваясь давленію мастеровъ и фабричнаго начальства, избирали „правыхъ“ уполномоченныхъ, а порою и прямо черносотенныхъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бойкотъ былъ лишь частичнымъ и коснулся, главнымъ образомъ, организованныхъ рабочихъ, рабочая масса, принимавшая участіе въ выборахъ, избрала въ уполномоченные рабочихъ болѣе сознательныхъ и ужъ во всякомъ случаѣ не подавала голосовъ за „правыхъ“ кандидатовъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ выборы не бойкотировались, въ уполномоченные избирались почти исключительно сознательные рабочіе и кандидаты соціалдемократическихъ организацій, если они выставлялись.

Примѣромъ наименѣе удачныхъ выборовъ можетъ служить Пе-

тербургъ, гдѣ, какъ мы видѣли, бойкотъ былъ проведенъ наиболѣе полно. О составѣ и качествѣ уполномоченныхъ, избранныхъ немногими петербургскими предпріятіями, можно судить по тому, какъ и какихъ они избрали выборщиковъ. На предвыборномъ совѣщаніи уполномоченныхъ сразу взяли верхъ реакціонные элементы, которые наотрѣзъ высказались противъ какого бы то ни было обсужденія вопроса о Думѣ и о политическихъ взглядахъ кандидатовъ въ выборщики. О партіяхъ они вообще не желали слышать, и, когда раздались отдѣльные голоса, предлагавшіе намѣчать кандидатовъ по партіямъ, раздались крики: „долой партіи". Послѣ долгихъ споровъ рѣшили намѣчать кандидатовъ въ выборщики путемъ жребія—кто вытянетъ жребій, тотъ и будетъ баллотироваться въ выборщики! Способъ настолько безтолковый, что противъ него протестовали даже Ушаковъ и гапоновцы. Однако, собраніе не вняло протестамъ и приступило къ метанію жребія. Изъ 62 кандидатовъ въ первый день избрано было всего два—оба примыкающіе къ правымъ политическимъ партіямъ. На второй день снова повторилась исторія сначала. Предложеніе выслушать политическія убѣжденія кандидатовъ было отвергнуто. Рѣшили просто и безъ всякой „политики" намѣтить кандидатовъ, причемъ отказались отъ жеребьевки и намѣчали путемъ записокъ. Избранными оказались и на этотъ разъ почти все правые Что это были за представители рабочихъ, если гапоновцы среди нихъ казались революціонерами, говорить излишне.

Многимъ болѣе осмысленно происходило избраніе выборщиковъ уполномоченными Московской губерніи и г. Москвы, гдѣ бойкотъ не нашелъ столь широкаго распространенія, какъ въ Петербугѣ: въ Москвѣ бойкотировали выборы менѣе четверти предпріятій, а въ Московской губ. одна пятая ихъ часть.

Уполномоченные Московской губерніи передъ выборами также устроили совѣщаніе, но черносотенныхъ рѣчей на немъ не было слышно. Большинство указывало на необходимость государственнаго страхованія рабочихъ, отмѣны косвенныхъ налоговъ съ замѣной ихъ подоходнымъ налогомъ, сокращенія рабочаго дня, что поведетъ, по ихъ мнѣнію, также къ уменьшенію безработицы, такъ какъ фабриканты будутъ нуждаться въ большемъ числѣ рабочихъ рукъ. Далѣе указывалось на необходимость скорѣйшаго осуществленія свободы слова, печати, собраній, союзовъ профессіональныхъ и политическихъ. Относительно кандидатовъ выражено было пожеланіе выбрать въ Думу непремѣнно рабочаго, а если это по обстоятельствамъ окажется невозможнымъ, то, соединившись съ крестьянами, избрать въ члены Думы представителя одной изъ прогрессивныхъ партій, который совмѣстно защищалъ бы интересы рабочихъ и крестьянъ; вообще, объединеніе выборщиковъ отъ рабочихъ и крестьянъ въ губернскомъ избирательномъ соб-

раніи признавалось крайне желательнымъ [1]. На собраніи для избранія выборщиковъ, которое тянулось два дня, уполномоченные старались внести большій порядокъ въ самое производство выборовъ, но наткнулись на противодѣйствіе городского головы, предсѣдательствовавшаго въ собраніи. Одинъ изъ уполномоченныхъ заявилъ головѣ, что собраніе поставлено въ затруднительное положеніе, такъ какъ собрались съ разныхъ концовъ губерніи люди, незнающіе другъ друга, и за короткій промежутокъ времени они не могли настолько объединиться между собою, чтобы узнать мнѣнія и образъ мыслей своихъ товарищей, и потому сознательно баллотировать за тѣхъ или другихъ лицъ они не могутъ безъ устройства предварительныхъ собраній. Городской голова, прервалъ оратора. замѣчаніемъ, что онъ не можетъ разрѣшить собранія и долженъ исполнять требованіе закона. Въ отвѣтъ на это уполномоченные предлагали, чтобы вмѣсто городского головы предсѣдатель собранія былъ избранъ изъ среды уполномоченныхъ. Городской голова отказываетъ въ этомъ собранію, происходитъ горячее объясненіе съ уполномоченными, послѣ чего нѣсколько уполномоченныхъ оставили собраніе, отказавшись отъ участія въ выборахъ. Подчинившіеся распоряженіямъ городского головы произвели выборы, причемъ, по словамъ газетъ, оказались избранными въ выборщики: 8 сторонниковъ соціалдемократической партіи, 6—конституціонно-демократической, 1—торгово-промышленной партіи и 2—внѣпартійныхъ. Избранные выборщиками на совѣщаніи рѣшили на выборахъ въ члены Думы присоединиться къ ка-детамъ, если послѣдніе согласятся провести въ Думу двухъ выборщиковъ отъ рабочихъ [2].

Рабочіе предпріятій г. Москвы выбрали въ уполномоченные, повидимому, лучшихъ изъ тѣхъ, кого они могли избрать за самоустраненіемъ отъ выборовъ организованныхъ рабочихъ. По словамъ газетъ, „среди уполномоченныхъ было много сторонниковъ конституціонно-демократической партіи, мало было сторонниковъ союза 17 октября и торговопромышленной партіи и ничтожное количество ихъ примыкало къ крайнимъ правымъ“ [3]. Однако, ка-детскія газеты, очевидно, преувеличили число своихъ сторонниковъ. По крайней мѣрѣ, въ выборщики было избрано 11 сторонниковъ соціалдемократической партіи, 5 сторонниковъ конст.-демокр. и 2 колеблющихся между этими партіями [4]), т. е. большинство сторонниковъ соціалдемокр. партіи, приверженцевъ которой ка-детскія газеты среди уполномоченныхъ не замѣчали. Эти 18 выборщиковъ также устроили совѣщаніе по вопросу объ избраніи

[1]) „Рус. Вѣд.“, 1906 г., № 70.
[2]) Ibid., № 83.
[3]) Ibid., № 64.
[4]) Ibid., № 65.

членовъ Думы. Высказавшись большинствомъ 13 противъ 3 (на собраніи присутствовало 16 выборщиковъ) противъ бойкота Думы собраніе удѣлило очень много времени вопросу о наказѣ депутату отъ рабочихъ.

Одни высказывались за то, что депутата нельзя ограничивать никакими программами и необходимо оказать ему полное довѣріе, что по своему разумѣнію онъ будетъ стоять въ Думѣ на стражѣ интересовъ рабочихъ; депутатъ долженъ примкнуть къ представителямъ въ Думѣ близкихъ между собою интересовъ рабочаго класса и крестьянъ. Другіе выборщики настаивали на томъ, чтобы депутату поручено было отстаивать программу соціалдемократической партіи, являющейся единственнымъ защитникомъ интересовъ рабочихъ, и если депутатъ примкнетъ къ к.-д. партіи, то это будетъ измѣной рабочему классу. Большинствомъ голосовъ рѣшено было не ограничивать депутата въ Думѣ отъ рабочихъ никакими программами. Послѣ такого постановленія три выборщика заявили, что они отказываются участвовать въ выборахъ. Изъ оставшихся 13 выборщиковъ 7 подали голоса за Савельева, который и былъ намѣченъ кандидатомъ въ члены Думы [1]).

Обстановка, въ которой происходили московскіе выборы, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ они повторялись во многихъ мѣстахъ [2]). Бойкотъ осуществленъ былъ въ Москвѣ и въ Московской губерніи частично, но онъ устранилъ отъ выборовъ лучшую, организованную часть пролетаріата, которая могла дать содержаніе выборной кампаніи и повести за собою рабочую массу. При условіяхъ бойкота эта рабочая масса должна была сама прокладывать себѣ дорогу въ Думу и она отыскала ту общую почву, на которой она можетъ объединиться: эта защита непосредственныхъ профессіонально-политическихъ нуждъ рабочаго класса. Газеты, говоря

---

1) „Рус. Вѣд.“, 1906 г., № 99.

2) Выборная кампанія, вообще, повидимому, внесла нѣкоторое оживленіе въ рабочую среду и повела даже къ „организаціонному броженію“ массъ, какъ это видно изъ слѣдующаго любопытнаго объявленія Московскаго губернатора: „До свѣдѣнія моего дошло, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ Московской губерніи избранные фабричными рабочими для избранія выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе по Государственной Думѣ позволяютъ себѣ заявлять своимъ товарищамъ, что имъ яко-бы присвоены въ силу этого избранія особыя полномочія распоряжаться и завѣдывать въ теченіе пяти лѣтъ дѣлами, касающимися рабочей среды, и что въ теченіе этого времени они не могутъ быть уволены съ фабрикъ. Объявляю рабочимъ Московской губерніи, что такія заявленія уполномоченныхъ—чистѣйшій вымыселъ, имѣющій цѣлью внести смуту въ среду рабочихъ“. Далѣе Московскій управитель проситъ, конечно, рабочихъ „твердо запомнить“ и знать, „что никакія покушенія, злонамѣренныхъ лицъ нарушить порядокъ и спокойствіе рабочей жизни допущены не будутъ и виновные будутъ подвергнуты строгой отвѣтственности“. („Рус. Вѣд.“, № 79). Нужно думать, что движеніе было, по меньшей мѣрѣ, достаточно замѣтнымъ для того, чтобы вызвать грозное объявленіе губернатора.

о рабочихъ уполномоченныхъ, сплошь да рядомъ находили среди нихъ „сторонниковъ" социалдемократической и конст.-демократической партіи: онѣ насчитали среди уполномоченныхъ Московской губерніи 62 „сочувствующихъ" ка-детамъ и 39 соціалдемократ., среди уполномоченныхъ Москвы 11 „сторонниковъ" соціалдемокр. партіи и 5—ка-детовъ. Но къ этимъ кличкамъ нужно относиться съ осторожностью. „Сочувствіе" ка-детамъ или соціалдемократамъ заключалось не въ одобреніи программъ этихъ партій полностью, а въ признаніи, главнымъ образомъ, той ихъ части, которая касается ближайшихъ нуждъ рабочаго класса. Уполномоченные Московской губерніи прежде всего указывали на необходимость государственнаго страхованія, уменьшенія рабочаго дня, свободы союзовъ, слова и собраній, а на собраніи выборщиковъ г. Москвы возражавшіе противъ признанія для депутата обязательности соціалдемократической программы указывали на то, что нѣкоторыя требованія соціалдемократіи (напр., о демократической республикѣ) являются „утопическими". Для иныхъ московскихъ уполномоченныхъ „утопическимъ" кажется требованіе демократической республики, но ничего утопическаго они не находятъ во всѣхъ прочихъ требованіяхъ соціалдемократической программы, поскольку они касаются непосредственныхъ нуждъ рабочаго класса. Такъ отсталая масса всегда начинаетъ съ сознанія своихъ ближайшихъ нуждъ. То, что сегодня ей кажется недостижимымъ, утопическимъ, то завтра она признаетъ насущнымъ и за него будетъ бороться.

Мы еще вернемся къ московскимъ выборамъ, а пока отмѣтимъ, что они представляютъ собою ту среднюю линію, по которой происходили, въ большинствѣ случаевъ, выборы въ рабочей куріи, отклоняясь вправо тамъ, гдѣ бойкотъ оставлялъ послѣ себя рѣзкіе слѣды, и влѣво тамъ, гдѣ бойкотъ былъ проведенъ слабо.

Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Во Владимірской губерніи, благодаря, главнымъ образомъ, бойкоту 5 фабрикъ Иваново-Вознесенска и всѣхъ фабрикъ Кохмы, составъ уполномоченныхъ получился почти сплошь сѣрый. Отъ Иваново-Вознесенска уполномоченными явились члены союза русскаго народа, гордо носившіе значки этого союза. Эти черносотенцы, если и не задавали тонъ выборамъ, то нашумѣли вволю. Предъ каждой баллотировкой они указывали на „радикализмъ" кандидата, вопили о томъ, что онъ „поддерживаетъ жидовъ", идетъ противъ царя и т. д. Примыкавшіе къ нимъ уполномоченные, въ мѣру пониманія, вторили имъ. Выставлялся лозунгъ, имѣвшій цѣлью убить требованіе ограниченія рабочаго дня: „работать до смерти и пусть никто не мѣшается въ то, сколько я хочу работать", доказывалась „непатріотичность требованія 8-ми-

часового рабочаго дня“ и вредъ его для рабочихъ. Разгулялись прислужники хозяевъ и нагло топтали въ грязь всѣ самыя насущныя требованія рабочаго класса! И они добились своего. Правда, сѣрая масса уполномоченныхъ не пошла за черносотенцами—ихъ избрано было всего двое,—но она выбрала болѣе умѣренныхъ и въ политическихъ, и въ экономическихъ требованіяхъ. Въ первый день выборовъ изъ 16 выборщиковъ избрали всего пять, преимущественно изъ тѣхъ, которые мало или болѣе скромно говорили. Когда на другой день нѣкоторые изъ болѣе прогрессивныхъ кандидатовъ, непрошедшихъ въ первомъ собраніи, пожелали баллотироваться вновь, имъ этого не позволили. Такъ владимірскіе уполномоченные, отрѣзанные отъ рабочей массы бойкотомъ, отдали предпочтеніе умѣренности и аккуратности не только политической, но даже экономической.

Въ Саратовѣ на одномъ изъ немногихъ выбиравшихъ заводовъ—Волжскомъ стальномъ заводѣ—получился результатъ еще худшій. Явилось на выборы 200 рабочихъ, причемъ урядникъ пропускалъ только тѣхъ, кто имѣлъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду. Сначала выставили кандидатуру члена партіи правового порядка, но, когда оказалось, что онъ привлекается къ отвѣтственности за кражу дровъ, кандидатуру его пришлось снять. Прошелъ, однако, въ концѣ концовъ, не менѣе достойный кандидатъ, прозванный рабочими „тринадцатымъ апостоломъ еп. Гермогена“, извѣстнаго саратовскаго черносотенца. Оказалось въ Саратовѣ еще одно исключеніе. На фабрикѣ бр. Тихоміровыхъ изъ 84 рабочихъ, имѣющихъ право выбирать, явилось на выборы 64. На очередь былъ поставленъ вопросъ о бойкотѣ Думы; за бойкотъ высказалось 26, противъ 39 рабочихъ, причемъ меньшинство подчинилось большинству и приняло участіе въ выборахъ. Избранному въ уполномоченные „данъ наказъ дѣйствовать и поступать въ духѣ соціалдемократической программы, вычеркнувъ изъ нея первый пунктъ [1]), т. е. собраніе высказалось противъ республики и за монархію (власть должна быть въ рукахъ народа и монарха)“. Если рабочіе Волжскаго стального завода, въ результатѣ бойкота, избрали „тринадцатаго апостола“, то рабочіе фабрики Тихоміровыхъ пошли по пути московскихъ рабочихъ: они признали соціалдемократическую программу, поскольку она касается нуждъ рабочаго класса, не возвысившись до пониманія ея демократическихъ политическихъ требованій [2]).

Въ Екатеринославской губерніи бойкотъ коснулся 17% предпріятій, т. е. едва $^1/_6$ ихъ части; въ губерніи выборы бойкотировали только 8 крупныхъ заводовъ, въ г. Екатеринославѣ въ

---

[1]) Рѣчь идетъ о программѣ-минимумъ Р. С. Д. Р. П.
[2]) „Приволжскій Край“, 1906 г., № 52.

выборахъ приняли участіе рабочіе самаго крупнаго Брянскаго завода, Трубопрокатнаго завода на Амурѣ, электрическаго трамвая и другихъ. Черносотенная агитація пыталась и здѣсь пожать плоды частичнаго бойкота, но ей это не удалось. Правительственный терроръ оказалъ, однако, свое воздѣйствіе на исходъ выборовъ; многіе, самые дѣятельные рабочіе были арестованы или высланы—поэтому, по свѣдѣніямъ газетъ, избраны были въ уполномоченные не всѣ партійные, но безусловно всѣ передовые. Выборамъ на многихъ заводахъ, рудникахъ и шахтахъ предшествовала агитація; рабочіе, по мѣрѣ возможности, обсуждали кого выбирать и для чего избирать въ Думу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принята была тактика частичнаго бойкота, т. е. рѣшили выбирать только уполномоченныхъ и выборщиковъ, которые на губерскомъ собраніи должны, отказавшись отъ избранія членовъ Думы, протестовать противъ самой Думы. Такъ, рабочіе одного Маріупольскаго завода приняли резолюцію: „выбираемъ уполномоченнаго лишь для того, чтобы въ собраніи выборщиковъ вмѣстѣ съ крестьянами заявить свой протестъ противъ Думы"; резолюція другого завода требовала, чтобы рабочіе выборщики вмѣстѣ съ крестьянами „выразили протестъ противъ черносотенцевъ". Такимъ образомъ, въ общемъ, рабочіе Екатеринославской губерніи отнеслись къ выборамъ вполнѣ сознательно; они избирали уполномоченныхъ съ осторожностью, хотя и не могли выбрать тѣхъ, кто несомнѣнно руководилъ бы выборами и былъ бы избранъ, если организованные рабочіе не бойкотировали Думу.

Уполномоченные, собравшись въ Екатеринославѣ, устроили совѣщаніе, чтобы намѣтить выборщиковъ. Горячіе споры вращались вокругъ вопроса о Думѣ, такъ какъ нѣкоторые настаивали на томъ, чтобы бойкотировать выборы въ послѣдней степени, т. е. не выбирать членовъ Думы. Большинство высказалось за участіе въ выборахъ, намѣтили выборщиковъ, причемъ рѣшили два мѣста предоставить желѣзнодорожнымъ рабочимъ, два—шахтерамъ, а остальные два—рабочимъ прочихъ фабрично-заводскихъ предпріятій. При обсужденіи программы, которой долженъ придерживаться депутатъ отъ рабочихъ, Михайличенко изложилъ программу социалдемократической партіи, которая и была одобрена собраніемъ. Выборы прошли въ полномъ единодушіи, избраны были тѣ, которыхъ намѣтили предварительнымъ совѣщаніемъ. Наказъ, выработанный рабочими для Михайличенко, заключалъ въ себѣ слѣдующія требованія: 1) введеніе въ государствѣ законодательной охраны труда, 2) немедленное введеніе законодательнымъ путемъ 8-часового рабочаго дня, не уменьшая этимъ существующей рабочей платы, 3) отмѣна обязательныхъ сверхурочныхъ работъ, 4) возложеніе на мѣстное самоуправленіе обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и

пришлыхъ рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ производства съ участіемъ въ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій, 5) амнистія всѣмъ пострадавшимъ за политическія убѣжденія, отмѣна смертной казни, 6) неограниченная свобода совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ, 7) учрежденіе примирительныхъ камеръ изъ представителей труда и капитала, 8) отмѣна работъ черезъ подрядчиковъ, 9) отмѣна всевозможныхъ штрафовъ, 10) обязательное государственное страхованіе всѣхъ видовъ на случай болѣзни, старости и пр., 11) охрана труда женщинъ и дѣтей, 12) всеобщее безплатное обученіе, передача школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія, организація помощи учащимся, 13) воскресныя школы для взрослыхъ, 14) уголовная отвѣтственность за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

Въ Кіевѣ избраніе уполномоченныхъ прошло довольно благополучно. Въ выборахъ приняло участіе больше половины предпріятій, избраны были вполнѣ сознательные рабочіе. На совѣщаніи уполномоченныхъ выяснилось, что большинство избранныхъ сторонники бойкота Думы, за который и высказалось большинство совѣщанія, отказавшись отъ избранія выборщиковъ. Изъ 41 уполномоченнаго только 5 не подчинились рѣшенію совѣщанія и выбрали изъ своей среды двухъ выборщиковъ. Такой исходъ кіевскихъ выборовъ объясняется тѣмъ, что мѣстный комитетъ с.-д. партіи принялъ тактику частичнаго бойкота т. е. совѣтовалъ рабочимъ избирать уполномоченныхъ, бойкотируя выборы въ дальнѣйшихъ стадіяхъ.

Иные результаты получились въ Кіевской губерніи, гдѣ рабочая масса принимала участіе въ выборахъ безъ руководительства со стороны организованныхъ рабочихъ. На съѣздѣ уполномоченныхъ отъ губерніи бойкотъ былъ отвергнутъ, а избранными въ выборщики оказались, по словамъ газетъ, два соціалдемократа и 5— не лѣвѣе конституціонно-демократической партіи. И здѣсь, однако, подъ этими партійными названіями слѣдуетъ разумѣть ни что иное, какъ признаніе необходимости всѣхъ тѣхъ мѣръ къ улучшенію жизни рабочихъ, которыя заключаются полностью въ программѣ соціалдемократической партіи и частично въ программѣ ка-детовъ.

Мы привели нѣсколько примѣровъ того, какъ проходили выборы въ рабочей куріи, и можемъ ими удовольствоваться. Новые примѣры, какихъ можно привести много, ничего не добавили бы къ основной картинѣ выборовъ, уже достаточно выяснившейся. Несомнѣнно, бойкотъ оказалъ самое сильное вліяніе на исходъ выборовъ. Онъ не только отвлекъ отъ избирательной борьбы самую лучшую, дѣятельную и сознательную часть рабочаго класса, но такъ или иначе направилъ отношеніе къ выборамъ и тѣхъ рабочихъ, которые не сочли нужнымъ бойкотировать Думу.

Тамъ гдѣ, бойкотъ захватилъ широкіе слои рабочаго класса, немногочисленныя кучки малосознательнаго, темнаго люда всецѣло попадались въ руки черносотенныхъ верховодовъ; въ угоду мастерамъ, хозяевамъ и прочимъ сильнымъ фабричнаго міра, они отбывали выборную повинность и надѣляли званіемъ уполномоченнаго заклятыхъ враговъ рабочаго класса. Тамъ, гдѣ бойкотъ захватилъ только организованныхъ рабочихъ и мало коснулся рабочей массы, послѣдняя, оставшись безъ своихъ естественныхъ руководителей, избирала изъ своей среды наиболѣе сознательныхъ, толковыхъ товарищей. [1]) Такъ какъ, кромѣ Литвы и Польши, бойкотъ былъ проведенъ наиболѣе полно въ Петербургѣ и отдѣльныхъ промышленныхъ пунктахъ (Харьковъ, Екатеринославъ, Иваново-Вознесенскъ и др.), то можно сказать, что онъ увлекъ за собою организованные слои рабочихъ, сѣрая-же рабочая масса отъ участія въ выборахъ не устранилась.

Какъ и кого она избирала? Мы видѣли это на примѣрѣ Московской губерніи, который повторялся много разъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разномъ видѣ. Уполномоченные Московской губерніи выдвинули цѣлый рядъ непосредственныхъ нуждъ рабочаго класса, которыя депутатъ ихъ долженъ отстаивать въ Думѣ; уполномоченные промышленныхъ предпріятій г. Москвы, рѣшивъ, что незачѣмъ депутата ограничить наказомъ, признали, что онъ долженъ защищать интересы рабочаго класса. Екатеринославскіе уполномоченные одобрили соціалдемократическую программу, а наказъ, данный Михайличенку, перечисляетъ все тѣ-же профессіонально-политическія нужды рабочихъ. Рабочіе фабрики Тихоміровыхъ въ Саратовѣ присоединяются къ соціалдемократической программѣ, урѣзывая ея политическія требованія; черкасскіе рабочіе, избиравшіе Вырового, указали ему на тѣ нужды, удовлетворенія которыхъ они ждутъ немедленно,—въ особенности государственнаго страхованія на случай старости. И даже владимірскіе уполномоченные, выдержавъ отчаянную атаку черной сотни, все-же выбрали тѣхъ, которые, хотя бы и въ слабой степени, отстаивали политическія и экономическія нужды рабочаго класса.

---

[1]) Приведемъ, кстати, еще одинъ примѣръ. По словамъ „Волжск. Вѣстн.“ 2 марта происходили выборы отъ рабочихъ на заводѣ бр. Крестовниковыхъ въ Казани. Въ предсѣдатели единогласно былъ избранъ общій любимецъ, молодой рабочій Степанъ. Это избраніе не понравилось заводскимъ властямъ; они нашли, что такому „молодому“ затруднительно будетъ руководить собраніемъ; одинъ изъ надзирателей назвалъ его даже „малолѣтнимъ“ и требовалъ избранія другого. Но, въ концѣ концовъ, начальство должно было уступить. Когда поставленъ былъ на голосованіе вопросъ—выбирать или бойкотировать Думу, то большинство высказалось за выборы. Выбраннымъ оказался предсѣдатель Степанъ. Несмотря на неоднократные отказы, въ виду настойчиваго требованія рабочихъ, ему пришлось согласиться. На его вопросъ, что они предпримутъ, если его арестуютъ, всѣ дружно заявили: „будемъ стоять за тебя!“

То же самое, въ большей или меньшей степени, повторялось повсюду. Рабочая масса, предоставленная въ силу бойкота, собственнымъ силамъ, не встрѣчая руководительства и поддержки со стороны организованнаго пролетаріата, разрѣшила вопросъ о Думѣ такъ, какъ ей это казалось наиболѣе правильнымъ. Она выдвинула въ первую очередь тѣ свои нужды, которыя она испытываетъ ежедневно и ежечасно, она полагала, что эти нужды можетъ удовлетворить Дума и потому поручила своимъ депутатамъ добиться отъ Думы ихъ удовлетворенія. Освобожденіе отъ полицейско-политическаго гнета и экономическаго рабства, освобожденіе при посредствѣ Думы—вотъ тотъ лозунгъ, который преобладалъ повсюду, гдѣ выборы происходили сколько-нибудь сознательно. Сдѣлаетъ ли Дума то, что нужно, или не сдѣлаетъ—масса не отдавала себѣ въ этомъ яснаго отчета; возможно, что временами она и сомнѣвалась въ томъ, что Дума, дѣйствительно, принесетъ что-нибудь рабочему классу, но отказаться отъ того пути, который лежалъ предъ ней, она не считала возможнымъ. „Что-же дѣлать? Попробуемъ участвовать“—говорили нижегородскіе мукомолы [1]) „Что-же дѣлать? Попробуемъ черезъ Думу“—разсуждала широкая рабочая масса, придавленная политическимъ и экономическимъ гнетомъ. Понять безсиліе Думы она могла не изъ проповѣди бойкота, а изъ опыта самой Думы. Когда собралась Дума и стало очевиднымъ безсиліе ея сдѣлать что-нибудь для народной свободы безъ поддержки народа, тогда это безсиліе, доказанное на опытѣ, должно было стать понятнымъ и тѣмъ рабочимъ, которые принимали участіе въ выборахъ. Какъ крестьянство ждало отъ Думы земли и воли, такъ и сѣрая масса рабочихъ, исходя изъ своихъ профессіональныхъ нуждъ, ждала отъ Думы, что она принесетъ имъ свободу и удовлетвореніе этихъ нуждъ.

Приведенныя выше описанія выборовъ даютъ отвѣтъ и на другой вопросъ: при поддержкѣ какихъ выборщиковъ прошли рабочіе депутаты въ Думу. Мы видѣли, что наиболѣе желательнымъ уполномоченные находили соглашеніе съ крестьянами. Уполномоченные отъ Московской губерніи прежде всего считали необходимымъ избрать депутатомъ рабочаго, а если бы это оказалось невозможнымъ, то, соединившись съ крестьянами, избрать кого-либо изъ представителей прогрессивныхъ партій, который защищалъ бы въ Думѣ интересы рабочихъ и крестьянъ; впослѣдствіи, вѣроятно когда выяснилось, что крестьянскіе выборщики, не въ примѣръ другимъ губерніямъ, настроены реакціонно, выборщики порѣшили присоединиться къ ка-детамъ, если послѣдніе предоставятъ два мѣста рабочимъ депутатамъ. Уполномоченные г. Москвы высказывали также пожеланіе, чтобы депу-

---

[1]) См. слѣдующее примѣчаніе.

татъ ихъ примкнулъ въ Думѣ къ представителямъ близкихъ между собою интересовъ рабочихъ и крестьянъ. И въ этомъ отношеніи то, что происходило въ Москвѣ, происходило и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Екатеринославѣ установилось сразу тѣсное единеніе крестьянскихъ и рабочихъ выборщиковъ, въ Кіевѣ Выровой баллотировался въ члены Думы по настоянію крестьянъ [1]). Если рабочіе видѣли своего естественнаго союзника въ крестьянствѣ, то и крестьяне не могли найти болѣе надежныхъ союзниковъ, чѣмъ рабочіе. Для крестьянскихъ выборщиковъ рабочій былъ, прежде всего, своимъ же братомъ, мужикомъ, который знаетъ близко и понимаетъ крестьянскія нужды, который имѣетъ много преимуществъ не только потому, что онъ „городской“, грамотный или понимающій человѣкъ, но и потому, что—крестьянство знаетъ объ этомъ — онъ представитель того класса, который давно ведетъ борьбу за волю и сможетъ повести борьбу за крестьянскіе интересы. Можно утверждать, что, за самыми ничтожными исключеніями, рабочіе депутаты проходили при самой дѣятельной поддержкѣ крестьянъ. Изъ 16 губерній, въ которыхъ избраны были рабочіе депутаты, въ пяти голоса крестьянскихъ и рабочихъ выборщиковъ превышаютъ голоса выборщиковъ землевладѣльцевъ и горожанъ, въ остальныхъ они составляютъ столь солидную величину, что, при разбивкѣ голосовъ противниковъ, могли также составить большинство [2]).

---

[1]) Приведемъ еще одинъ любопытный примѣръ. Вотъ какъ описываетъ выборы на одномъ изъ заводовъ Нижегородской губерніи мѣстная газета: „Выборы на мукомольной мельницѣ Башкирова состоялись при участіи 150 рабочихъ разныхъ цеховъ. Всего на мельницѣ до 500 рабочихъ. Предсѣдательствовалъ рабочій Забѣлинъ, который въ краткихъ словахъ ознакомилъ собраніе съ положеніемъ о Госуд. Думѣ, ея правами, для чего она созывается и кто имѣетъ право въ ней участвовать. Когда Забѣлинъ дошелъ до статистическихъ данныхъ, показывающихъ, сколько отъ каждаго класса по губерніи должно быть избрано, среди собранія произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній.—„Ты говоришь, отъ губерніи 93 избирателя и въ нихъ всего 3 рабочихъ. Такъ, вѣдь, рабочій можетъ и не попасть въ Думу-то“, говоритъ одинъ рабочій.—„Это ужъ такъ правительство устроило“, — умозаключаетъ другой рабочій.—„Такъ кто-же будетъ просить за рабочихъ?“ -задаетъ вопросъ пожилой рабочій въ красной рубахѣ.—„Ну, знамо, не дворяне. Они свою руку держатъ“.—„Постой, кричитъ одинъ бородатый мукомолъ, можетъ мы сойдемся на выборахъ съ крестьянами, тогда и намъ удастся пробраться въ Думу“. — „Крестьянскія нужды близки намъ. Вотъ мы съ ними и сговоримся“, высказываетъ одинъ, и его мысль одобряется всѣми. Послѣ этого, по желанію многихъ, предсѣдатель ставитъ на баллотировку вопросъ объ участіи или неучастіи въ выборахъ.—„Итакъ, согласны съ такой Думой?“— „Что-же дѣлать? Попробуемъ участвовать“. Избраннымъ оказался предсѣдатель Забѣлинъ“. („Нижегор. Листокъ“, 1906 г., № отъ 13 марта).

[2]) Вотъ какъ распредѣляются голоса рабочихъ и крестьянъ и землевладѣльцевъ и горожанъ въ этихъ губерніяхъ:

Но если бы гдѣ-нибудь крестьянскихъ голосовъ оказалось недостаточнымъ, то рабочіе депутаты могли мѣстами разсчитывать и на поддержку горожанъ. Мы говорили уже, что выборы не только вообще по Россіи, но и, въ частности, въ городахъ, происходили въ атмосферѣ революціоннаго протеста, что въ этой атмосферѣ пожали свои выборные плоды кадеты, что не „совѣстливость“ ихъ, а опасеніе потерять всякое довѣріе избирателей должно было заставить ихъ уступить нѣсколько мѣстъ рабочимъ.

III.

Выборы въ Сибири и на Кавказѣ.

Иную картину представляютъ тѣ выборы, которые проходили не подъ гнетомъ бойкота и въ которыхъ дѣятельное участіе приняла соціалдемократія. Здѣсь нѣтъ той неувѣренности и робости, которая царила почти повсемѣстно въ Россіи. Увѣренно и плавно катилась побѣдная волна рабочей партіи отъ Кубани до пограничныхъ деревень Кавказа, перебросившись въ Сибирь — къ Омску и Иркутску. Сразу разсѣялся туманъ, созданный самоустраненіемъ отъ выборовъ организованнаго пролетаріата. Снова вырвались наружу корни, которые связываютъ рабочую партію съ рабочимъ классомъ, и то вліяніе, которое завоевано соціалдемократіей въ средѣ массъ городского населенія и отчасти крестьянства.

Уже въ Кубанской губерніи, гдѣ выборы уполномоченныхъ отъ рабочихъ происходили послѣ объединительнаго съѣзда Рос. соц.-дем. рабочей партіи, высказавшагося противъ бойкота, участіе партіи въ выборахъ сказалось блестяще: почти всѣ уполномоченные отъ Кубанской и Черноморской губерній были избраны соціалдемократы. На съѣздѣ уполномоченныхъ для избранія выборщиковъ избраны были два соціалдемократа — одинъ единогласно, другой большинствомъ всѣхъ противъ одного. Наказъ, врученный имъ уполномоченнымъ, закрѣплялъ эту первую побѣду на выборахъ рабочей партіи. „Мы, гласитъ наказъ, уполномоченные отъ рабочихъ фабрикъ, заводовъ, желѣзнодорожныхъ

	Голоса рабочихъ и крестьянъ.	Голоса землевлад. и горожанъ.		Голоса рабочихъ и крестьянъ.	Голоса землевлад. и горожанъ.
Московская . .	33	76	Пермская . . .	96	110
Харьковская . .	67	86	Полтавская . .	24	158
Екатериносл. . .	37	101	Черниговская .	66	87
Костромская . .	36	63	Херсонская . .	53	100
Пензенская . .	49	43	Воронежская .	102	64
Кіевская . . .	84	145	Тамбовская . .	95	86
Владимірская .	42	66	Вятская	152	52
Казанская . . .	99	41	Рязанская . .	56	67

мастерскихъ и депо Кубанской области и Черноморской губерніи, обязываемъ нашихъ выборщиковъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководится программой Р. С.-Д. Р. П. Пусть помнятъ наши выборщики, что, стремясь въ конечномъ счетѣ къ замѣнѣ капиталистическаго строя соціалистическимъ, мы вмѣстѣ съ рабочими, которыхъ мы представляемъ, и пролетаріатомъ всей Россіи боремся за слѣдующія ближайшія требованія: 1) Учредительное Собраніе черезъ Госуд. Думу или помимо нея на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. 2) 8-ми часовой рабочій день. 3) Конфискація всей земли. 4) Преданіе суду всѣхъ, повинныхъ въ пролитіи народной крови. 5) Отмѣна смертной казни. 6) Немедленная отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ. 7) Полная и немедленная амнистія всѣмъ борцамъ за свободу“.

Но еще болѣе крупной оказалась побѣда соціалдемократіи въ Баку, болѣе крупной потому, что почти до самаго дня выборовъ настойчиво и успѣшно бойкотировалась тамъ и Дума и выборы. Въ Баку совершенно бойкотировали выборы 24 предпріятія, въ Черномъ городкѣ не состоялись выборы на 22 предпріятіяхъ, на Биби-Эйбетѣ выбирали только на одномъ предпріятіи, на ст. Баку Закавказск. ж. д. совсѣмъ не выбирали. Конечно, и здѣсь должно было повториться то, что, при подобныхъ условіяхъ, происходило въ другихъ мѣстахъ Россіи: избранными въ уполномоченные оказались наиболѣе отсталые рабочіе. Такъ, въ Балахно-Сабунчакскомъ промысловомъ районѣ избрано: 4 монархиста, 1 членъ союза русскаго народа, 3 члена союза 17-го октября, 1 умѣренный либералъ, два прогрессиста, 11 внѣпартійныхъ и 2 крайнихъ лѣвыхъ; въ остальныхъ мѣстахъ избраны: 3 члена союза русскаго народа, 2 члена союза 17 октября, 1 умѣренный либералъ, 4 монархиста, 2 прогрессиста, 5 внѣпартійныхъ и 2 крайнихъ лѣвыхъ. Возможно, что при общемъ бойкотномъ настроеніи черносотенцы все-же потерпѣли бы пораженіе и уполномоченные сошлись бы на почвѣ непосредственныхъ нуждъ рабочаго класса, избравъ для защиты ихъ наиболѣе сознательныхъ изъ своей среды. Но ко времени избранія выборщиковъ настроеніе въ Баку измѣнилось. Мѣстная организація партіи рѣшила принять участіе въ общегородскихъ выборахъ. Выборная агитація сильно оживила общественную жизнь города, и это оживленіе должно было, прежде всего, коснуться рабочихъ массъ, а черезъ нее и уполномоченныхъ. Результаты не замедлили сказаться: уполномоченные избрали трехъ выборщиковъ— всѣхъ соціалдемократическихъ кандидатовъ. Такъ участіе въ выборахъ рабочей партіи сразу измѣнило исходъ ихъ. Вмѣсто „сторонника“ соціалдемократической партіи или ка-детовъ избраны были тѣ, кого выдвинули соціалдемократы.

Результаты общегородскихъ выборовъ оказались для соціалдемократовъ менѣе удачными. Агитація среди массы городского населенія и организація выборной кампаніи требовала больше времени, чѣмъ было въ распоряженіи бакинскихъ товарищей. Эти результаты были бы, несомнѣнно, болѣе благопріятны, если бы въ Баку стало ранѣе извѣстно рѣшеніе партійнаго съѣзда, такъ какъ только за два дня до выборовъ „большевики“ отказались отъ агитаціи за бойкотъ [1]). Но все-же и въ эти немногіе дни бакинскіе товарищи развили сильную агитацію. Образована была избирательная комиссія, которая руководила агитаціей, устраивались собранія, издавались листки. Къ избирателямъ было выпущено слѣдующее воззваніе: „Граждане! Близятся выборы. 14 мая къ избирательнымъ урнамъ потянутся тысячи рукъ. Соціалдемократія, партія рабочаго класса, открыто стоитъ за полное освобожденіе Россіи. Соціалдемократія стремится къ замѣнѣ нынѣшней Думы полновластнымъ ничѣмъ неограниченнымъ представительствомъ всего народа. Соціалдемократія — единственная и искренняя защитница интересовъ трудящихся. Соціалдемократія — противница національной розни и защитница угнетенныхъ національностей. Соціалдемократія — единственная прогрессивная партія, участвующая въ выборахъ въ Баку, несмотря на терроръ темныхъ силъ [2]). Граждане! Голосуйте-же за кандидатовъ соціалдемократической партіи!“ [3]). На выборахъ изъ 80 выборщиковъ было избрано 27 соціалдемократовъ. Спѣшность, съ какой мѣстной организаціи приходилось вести избирательную кампанію, привела къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ: въ числѣ 27 соціалдемократическихъ выборщиковъ оказалось нѣсколько, отрещивающихся отъ соціалдемократіи. Этого, конечно, не было бы, если бы выборная кампанія проводилась болѣе осмотрительно. Избирательная комиссія, была вынуждена, во избѣжаніе кривотолковъ, дошедшихъ и до столичной печати, напечатать въ мѣстныхъ газетахъ слѣдующее объясненіе: „Соціалдемократическая избирательная комиссія считаетъ своимъ долгомъ заявить слѣдующее: принимая во вниманіе, 1) что выборы въ Думу производились не на основѣ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого голосованія, а на основѣ узкаго цензоваго права, вслѣдствіе чего масса дѣйствительныхъ членовъ партіи отъ выборовъ устранена, 2) что многіе члены партіи, имѣя такое право (квартиронаниматели) не позаботились внести себя въ списки вслѣдствіе первоначально объявленнаго бойкота выборовъ мѣстной организаціей Р. С.-Д. Р. П., 3) что, та-

---

[1]) „Курьеръ“, № 8.

[2]) Единственная, потому что ка-деты, послѣ убійства черной сотней ихъ кандидата Яковлева, отказались отъ участія въ выборахъ.

[3]) „Баку“. № 102.

кимъ образомъ, въ числѣ занесенныхъ въ избирательные списки оказалось весьма мало дѣйствительныхъ членовъ партіи,—принимая все это во вниманіе с.-д. избирательная комиссія при выставленіи кандидатовъ въ выборщики руководствовалась слѣдующими принципами: а) кандидатами въ выборщики выставляла *прежде всего* дѣйствительныхъ членовъ партіи, занесенныхъ въ избирательные списки, б) лицъ, безусловно сочувствующихъ партіи и не входящихъ на правахъ членовъ ни въ одну изъ другихъ политическихъ партій, в) съ обязательнаго вѣдома и согласія кандидатовъ, г) при условіи обязательнаго подчиненія ихъ директивамъ мѣстной с.-д. избирательной комиссіи. На соблюденіе этихъ условій указываетъ уже одно то обстоятельство, что избирательная комиссія могла выставить не всѣхъ 80 кандидатовъ, а только 76. При наличности вышеуказанныхъ условій, по рекомендаціи отдѣльныхъ членовъ мѣстной организаціи кандидаты вносились въ списки. Но благодаря спѣшности (въ нашемъ распоряженіи было только два дня) и лихорадочности, съ которой приходилось вести всю подготовительную и выборную работу, комиссія не имѣла никакой физической возможности провѣрить всѣхъ кандидатовъ, выставленныхъ по рекомендаціи отдѣльныхъ членовъ организаціи. И если теперь оказывается, что въ списки кандидатовъ попало нѣсколько лицъ безъ ихъ вѣдома, то отвѣтственность за это падаетъ исключительно на рекомендовавшихъ ихъ отдѣльныхъ членовъ, но отнюдь не на всю мѣстную организацію“. Но и за всѣми этими погрѣшностями, исходъ выборовъ въ Баку нельзя признать мало успѣшнымъ. Побѣда по тремъ избирательнымъ участкамъ изъ шести, достигнутая при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, служила показателемъ, что, при лучшихъ условіяхъ, она, несомнѣнно, привела бы къ болѣе крупнымъ результатамъ.

Эта возможность полной побѣды сказалась не только въ прочихъ мѣстахъ Кавказа—къ которому мы сейчасъ возвратимся,—но и въ Сибири, гдѣ общія промышленныя условія менѣе всего, казалось бы, обѣщали успѣхъ соціалдемократіи. И здѣсь она побѣждала и могла побѣдить, главнымъ образомъ, благодаря своей популярности въ массѣ городского населенія. Въ Иркутскѣ, напр., который не дождался выборовъ, много шансовъ быть избраннымъ въ члены Думы имѣлъ соціалдемократической кандидатъ, д-ръ Мандельбергъ; главная опора, на которую могла здѣсь разсчитывать соціалдемократія, это приказчики, затѣмъ желѣзнодорожные служащіе и мелкіе торговцы [1]). Въ Омскѣ за соціалдемократовъ голосовали, кромѣ рабочихъ, желѣзнодорожные служащіе и городское мѣщанство. Вліяніе и популярность соціал-

[1]) „Голосъ Труда“, № 13.

демократіи среди мѣстнаго населенія въ особенности ярко сказались въ день выборовъ. „Такихъ свѣтлыхъ и чистыхъ по настроенію, по нравственному подъему дней, какъ день 21 мая, граждане Омска не переживали никогда, разсказываетъ „Степной Голосъ". Въ первый разъ выступали „довѣріемъ народа облеченные". „Въ этотъ день, кстати сказать, ничѣмъ не омраченный, блестѣли у всѣхъ глаза ярче обыкновеннаго, велись горячіе споры и споры на темы политическія. Весь городъ жилъ политикой. Въ отдаленныхъ большихъ и малыхъ кружкахъ велась агитація въ пользу той или другой партіи. Агитація велась оживленнѣе въ пользу той партіи, которая имѣла больше приверженцевъ. И нужно признаться, что много друзей оказалось только у соціалдемократовъ. Въ пользу послѣднихъ агитировала такая масса „любителей", не имѣющихъ никакихъ связей съ партіей, что вполнѣ оправдалось выраженіе одного изъ присутствовавшихъ: „если партія народной свободы засыплетъ прокламаціями, то партія соціалдемократовъ, найдетъ друзей въ живыхъ людяхъ". Красныя афиши „голосуйте за соціалдемократовъ" виднѣлись всюду—на окнахъ, заборахъ, въ видѣ движущихся плакатовъ и пр."

„Юноши и старики, интеллигенція и простой народъ сотнями ходили по улицамъ, разнося тысячи печатныхъ бюллетеней, ораторствуя, давая объясненія и убѣждая. Уставшіе смѣнялись новыми силами, и ка-деты скоро должны были капитулировать. Всѣ ихъ агитаторы исчезли за исключеніемъ одного, который сидѣлъ на столѣ въ управскомъ коридорѣ, болталъ ногами и усталымъ голосомъ взывалъ: „За народную свободу!"

— „Не вѣрьте ему, кричали сразу нѣсколько голосовъ, развѣ не видите, что онъ просто заснулъ и бредитъ во снѣ. Народная свобода ему снится".

Выборамъ предшествовала крайне энергичная агитація мѣстнаго комитета, такъ какъ и здѣсь, какъ въ Баку, времени оставалось не много: агитація началась всего за двѣ недѣли до выборовъ. Въ первый разъ Омскій комитетъ объявилъ о томъ, что онъ приметъ участіе въ выборахъ и выставитъ своихъ кандидатовъ 14 мая, когда появилась объ этомъ небольшая замѣтка въ мѣстной газетѣ. Въ тотъ-же день въ городскомъ театрѣ двое рабочихъ съ балкона сообщили объ этомъ на весь театръ, за что попечительнымъ начальствомъ были арестованы и посажены въ тюрьму. Съ 17 мая соціалдемократы начали заклеивать городъ объявленіями и воззваніями; полиція счищала ихъ шашками, на ихъ мѣстѣ появлялись новыя, полиція ихъ снова счищала и такъ далѣе безъ конца. Кромѣ того, по свидѣтельству мѣстныхъ газетъ, цѣлые отряды соціалдемократовъ ходили по домамъ для распространенія партійной литературы, листковъ и бюллетеней. Собра-

ній с.-д. сначала не разрѣшали, но они завладѣвали собраніями ка-детовъ и вели здѣсь широкую агитацію. Эти собранія въ особенности были многолюдны въ послѣдніе дни передъ выборами. На нихъ перебывала масса избирателей, которая ознакомилась съ программой соціалдемократической партіи, узнала, что партія дѣлала и намѣрена дѣлать въ будущемъ. И результаты не замедлили сказаться. „Бюллетени с.-д. разбирались охотно, въ особенности рабочими и мѣщанами", вынуждена была сознаться ка-детская „Сибирская Жизнь". Всѣ четыре выборщика были избраны изъ кандидатовъ, выставленныхъ соціалдемократіей; В. П. Навдинисъ (помощникъ машиниста), А. И. Корнѣевъ (редакторъ „Степного Голоса"), В. И. Ишерскій (врачъ) и Н. П. Рахмановъ (техникъ переселенческаго управленія). „Каковы будутъ шансы ихъ (с.-д.) на губернскихъ выборахъ, гдѣ съѣдутся выборщики отъ горожанъ и крестьянъ всей области, трудно теперь сказать",—утѣшала себя таже ка-детская газета [1]). Шансы оказались превосходными: членомъ Думы былъ избранъ т. Ишерскій, который избранъ былъ отъ осѣдлаго населенія Акмолинской области большинствомъ 14 голосовъ противъ 5.

Но, конечно, наиболѣе блестящей была побѣда соціалдемократіи на Кавказѣ. Этому способствовала не только прочная партійная организація и глубокое вліяніе на массы населенія, но въ частности, и то обстоятельство, что кавказскіе соціалдемократы принадлежали къ немногимъ, которые съ самаго начала рѣшительно отвергли бойкотъ. Еще въ августѣ 1905 года кавказская организація высказалась за участіе въ выборахъ въ Булыгинскую Думу, а когда въ мартѣ 1906 года въ Тифлисѣ объявленъ былъ срокъ составленія избирательныхъ списковъ, Тифлисскій комитетъ еще разъ призвалъ всѣхъ гражданъ принять участіе въ избирательной кампаніи и стать въ ней подъ знамя соціалдемократіи. Съ этого-же времени начинается усиленная избирательная агитація какъ въ Тифлисѣ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ Кавказа.

Тифлисскій комитетъ сорганизовалъ во всѣхъ районахъ избирательныя комиссіи для выборовъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ и центральную избирательную комиссію для организаціи общегородскихъ выборовъ. Работы предстояло очень много. Ожесточенная классовая и національная борьба на почвѣ избирательной агитаціи обострилась еще болѣе. Буржуазія сгруппировалась вокругъ двухъ партій—ка-детовъ и демократовъ, къ нимъ присоединилась третья партія, националистическая—соціалисты-федералисты, которая предлагала соціалдемократамъ предвы-

---

1) „Сиб. Жизнь", № 110.

борное соглашеніе, но получила отказъ, такъ какъ Тифлисскій комитетъ почти единогласно отвергъ возможность соглашенія съ націоналистической партіей. Только „инчакисты" — не сильная армянская соціалдемократическая организація—предложили свою поддержку кавказской организаціи и она приняла ее, выставивъ среди выборщиковъ трехъ инчакъ. Такимъ образомъ, соціалдемократія одна пошла на борьбу съ буржуазіей. Войну ей объявили съ одной стороны ка-деты, съ другой союзъ трехъ лѣвыхъ партій—радикаловъ, федералистовъ и грузинскихъ демократовъ. Всѣ буржуазныя газеты занялись травлей соціалдемократовъ. Грузинская мелкая буржуазія съ самаго начала заявила о полной солидарности съ рабочей партіей, но, подъ вліяніемъ буржуазной агитаціи, въ нѣкоторой наиболѣе состоятельной части ея начались колебанія. Соціалдемократамъ пришлось вести борьбу на два конца: противъ наступавшей буржуазіи и за укрѣпленіе своего вліянія въ массѣ городского населенія.

Избирательная комиссія принялась энергично за работу. За нѣсколько дней внесено было въ избирательные списки болѣе 5.000 рабочихъ-квартиронанимателей. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ была организована особая комиссія, которая раздѣлила всѣхъ избирателей на десятки; каждый десятскій былъ отвѣтственъ за свой десятокъ и долженъ былъ привести его въ день выборовъ къ избирательной урнѣ. Одновременно развита была широкая устная и литературная агитація. Устраивалась повсюду масса собраній, лекцій, кружковъ; печатались воззванія отъ имени „Центральнаго соціалдемократическаго избирательнаго комитета", спросъ на партійныя газеты сильно возросъ и самой распространенной въ Тифлисѣ грузинской газетой былъ органъ комитета „Лампари". Все это чрезвычайно усилило интересъ къ избирательной кампаніи и къ самой дѣятельной участницѣ ея соціалдемократіи. Буржуазныя партіи напрягали всѣ усилія, чтобы ослабить успѣхи рабочей партіи, но имъ не удалось это, несмотря на то, что онѣ дѣйствовали вполнѣ открыто, а соціалдемократамъ приходилось считаться со всѣми прелестями полицейскаго гнета.

Насталъ день выборовъ, который показалъ, за кѣмъ готова пойти масса городскихъ избирателей. „Вокругъ вьются, шмыгаютъ десятки юношей, молодыхъ дѣвицъ съ кучами бюллетеней, отпечатанныхъ красной краской, разсказываетъ „Тифлисскій Листокъ". Это — агитаторы добровольцы соціалдемократической рабочей партіи. Энергично, весело выкрикиваютъ они: „Подавайте голоса за рабочую партію! берите, граждане ваши бюллетени!"— И берутъ: несмотря на ранній часъ, несмотря на то, что выборы только что начались, уже многіе избиратели успѣли исполнить свой гражданскій долгъ—опустили въ избирательную урну крас-

ные бюллетени. Попытка моя пробиться внутрь цирка не удалась. Тамъ полно. Иду дальше. Толпа только поменьше у гост. „Россія",—2 участокъ. Тутъ сцѣпились два агитатора. Одинъ доброволецъ соціалдемократъ, другой федералистъ съ бѣлымъ значкомъ на груди. „Это вы рвете наши бюллетени!—кричитъ соціалдемократъ, федералисты способны на всякую гадость!" Оскорбленный федералистъ готовъ разразиться потокомъ брани, но спорящихъ быстро разнимаютъ и разводятъ въ стороны. „Вы должны непремѣнно подать красный бюллетень,—убѣждаетъ агитаторъ старика въ рабочей блузѣ.—Только наша партія стоитъ за интересы рабочаго класса... Пойдемте, я вамъ подробно объясню". Оба скрываются за угломъ Театральнаго переулка. Лѣстница и коридоры город. дома (4 участокъ) полны агитаторовъ, Въ подъѣздѣ и шинельной разставлены столы, за которыми, обложивъ себя грудой бюллетеней, сидятъ агитаторы партій. За ними на стѣнахъ красуются плакаты и афиши. Вотъ зеленая простыня партіи народной свободы, вотъ большой картонъ, на которомъ изображено: „союзъ трехъ лѣвыхъ партій". И тутъ, какъ и вездѣ, больше всего агитаторовъ рабочей партіи. И здѣсь они дѣйствуютъ энергично".

„Такой сплоченности, добавляетъ газета, сочувствующая кадетамъ, образцовой дисциплины, умѣнія вести агитацію въ самомъ широкомъ размѣрѣ, какъ у с.-д., нѣтъ ни у одной партіи. Побѣда далась имъ легко и просто. Въ то время, какъ кадетскіе и радикальные агитаторы робко и застѣнчиво жались по угламъ, соц.-дем. молодежь громко, увѣренно, и настойчиво предлагала свои бюллетени и ихъ слушались: красныя записки брали охотно. Мелкая буржуазія, ремесленники, приказчики, не говоря уже о рабочихъ, всѣ голосовали за кандидатовъ с.-д. рабочей партіи" [1]). Но дѣло конечно не въ робости и застѣнчивости кадетскихъ агитаторовъ! Самая отчаянная храбрость едва-ли спасла бы ихъ отъ неизбѣжнаго провала.

Побѣда соціалдемократовъ оказалась блестящей. За нее подано было 8.078 голосовъ, за кадетовъ 1.309, за союзъ лѣвыхъ партій 850, за „патріотовъ" 819, за союзъ истинно-русскихъ людей 213, за прочихъ кандидатовъ 386 голосовъ,—всѣ партіи вмѣстѣ получили меньше половины голосовъ, поданныхъ за соціалдемократовъ. Рабочая партія побѣдила въ участкѣ, большинство избирателей котораго составляли татары, и въ участкѣ, гдѣ находятся желѣзнодорожныя мастерскія—надежда черносотенныхъ патріотовъ! Къ соціалдемократамъ шли всѣ угнетенные и протестующіе, всѣ разбуженные революціей отъ долголѣтняго сна,

---

[1]) „Тифл. Листокъ", 13 мая. О выборахъ въ Тифлисѣ см. „Отклики Современности", № 4.

всѣ жаждавшіе избавленія отъ политическаго гнета, всѣ познавшіе, что только безпощадная борьба съ самодержавіемъ принесетъ Россіи освобожденіе.

Изъ 80 выборщиковъ было избрано 72 соціалдемократа и 8 кадетовъ. Это обезпечивало, конечно, избраніе отъ Тифлиса членомъ Думы соціалдемократа: выбранъ былъ т. Жорданія.

Побѣда соціалдемократіи въ другихъ мѣстахъ Кавказа была не менѣе крупной, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что если въ прочихъ крупныхъ городахъ (Кутаисъ и Батумъ), какъ въ Тифлисѣ, за соціалдемократовъ высказалось городское населеніе, то въ деревнѣ они были рѣшительно поддержаны крестьянствомъ.

Въ Тифлисской губерніи соціалдемократы проходили не только отъ сельскихъ сходовъ, но и отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ. Такъ, на съѣздѣ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ Тифлисскаго уѣзда избранъ былъ одинъ соціалдемократъ (30 избир. голосовъ и 15 неизбир.) и одинъ грузинскій демократъ (26 избр. и 19 неизбир.); въ Телавѣ на съѣздѣ землевладѣльцевъ избрано два соціалдемократа; въ Душетѣ громаднымъ большинствомъ избранъ былъ Церетелли, впослѣдствіи на губернскомъ съѣздѣ онъ былъ избранъ однимъ изъ членовъ Думы отъ Тифлисской губерніи. Въ Кутаисской губерніи всѣ выборщики отъ крестьянъ исключительно соціалдемократы; по Самтредскому и Камскому участку выборы были отмѣнены два раза. На вторичные выборы явилось 8.000 крестьянъ, которые, бросивъ соху, пришли за 60 верстъ, чтобы исполнить свой гражданскій долгъ; выборы происходили подъ открытымъ небомъ и продолжались два дня, избрано было 225 уполномоченныхъ — всѣ соціалдемократы. По Озургетскому уѣзду избранъ былъ Рамишвилли, будущій членъ Думы. Въ Батумской области побѣда среди крестьянъ была бы столь же блестящей, если бы не постоянная отмѣна выборовъ. Благодаря отмѣнѣ такихъ выборовъ, а также потому, что Батумская область для производства выборовъ была соединена съ Сухумомъ, съ Сухумскимъ и Арватскимъ округами, гдѣ шансы соціалдемократіи, въ виду состава землевладѣльцевъ, были слабы, отъ Батумской области не прошелъ въ Думу соціалдемократъ, хотя въ г. Батумѣ побѣда осталась за соціалдемократами. Изъ 996 поданныхъ записокъ батумскіе соціалдемократы выборщики получили: Шатиловъ 654, Агніевъ 617, Каландадзе 606 и Гоголодзе 600; кадетскіе выборщики получили отъ 64 до 114 записокъ, прочіе выборщики отъ 161 до 187; соціалдемократическіе кандидаты получили въ сложности 2.477 голосовъ, кандидаты прочихъ партій 1.131 голосъ, т. е. меньше половины. Однако эта блестящая побѣда въ Батумѣ не привела, какъ сказано, къ побѣдѣ при выборахъ членовъ Думы. Кандидатъ соціалдемократіи Шатиловъ получилъ 6 избир. записокъ и 11 неизбиратель-

ныхъ, Шервашидзе—10 избир. и 7 неизб.—членомъ Думы былъ избранъ Шервашидзе.

Въ Кутаисской губерніи, наоборотъ, всѣ три избранные членами Думы оказались соціалдемократы. Мы видѣли, что этому способствовала блестящая побѣда, одержанная соціалдемократами на крестьянскихъ выборахъ. Но и въ г. Кутаисѣ, несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя правительствомъ и сочувствующими ему партіями для проведенія своихъ кандидатовъ, соціалдемократы провели всѣхъ своихъ выборщиковъ. Мы не станемъ разсказывать объ избирательной агитаціи, которую вели кутаисскіе товарищи—она была столь же энергична, какъ въ Тифлисѣ, Омскѣ и другихъ городахъ, гдѣ соціалдемократамъ пришлось принимать участіе въ выборахъ. Отмѣтимъ лишь ту своеобразную борьбу, которую пришлось въ Кутаисѣ вести соціалдемократамъ съ мѣстными бойкотистами. На губернскомъ собраніи, въ которомъ происходило избраніе выборщиковъ, они сначала раздавали прокламаціи, призывавшія къ бойкоту [1]), а затѣмъ прибѣгли къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ: въ залѣ была разлита какая-то жидкость, вслѣдствіе чего часть публики разбѣжалась. Въ виду этого соціалдемократы приняли мѣры къ охранѣ ящиковъ съ записками. Городской голова разрѣшилъ поставить у ящиковъ на стражѣ двухъ представителей соціалдемократіи, къ нимъ присоединились одинъ федералистъ и нѣсколько управскихъ служащихъ, которые и охраняли всю ночь записки. Когда на другой день начался подсчетъ записокъ и оказалось, что въ первомъ ящикѣ подано за соціалдемократовъ 158 записокъ и за кадетовъ и федералистовъ 148 зап., черезъ барьеръ вдругъ перешагнули 9 таинственныхъ незнакомцевъ, которые... схватили записки и съ ними убѣжали. Столь смѣлыхъ бойкотистовъ, конечно, задержали (среди нихъ оказался один анархистъ, два с.-р. и два ученика, считавшіе себя то с.-р., то федералистами), записки отняли, но выборы все же провались: ихъ отмѣнили [2]). При вторичныхъ выборахъ, которые происходили подъ охраной избирателей, бойкотисты снова пытались сорвать выборы: въ 12 час. дня изъ толпы, окружавшей зданіе, въ которомъ происходила подача записокъ, было поднято красное знамя; въ толпѣ произошло замѣшательство, прискакали казаки. Однако на этотъ разъ все кончилось благополучно и выборы были произведены.

Кандидаты, выставленные соціалдемократіей, получили: Гомартели 1.057—голос., Джапаридзе—1.025, Магаваріани—995 и Дондаровъ 993; всего было подано записокъ 1.793; кадеты полу-

---

[1]) Въ Тифлисѣ, въ день выборовъ, с.-р. также распространяли прокламаціи, призывавшія къ бойкоту („Баку", № 103).

[2]) „Черномор. Вѣстникъ", № 93.

чили отъ 381 до 431 записки, федералисты отъ 313 до 414 записокъ. Въ числѣ поданныхъ записокъ с.-д. получили 983 партійныхъ (т. е. цѣльныхъ бюллетеней со всѣми соц.-дем. кандидатами) ка-деты получили такихъ записокъ 357 и федералисты 282. На губернскомъ собраніи, гдѣ, благодаря побѣдѣ въ Кутаисѣ и среди крестьянъ, соціалдемократы составляли подавляющее большинство, въ члены Думы были избраны всѣ три соціалдемократа: Гомартели (получилъ 27 избир. записокъ 16 неизбир.), Рамишвили (26 избир. и 16 неизб.) и Джапаридзе (26 избир. и 16 неизб.); кандидаты федералистовъ получили отъ 13 до 19 избирательныхъ записокъ. Число голосовъ, поданныхъ за соціалдемократовъ было бы еще больше, если бы на собраніе явились Гомартели, который находился въ Швейцаріи, и Коквадзе, сидѣвшій въ тюрьмѣ.

Отличительной чертой участія соціалдемократіи въ первыхъ выборахъ — не только на Кавказѣ, но и въ Омскѣ — является, какъ это видно изъ предыдущаго изложенія, самостоятельное ея выступленіе, отсутствіе соглашеній съ другими партіями [1]). Всюду дѣло шло не о соглашеніяхъ, а наоборотъ о самой отчаянной борьбѣ, которую пришлось вести съ буржуазными партіями. Опьяненныя успѣхами ка-детовъ въ прочихъ мѣстахъ Россіи, буржуазныя партіи сперва относились съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ соціалдемократіи; увѣренныя въ побѣдѣ, онѣ мало думали о возможной побѣдѣ рабочей партіи и даже не исключали возможности получить поддержку соціалдемократіи [2]). Но тѣмъ сильнѣе повели онѣ атаку, когда обнаружилось, что соціалдемократы не только не помышляютъ о „поддержкѣ“ но, напротивъ, намѣрены уничтожить у буржуазныхъ партій почву для побѣды. Началась борьба съ пріемами, весьма обычными въ практикѣ иныхъ „демократовъ“. Въ Тифлисѣ, напр., бюллетени федералистовъ, грузинскихъ демократовъ и радикаловъ раздавались якобы отъ имени одного вліятельнаго соціалдемократа;

---

[1]) Исключеніе составляетъ только Армавиръ, гдѣ имѣло мѣсто соглашеніе съ ка-детами, вызвавшее протестъ Ц. К. Р. С.-Д. партіи; въ другихъ мѣстахъ Кубанской области с.-д. вступили въ блокъ съ с.-р. и трудовиками противъ ка-детовъ. Впрочемъ, необходимо отмѣтить, что наблюдавшееся въ качествѣ общаго правила отсутствіе соглашеній явилось результатомъ не тактическихъ взглядовъ Кавказской с.-д., а лишь послѣдствіемъ оцѣнки ими фактическаго положенія вещей на Кавказѣ. Въ своей тактической позиціи кавказскіе товарищи допускаютъ предвыборныя соглашенія, и на состоявшейся недавно своей конференціи высказались принципіально для всей Россіи за соглашенія, оговоривъ, что на Кавказѣ такія соглашенія излишни.

[2]) Характерно, что „Наша Жизнь“ въ началѣ апрѣля говорила о томъ, что на Кавказѣ „соц.-демократы будутъ поддерживать ка-детовъ“, почему „Кавказъ увеличитъ численность ка-детовъ въ будущей Думѣ“ („Наша Жизнь“, 2 апрѣля). Пророческое предсказаніе!

агенты этихъ партій убѣждали подавать голоса за своихъ кандидатовъ отъ имени „демократовъ", пользуясь тѣмъ, что тифлисскія массы называютъ соціалдемократовъ—„демократами" [1]). Въ Омскѣ кадетъ Букейхановъ пустился на собраніи въ „личную" критику кандидата с.-д. Корнѣева. Въ Баку мѣстная газета „Баку", если не ка-детская, то сочувствующая ка-детамъ, въ фиглярныхъ фельетонахъ прямо издѣвалась надъ соціалдемократами, отказавшимися отъ бойкота и рѣшившими принять участіе въ выборахъ. Такая атмосфера напряженной борьбы, конечно, исключаетъ всякое предположеніе не только о соглашеніи, но и о побѣдѣ соціалдемократіи на счетъ „кадетскихъ" голосовъ, которые полностью занесены въ то ничтожное число записокъ, которыя получили ка-деты.

Кавказскій пролетаріатъ, революціонное крестьянство и мелкая буржуазія крупныхъ городовъ Кавказа произвели оцѣнку соціалдемократіи и буржуазнымъ партіямъ. Борьбу за общенародную свободу они довѣрили соціалдемократіи...

* * *

Вскорѣ послѣ выборовъ кавказскіе депутаты собрались въ путь-дорогу.

„Тифлисскій вокзалъ биткомъ набитъ публикой, преимущественно рабочими. Надъ толпой возвышается фигура депутата Жорданія. Онъ говоритъ прощальную рѣчь. Жандармскій полковникъ пытается помѣшать свободному слову, но рѣзкіе протесты со всѣхъ сторонъ его смущаютъ, и онъ замолкаетъ, не рѣшаясь прибѣгнуть къ помощи войскъ, окружающихъ вокзалъ.

Депутатъ Жорданія продолжаетъ свою рѣчь.

— Не поддавайтесь провокаціи, товарищи. Теперь не время. Помните, что васъ будутъ всячески вызывать на бой — не поддавайтесь.

Реакція гибнетъ, вы должны это чувствовать ясно. Несмотря на военное положеніе, запрещающее всякія собранія, мы здѣсь собрались и говоримъ...

Жандармскій полковникъ снова дѣлаетъ попытку прекратить рѣчь, но видитъ, что безсиленъ противъ враждебной толпы, и стушевывается.

— Сила, единственная сила въ васъ, въ народѣ, въ пролетаріатѣ. Послѣднее слово принадлежитъ вамъ, т. к. Дума безъ народа не можетъ рѣшить коренныхъ вопросовъ. Вы теперь постоянно и энергично должны готовиться къ борьбѣ, должны слѣдить за каждымъ шагомъ Думы. И когда настанетъ время, когда начнется ожесточенная борьба въ Думѣ или внѣ Думы тамъ, въ

---

1) „Тифлис. Листокъ" (отъ 9 мая) со словъ „Лампари".

Петербургѣ, будьте готовы и вы сказать послѣднее слово противъ насилія, бороться за свободу.

Послѣднія слова, лозунги соціалдемократовъ, были встрѣчены восторженными возгласами тысячной толпы.

Подымается на стулъ депутатъ Рамишвили.

-- Дѣло и время требуютъ спокойствія и порядка; будемъ же спокойны.

Въ Думѣ мы будемъ дѣйствовать словами убѣжденія, а когда настанетъ время, весь народъ подымется и не помогутъ никакія запрещенія. Побѣдитъ свѣтъ, побѣдитъ правда, побѣдитъ народъ.

Читаются адреса отъ ж.-д. служащихъ, учащихся и другихъ организацій. Въ адресахъ говорится о борьбѣ за осуществленіе демократическаго строя, „вѣрнѣйшаго средства для доставленія царства труда и мира“.

Наэлектризованная толпа выноситъ на рукахъ депутатовъ изъ зала на платформу.

Здѣсь выстроились войска, и депутатъ Рамишвили обращается къ нимъ съ рѣчью. Солдаты внимательно слушаютъ, на многихъ лицахъ видно сочувствіе оратору. Однимъ звеномъ между народомъ и арміей сдѣлалось больше.

Поѣздъ тронулся при шумныхъ оваціяхъ народа, который, ясно чувствуется, не дастъ въ обиду своихъ представителей.

Когда поѣздъ прибылъ на слѣдующій день въ Баладжаны, депутаты были встрѣчены прибывшими изъ Баку рабочими.

Опять привѣтствія, возгласы, аплодисменты, рѣчи и пѣсни...[1]).

Такъ кавказскій пролетаріатъ провожалъ своихъ первыхъ представителей въ Думѣ...

---

[1]) „Наша Жизнь“, № отъ 17 іюня.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рабочіе депутаты въ составѣ трудовой группы.

I.

Первые шаги.—Амнистія.—Отвѣтный адресъ.

Первые шаги рабочихъ депутатовъ могли быть только такими, какими они были: нерѣшительными, неувѣренными, не всегда послѣдовательными. Избранные безъ участія и содѣйствія сознательной части пролетаріата, дѣйствуя на выборахъ, въ большинствѣ случаевъ, за собственный рискъ и страхъ, они шли въ Думу въ смутномъ сознаніи грядущаго дѣла и грядущей борьбы. Не чувствуя за собою рабочей массы, организованной и сплоченной, неувѣренные въ томъ, что она ихъ поддержитъ, а не оттолкнетъ, они робко ступали и защищали рабочее дѣло такъ, какъ сами его понимали и какъ понимала ихъ та рабочая масса, которая послала ихъ своими представителями въ Думу.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественнымъ также было тяготѣніе рабочихъ депутатовъ къ трудовой группѣ. На выборахъ они проходили, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію крестьянъ; съ послѣдними они были тѣсно связаны еще задолго до открытія Думы, и потому не видѣли на первыхъ порахъ никакой нужды отдѣлиться отъ крестьянъ и составить самостоятельную рабочую группу. Только постепенно, путемъ опыта думской работы, съ одной стороны, и общенія съ петербургскимъ пролетаріатомъ, съ другой, восполнился пробѣлъ, который такъ сильно давалъ о себѣ знать во время выборной кампаніи: устанавливалась связь между организованнымъ пролетаріатомъ и рабочими депутатами—пролетаріатъ призналъ за депутатами право говорить отъ имени рабочаго класса, депутаты сознали возложенную на нихъ пролетаріатомъ задачу.

Но въ первые моменты этого еще не было. Оставалось, наоборотъ, недовѣрчивое отношеніе и къ Думѣ, и въ особенности къ избраннымъ членами ея рабочимъ, и даже въ средѣ сторон-

никовъ образованія фракціи возникало не мало споровъ о своевременности выдѣленія рабочей группы вообще и при наличномъ составѣ депутатовъ въ частности. Только немногіе находили возможнымъ немедленное образованіе группы, но и они натолкнулись на непреодолимое препятствіе: рабочіе депутаты начали съ того, что остались въ трудовой группѣ съ крестьянствомъ, съ которымъ они шли раньше и дошли до Думы.

Вступленіе въ трудовую группу могло быть, однако, сколько нибудь прочнымъ только для немногихъ рабочихъ депутатовъ, столь же неопредѣлившихся въ своихъ политическихъ и соціальныхъ требованіяхъ какъ и сама трудовая группа [1]). Большинство рабочихъ депутатовъ стояло выше такого рода неопредѣленности и въ разнообразной трудовой группѣ составляли одно цѣлое. Очень немногіе изъ нихъ состояли раньше въ партійныхъ организаціяхъ и раздѣляли программу с.-д. партіи [2]); большая часть, находясь въ сторонѣ отъ партіи, не считала своимъ долгомъ руководиться партійной программой и, въ лучшемъ случаѣ, болѣе или менѣе сочувствовала соціалдемократіи, ибо выбранные рабочей массой мы не могли не сочувствовать партіи, которая является истинной выразительницей и защитницей интересовъ пролетаріата. Будучи рабочими не только по профессіи, но и по всему складу своей жизни, они сами жили жизнью рабочей массы. Въ качествѣ избранниковъ рабочей массы, жаждавшей избавленія отъ гнета политическаго и экономическаго, они придавали преимущественное значеніе непосредственнымъ нуждамъ рабочаго класса и съ этой точки зрѣнія, прежде всего, оцѣнивали свою работу въ Думѣ, полагая, что задача ихъ сводится къ тому, чтобы раздобыть свободу и поднять уровень жизни рабочихъ. На почвѣ такихъ непосредственныхъ нуждъ зародилась и продолжалась связь между рабочими депутатами и ихъ избирателями-рабочими; о нихъ спорили на избирательныхъ собраніяхъ, о нихъ говорилось въ наказахъ, которые посылались на имя депутатовъ, и даже въ послѣдующее время, когда рабочіе депутаты выдѣлились въ самостоятельную группу и затѣмъ во фракцію, въ числѣ наказовъ не мало попадалось и такихъ, которые трактовали о ближайшихъ

---

[1]) По даннымъ Бородина („Госуд. Дума въ цифрахъ“, стр. 56) среди депутатовъ было 16 фабрично-заводскихъ рабочихъ. Первое обращеніе „ко всѣмъ рабочимъ Россіи“ подписали 14 депутатовъ-рабочихъ, во фракцію изъ нихъ вошло 10.

[2]) На случайномъ митингѣ у ка-детскаго клуба въ день открытія Думы деп. Михайличенко, разсказывая о задачѣ, которую возложили на него товарищи „изъ темнаго подземелья, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта“, сказалъ: „я пошелъ; такихъ, какъ я, здѣсь не много, всего 12—13 человѣкъ, но мы гордо будемъ держать надъ головой тотъ документъ, который находится въ рукахъ всего сознательнаго пролетаріата; этотъ документъ—программа Р.-С.-Д.-Р. Партіи“.

экономическихъ нуждахъ рабочихъ, какъ бы относя депутатовъ къ первоисточнику ихъ связи съ рабочей массой. Эта связь, проистекая изъ жизненныхъ интересовъ рабочаго класса, не только приковала вниманіе рабочихъ къ депутатамъ и къ самой Думѣ, но и заложила основы классовой солидарности между депутатами и рабочей массой, пославшей ихъ въ Думу; она заставляла депутатовъ проникаться классовой точкой зрѣнія, соразмѣрять свою работу съ интересами своего класса и по необходимости съ осторожностью относиться къ многочисленнымъ „друзьямъ рабочихъ", склоннымъ сочетать и примирять всяческіе интересы. Эта-же связь служила залогомъ того, что, при благопріятныхъ условіяхъ, она можетъ развиться въ связь болѣе глубокую.

Мы уже упомянули выше, что такими благопріятными условіями могли быть съ одной стороны постоянное общеніе депутатовъ съ петербугскимъ пролетаріатомъ, съ другой — опытъ работы депутатовъ въ Думѣ. Общеніе съ петербургскими рабочими, передовымъ отрядомъ россійскаго пролетаріата, сыгравшимъ такую крупную роль въ ходѣ русской революціи, долженъ былъ ввести депутатовъ,—и, какъ мы увидимъ дальше дѣйствительно ввелъ ихъ,—въ курсъ революціоннаго настроенія, взглядовъ и требованій рабочаго класса. Посѣщая изо дня въ день рабочіе митинги и собранія, вслушиваясь въ рѣчи ораторовъ и сами дѣлясь съ рабочими своими впечатлѣніями, депутаты не только заражались общимъ настроеніемъ—этого было бы, конечно, мало,—но и проникались тѣмъ могучимъ классовымъ сознаніемъ, которое куетъ силу и залагаетъ основу побѣды пролетаріата. Если раньше, связанные только съ избирателями своей фабрики и своей губерніи, они объединялись общностью своихъ классовыхъ непосредственныхъ нуждъ и интересовъ, то теперь они должны были почувствовать свою связь со всѣмъ рабочимъ классомъ на почвѣ очередныхъ задачъ революціи. Ибо все болѣе отчетливо выяснялось, что тѣ наболѣвшіе вопросы рабочей жизни, которые они предполагали разрѣшить въ Думѣ, тѣсно сплелись съ другими болѣе крупными и сложными вопросами русской жизни, что борьба съ самодержавнымъ правительствомъ далеко не закончилась и должна принять формы, не укладывающіяся въ обычныя рамки думской работы. И поскольку рѣчь шла о Думѣ,—а о ней, главнымъ образомъ, и шла рѣчь,—для депутатовъ должно было все болѣе выясняться, что сила Думы можетъ быть только въ силѣ народа, что лишь поддержанная народомъ Дума можетъ довести до конца борьбу за народныя права, что на поддержку пролетаріата она вправѣ разсчитывать только въ томъ случаѣ, если станетъ выразительницей дѣйствительныхъ требованій народа и сама будетъ искать его поддержки. Въ такомъ освѣщеніи самое существованіе рабочихъ депутатовъ въ Думѣ пріобрѣтало смыслъ лишь

при сліяніи ихъ съ организованной рабочей массой. Предоставленные сами себѣ, оставаясь въ Думѣ одинокими, отрѣзанными отъ пролетаріата, они должны были потонуть и затеряться въ общей ка-детско-крестьянской Думѣ. Почерпнуть новую, дѣйствительно богатую силу они могли лишь единеніемъ съ организованной пролетарской массой, подчиненіемъ своихъ дѣйствій ея дѣйствіямъ, сознаніемъ своей отвѣтственности передъ ней.

Это своего рода перерожденіе произошло, конечно, не въ одинъ день. И если оно все-же произошло довольно быстро, то не только потому, что въ наше революціонное время все совершается быстро, но главнымъ образомъ потому, что это перерожденіе было нормальнымъ и естественнымъ, какъ естественно единеніе всей рабочей массы съ ея передовой организованной частью, если ихъ объединяетъ общая задача, поставленная правильно, отчетливо и ясно.

Что-же могъ дать рабочимъ депутатамъ опытъ ихъ дѣятельности въ Думѣ? Долженъ-ли онъ былъ также все болѣе и болѣе толкать ихъ въ сторону организованнаго пролетаріата или, наоборотъ, онъ долженъ былъ убѣдить ихъ въ томъ, что путь единенія съ трудовой группой есть единственно правильно избранный ими путь?

Уже съ первыхъ дней вступленія въ трудовую группу рабочимъ депутатамъ пришлось занять самостоятельную позицію. Мы видѣли, что, солидарно съ избравшей ихъ рабочей массой, они придали преимущественное значеніе непосредственнымъ нуждамъ рабочихъ или иначе „разрѣшенію рабочаго вопроса“. Между тѣмъ въ первоначальной программѣ трудовой группы о рабочемъ вопросѣ говорилось въ самыхъ общихъ чертахъ, что, конечно, не могло удовлетворить рабочихъ депутатовъ. По предложенію рабочихъ депутатовъ эта часть программы была значительно расширена и болѣе подробно разработана [1]). Совпадая во многомъ съ со-

---

[1]) Вотъ ея положенія: 1) Максимальный 8-ми часовой рабочій день во всѣхъ отрасляхъ наемнаго труда безъ уменьшенія заработной платы; установленіе обязательнаго 42 часового непрерывнаго отдыха въ недѣлю.

2) Охрана женскаго и дѣтскаго труда.

3) Полное запрещеніе сверхурочныхъ работъ.

4) Воспрещеніе ночного труда за исключеніемъ тѣхъ производствъ, гдѣ это по техническимъ условіямъ окажется невозможнымъ.

5) Государственное страхованіе за счетъ предпринимателей.

6) Уголовная отвѣтственность нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

7) Широкая реорганизація фабричной инспекціи, распространивъ ее на всѣ отрасли наемнаго труда, съ установленіемъ обязательнаго контроля со стороны мѣстныхъ рабочихъ организацій.

8) Обязательная медицинская безплатная помощь рабочимъ и широкій надсмотръ за гигіеническими условіями жизни рабочихъ со стороны мѣстныхъ самоуправленій.

отвѣтствующей частью программы с.-д. партіи, она требовала „немедленнаго избранія на мѣстахъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, избранныхъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, которые должны взять на себя подробную разработку рабочаго вопроса и подготовку его къ практическому проведенію въ жизнь“. Стоитъ сравнить всю программу, составленную рабочими депутатами съ этою ея частью, чтобы увидѣть, что въ первоначальныхъ ихъ воззрѣніяхъ на „разрѣшеніе рабочаго вопроса“ произошло значительное измѣненіе. Если придавая еще значеніе особой программѣ своей по рабочему вопросу, они настолько подробно ее разрабатываютъ, что, говоря о введеніи максимальнаго 8-ми часов. рабочаго дня не забываютъ упомянуть о заработной платѣ и требуютъ устройства при фабрикахъ библіотекъ и читаленъ, то съ другой стороны они уже отказываются отъ мысли предложить эту программу для осуществленія первой Думѣ: „Разрѣшеніе этого вопроса (рабочаго), говорится въ программѣ, можетъ быть осуществлено лишь собраніемъ народныхъ представителей, избранныхъ на началахъ всеобщаго избирательнаго права, послѣ осуществленія въ Россіи амнистіи и всѣхъ гражданскихъ свободъ“. Больше того: программа требуетъ образованія на мѣстахъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, которые должны избираться всѣми рабочими на основахъ всеобщаго избирательнаго права; эти совѣты не только указывали бы „желательные способы и средства“ разрѣшенія рабочаго вопроса, но организовали бы рабочую массу, связали бы ее при помощи такой организаціи съ Думой и дали бы возможность пролетаріату оказывать давленіе на Думу, а въ случаѣ нужды и поддержать ее.

---

9) Учрежденіе примирительныхъ камеръ для разбора недоразумѣній между рабочими и предпринимателями съ равнымъ числомъ представителей отъ предпринимателей и рабочихъ.

10) Обязательное внѣшкольное образованіе народныхъ массъ и устройство библіотекъ и читаленъ при фабрикахъ и заводахъ.

11) Уничтоженіе штрафовъ, вычетовъ и обысковъ.

Трудовая группа парламента полагаетъ, что разрѣшеніе этого вопроса, какъ и земельнаго, можетъ быть осуществлено лишь собраніемъ народныхъ представителей, избранныхъ на началахъ всеобщаго избирательнаго права, послѣ осуществленія въ Россіи амнистіи и всѣхъ гражданскихъ свободъ. Пока же группа считаетъ необходимымъ лишь положить начало разрѣшенію рабочаго вопроса, для чего находитъ необходимымъ немедленное избраніе на мѣстахъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, которые должны взять на себя подробную разработку рабочаго вопроса и подготовку его къ практическому проведенію въ жизнь.

Эти совѣты рабочихъ депутатовъ приступятъ къ окончательной разработкѣ матеріаловъ и укажутъ желательные способы и средства, на основаніи коихъ рабочій вопросъ будетъ окончательно разрѣшенъ будущимъ собраніемъ народныхъ представителей.

Рабочіе депутаты на первыхъ порахъ придавали очень большое значеніе выработанной ими рабочей программѣ. Имъ казалось, что, включивъ въ програму трудовой группы подробную „рабочую“ программу, они обезпечили возможность совмѣстной работы съ группой. Но ближайшіе же дни показали, что надежды депутатовъ не были основаны на сколько-нибудь солидныхъ основаніяхъ. Въ отвѣтномъ адресѣ Думы на тронную рѣчь, который поддерживала трудовая группа, говорилось въ самыхъ общихъ выраженіяхъ о „неотложномъ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса“, и, какъ мы увидимъ дальше, трудовая группа противъ такихъ общихъ фразъ не протестовала. И даже больше: въ проектѣ, внесенномъ въ комиссію по составленію отвѣтнаго адреса членомъ отъ крестьянскихъ депутатовъ, о рабочемъ вопросѣ говорилось, что Дума намѣрена заняться „посильнымъ выясненіемъ“ его, предоставляя „прочное разрѣшеніе“ вопроса „правильному“ народному представительству. Тотъ-же проектъ, упоминая объ аграрномъ вопросѣ, указываетъ, что „для выясненія условій и способовъ подобной глубокой реформы (аграрной) необходимо предварительное обсужденіе и подготовка ея на мѣстахъ, а для этого, помимо личныхъ свободъ, необходимо коренное преобразованіе органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ видѣ замѣны ихъ состава лицами, избранными на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, путемъ прямого и тайнаго голосованія“—о совѣтахъ-же рабочихъ депутатовъ, которые должны указать „способы и средства“ къ „разрѣшенію“ рабочаго вопроса и требованіе которыхъ трудовая группа включила въ свою программу, въ проектѣ не говорится ни слова. Все, что трудовая группа сочла нужнымъ сказать о рабочемъ вопросѣ, сводилось къ робкой фразѣ о „посильномъ выясненіи“, точь-въ-точь какъ ка-детскій проектъ говорилъ о „неотложномъ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса“, сводя эти нужды къ „обезпеченію наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія“. Трудовая группа оказалась неспособной отстаивать интересы пролетаріата даже въ смыслѣ сколько-нибудь разумной постановки „рабочаго вопроса.“

Безсиліе трудовой группы сказалось, впрочемъ, не только въ этомъ. Чуть-ли не съ перваго засѣданія Думы обнаружилось, что трудовая группа находитъ въ себѣ достаточно силы только для того, чтобы плестись на буксирѣ у ка-детовъ. Уже при первомъ обсужденіи вопроса объ амнистіи тѣсное сотрудничество съ трудовой группой должно было сказаться на рабочихъ депутатахъ весьма прискорбно.

Всѣмъ памятна, конечно, рѣчь д. Родичева, въ которой онъ говорилъ, что амнистія „является выраженіемъ желаній и мольбы

народа", и пожелалъ, чтобы она не стала „выраженіемъ требованія русскаго народа" [1]. „Настоящій моментъ,—говорилъ далѣе Родичевъ,—рѣдкій моментъ для власти въ исторіи Россіи; верховная власть счастлива: въ сущности исторія дается ей въ руки, какъ не разъ давалась, и нужно понять то мгновеніе, когда душа народа можетъ раскрыться въ одномъ порывѣ". Трудовики не только не протестовали противъ этой мольбы и слащавой лести, но и сами покатились по дорожкѣ, мягко вымощенной Родичевымъ. Аникинъ взывалъ къ справедливости, къ тому, что „не должно быть неправды, не должно быть насилія" [2], а д. Аладьинъ, погрозивъ тѣмъ, „у кого есть еще время хоть на одинъ моментъ понять, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и съ кѣмъ они встрѣтились лицомъ къ лицу", закончилъ такою же мольбою: „Я обращаюсь къ тому, кто можетъ, съ простыми ясными словами: *пощадите нашу родину*, возьмите дѣло въ свои руки и не заставьте насъ взять его въ свои собственныя"; въ дарованіи амнистіи Аладьинъ видѣлъ „послѣднюю возможность понять насъ и примирить насъ". [3] И напрасно д. Жилкинъ пытался потомъ подчеркнуть, что рѣчь идетъ не о просьбѣ, а о требованіи: общій тонъ трудовиковъ остался „жалостливымъ", да и самъ Жилкинъ признался, что къ его „великому ужасу къ великому огорченію время просьбъ прошло и кануло безвозвратно", [4]—очевидно, г. Жилкинъ предпочиталъ время просьбъ времени властныхъ требованій народа. Вмѣсто того, чтобы поставить вопросъ объ амнистіи послѣдовательно и прямо, предложить Думѣ, чтобы она, подчиняясь волѣ народа, постановила о немедленномъ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ по политическимъ, аграрнымъ и военнымъ дѣламъ, трудовики пошли вслѣдъ за ка-детами по пути, не допускающему иного отношенія къ „политическимъ преступникамъ", какъ отношенія милости и признающему амнистію „прерогативой монарха", о которой можно только просить. Такое поведеніе трудовой группы при обсужденіи столь жгучаго вопроса не могло, понятно, не внести путаницы въ воззрѣнія рабочихъ депутатовъ, которые, не имѣя въ своей средѣ опытныхъ руководителей, склонны были видѣть своихъ вождей въ Аладьинѣ, Аникинѣ, Жилкинѣ. Деп. Ершовъ пытался показать Думѣ, что она должна добиваться амнистіи, потому что этимъ путемъ она заручится симпатіей и поддержкой рабочаго класса, который въ предстоящемъ праздновоніи перваго мая выставитъ требованіе амнистіи. „Въ недалекомъ будущемъ,—говорилъ д. Ершовъ,—наступаетъ день перваго мая. Весь пролетаріатъ празднуетъ этотъ день какъ на-

1) Государств. Дума. Стенограф. отчетъ. Сессія первая. Т. I, стр. 24.
2) Тамъ же, стр. 25.
3) Тамъ же, стр. 25.
4) Тамъ же, стр. 26.

ціональный праздникъ; поэтому я бы убѣдительно просилъ васъ, господа, не откладывайте этого дѣла въ долгій ящикъ, и возможно скорѣе, возможно единодушнѣе рѣшите его и дайте всему пролетаріату увѣренность, поддержите въ немъ вѣру, что вы—народные представители, потому что въ той будущей борьбѣ, которая возможна при осуществленіи намѣченныхъ вами реформъ, вамъ придется столкнуться лицомъ къ лицу съ той темной реакціей, для побѣды надъ которой необходима поддержка пролетаріата". И въ то же время д. Чурюковъ внесъ предложеніе „послать телеграмму" государю, въ которой просить объ освобожденіи всѣхъ политическихъ заключенныхъ", а д. Савельевъ просилъ Думу „поспѣшить какимъ-либо образомъ: какими-либо требованіями, заявленіями или просьбами—въ этомъ, говорилъ Савельевъ, я предлагаю разобраться самимъ членамъ,—но только необходимо отвѣтить, необходимо выразить сочувствіе рабочему классу" (ораторъ говорилъ о необходимости амнистіи въ предотвращеніе кровавыхъ столкновеній перваго мая). Конечно, въ общей мути и елеѣ, которыми облеклась въ Думѣ судьба политическихъ заключенныхъ, всего менѣе можно было разбираться въ „образахъ". Трудовая группа, которая, хотя бы въ качествѣ демократической группы, должна была разсѣять эту муть, сама ее еще болѣе сгустила.

Такая же муть осталась и послѣ обсужденія вопроса объ отвѣтномъ адресѣ—этого перваго въ Думѣ боевого вопроса на которомъ должна была сказаться политическая зрѣлость всѣхъ думскихъ партій и группъ. На проектѣ адреса, составленномъ особой комиссіей, лежалъ замѣтный отпечатокъ большихъ уступокъ въ сторону правыхъ партій Думы; всѣ самыя существенныя и жизненныя требованія народа были урѣзаны съ исключительной цѣлью не отпугнуть отъ адреса правыхъ и дать имъ возможность къ нему присоединиться. Вмѣсто прямого указанія, что Дума, вслѣдъ за народомъ, требуетъ, чтобы выборы производились на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, проектъ адреса говорилъ только о народномъ представительствѣ, основанномъ „согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права"; вмѣсто того, чтобы категорически заявить, что Государств. Совѣтъ долженъ быть уничтоженъ и не можетъ быть возстановленъ въ видѣ какой-бы то ни было второй палаты, что единственной выразительницей воли народа должна быть всенародно избранная Дума, проектъ ограничился указаніемъ, что между народнымъ представительствомъ и „престоломъ" не долженъ „стоять Госуд. Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія", чѣмъ допускалъ возможность существованія совѣта, составленнаго на другихъ началахъ; вмѣсто

того, чтобы выразить ближайшія нужды рабочаго класса и заявить, что онѣ могутъ быть удовлетворены только установленіемъ 8-мичас. рабочаго дня, охраною труда и проведеніемъ тѣхъ мѣръ, которыя онъ неустанно выставляетъ въ своей экономической борьбѣ,—проектъ трусливой рукою начерталъ „неотложное удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса“, первымъ шагомъ котораго „должно заявиться обезпеченіе рабочимъ свободы организаціи и самодѣятельности“, т. е. предоставленіе рабочимъ права бороться за тѣ реформы, осуществленія которыхъ онъ требуетъ немедленно; вмѣсто того, чтобы, выступая отъ имени національностей, задушенныхъ самодержавнымъ правительствомъ, заявить, что имъ должно быть предоставлено право на свободное, автономное существованіе, проектъ туманно говорилъ объ „удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей“, о томъ, что „духовное объединеніе“ ихъ возможно только при „удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта“. Нужно-ли упоминать, что проектъ отвѣтнаго адреса, не счелъ возможнымъ заявить, что только всенародное Учредительное Собраніе, а не соглашеніе Думы съ правительствомъ, можетъ установить новый политическій строй Россіи?

Отвѣтный адресъ, говоря отъ имени народа, требованія народа урѣзалъ до послѣдней возможности. Въ немъ не нашла своего полнаго воплощенія даже программа умѣренной к.-д. партіи, не говоря уже о революціонныхъ требованіяхъ широкихъ народныхъ массъ. Въ виду такого характера адреса, что должна была дѣлать трудовая группа, взявшая на себя защиту интересовъ „крестьянства, фабрично-заводскихъ рабочихъ, а также интеллигентовъ-тружениковъ?“ Она должна была сказать, что такой адресъ, если онъ вообще умѣстенъ и нуженъ, долженъ имѣть только одну цѣль: противопоставить народныя требованія вожделѣніямъ старой власти. Онъ не можетъ, поэтому, заключать въ себѣ никакихъ уступокъ приверженцамъ стараго порядка, явнымъ или тайнымъ, онъ долженъ настолько вскрыть народныя желанія, чтобы прикосновеніе къ нему грязныхъ рукъ враговъ народа стало невозможнымъ. Этимъ самымъ онъ долженъ отграничить партіи, враждебныя старой власти, отъ партій, ей преданныхъ, и если онъ могъ быть мостомъ, временно объединяющимъ силы оппозиціи, то онъ долженъ былъ быть пропастью, отдѣляющей оппозицію отъ всѣхъ реакціонныхъ силъ.

Трудовая группа этого не сказала. Она не только не воспользовалась возможностью подвергнуть безпощадной критикѣ умѣренное содержаніе отвѣтнаго адреса, не только не попыталась заставить ка-детовъ сразу и безповоротно отмежеваться отъ праваго крыла Думы, не только не попыталась на почвѣ адреса

объединить оппозиціонныя партіи и подвинуть ихъ па болѣе рѣшительное и полное заявленіе требованій народа, но, наоборотъ, всѣ свои силы направила къ тому, чтобы убѣдить Думу въ необходимости принять проектъ комиссіи. Вслѣдъ за ка-детами трудовики убѣждали Думу сказать „общее слово", не разграничивая, отъ кого это „общее слово" должно исходить и что оно должно въ себѣ заключать. Если слово, исходящее отъ всей Думы, важно, то связь Думы съ народомъ еще важнѣе, и если, поэтому, отвѣтный адресъ могъ быть такимъ словомъ, то онъ долженъ былъ исходить отъ оппозиціоннаго большинства Думы, враждебнаго самодержавному правительству, и заключить тѣ требованія, которыя могли быть поддержаны народомъ, какъ его требованія. Между тѣмъ, отвѣтный адресъ, изготовленный комиссіей, урѣзалъ эти требованія и урѣзалъ ихъ въ угоду правому крылу Думы—октябристамъ. Ка-деты, въ погонѣ за гр. Гейденомъ и К°, отказались отъ существенныхъ положеній своей программы, а трудовики безпомощно за ними послѣдовали. Они не удосужились внести въ Думу свой проектъ отвѣтнаго адреса, не сумѣли заставить ка-детовъ принять предложенныя ими поправки, и не только голосовали за адресъ безъ оговорокъ, но и сами со всѣмъ пыломъ убѣждали крестьямъ и рабочихъ принять адресъ, предложенный комиссіей. И результатъ получился вполнѣ достойный такой тактики: октябристы не бросились въ объятья ка-детовъ и трудовиковъ, а отвѣтный адресъ остался урѣзаннымъ даже свыше кадетской мѣры.

„Да, мы не сказали всего, чего желаютъ крестьяне, чего желаютъ рабочіе", говорилъ въ Думѣ д. Жилкинъ. Не сказали, потому что „здѣсь (въ Думѣ) люди собрались разныхъ воззрѣній, разныхъ классовъ, разныхъ положеній, люди нищеты, люди богатства и достатка" [1]). И д. Жилкинъ, не вскрывая, что уступки дѣлаются не вообще „людямъ богатства и достатка", а скрытымъ сторонникамъ реакціи, готовымъ протянуть дружескую руку самодержавному правительству, убѣждая Думу сказать „общее слово", общее — съ гг. октябристами. „Съ этимъ, товарищи крестьяне и рабочіе, нужно примириться", утѣшаетъ Жилкинъ крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ. — Запомните, что намъ нужно сказать это общее слово — общее слово отъ всей Думы, сказать, хотя не полнымъ, положимъ, голосомъ, но отъ всего сердца, но все-таки сказать его единодушно и представить правдиво, хотя полуоткрыто, но такъ, чтобы народъ его прочиталъ и прочитали его тамъ, куда мы его направляемъ. Въ этомъ наша ближайшая задача, въ этомъ нашъ первый долгъ" [2]). Итакъ, первый „долгъ"

---

[1]) Госуд. Дума, т. I, стр. 85.
[2]) Тамъ же.

заключался въ томъ, чтобы говорить „не полнымъ голосомъ", „полуоткрыто"; не говорить всего, о чемъ говоритъ народъ, и, наоборотъ, говорить только то, съ чѣмъ могутъ согласиться „люди богатства и достатка", — т. е. Гейдены, Стаховичи, Способные!...

Деп. Аладьинъ пошелъ еще дальше. Онъ отвѣчалъ тѣмъ, кто указывалъ, что въ отвѣтномъ адресѣ мало сказано о рабочихъ. „Вѣрно-ли это?—спрашивалъ Аладьинъ—нѣтъ, глубоко не вѣрно. Рабочій классъ больше, чѣмъ всѣ другіе слои населенія имѣлъ возможность ясно и точно формулировать свои задачи и идеалы, за которые онъ боролся и не щадилъ своихъ жертвъ. Если вы посмотрите отвѣтъ на тронную рѣчь, то отъ начала до конца въ немъ будутъ сквозить идеалы рабочаго класса" [1]). Отсюда слѣдовало, что адресъ не долженъ встрѣчать никакихъ возраженій. Къ сожалѣнію никто не спросилъ д. Аладьина, въ чемъ именно сквозятъ идеалы рабочаго класса? Въ туманномъ упоминаніи о всеобщемъ избирательномъ правѣ, въ полуснисходительномъ отношеніи къ Госуд. Совѣту или, быть можетъ, въ положеніи, которое, дѣйствительно, сквозитъ во всемъ адресѣ, что „только единеніе монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти?"

Само собою разумѣется, что такое очень далекое отъ самостоятельности поведеніе трудовой группы должно было заставить рабочихъ депутатовъ занять особую позицію. Если вначалѣ они пытались слѣдовать за трудовиками, то теперь они должны убѣдиться, что дальнѣйшая поддержка трудовой группы для нихъ невозможна. „Гг. народные представители!—заявилъ д. Ильинъ въ засѣданіи Думы 4 мая, ни для кого не тайна, что рабочіе добиваются Учредительнаго Собранія, созваннаго на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Поэтому я считаю своимъ долгомъ говорить отъ имени всего пролетаріата, что мы рабочіе, протестуемъ не только противъ Госуд. Совѣта, но и противъ всего адреса" [2]). Деп. Аладьинъ и здѣсь пытался обратиться къ рабочимъ „съ убѣжденіемъ". „Мнѣ кажется, товарищи рабочіе, что есть вещи, которыхъ и не просятъ и даже не требуютъ, которыя — устраиваютъ; къ числу такихъ вещей принадлежитъ Учредительное Собраніе"—говорилъ Аладьинъ и дальше серьезно пояснялъ, что „когда побѣдоносный народъ взялъ въ свои руки все, тогда Учредительное Собраніе учреждается безъ просьбъ, само собой" [3]), какъ будто рабочіе-депутаты просили кого-либо объ Учредительномъ Собраніи, а требовать созыва его, на этотъ

---

[1]) Госуд. Дума, т. I, стр. 88.
[2]) Тамъ же, стр. 181.
[3]) Тамъ же, стр. 214.

разъ не у правительства, а у Думы, было бы абсурдомъ! Но авторитетъ трудовой группы падалъ въ глазахъ рабочихъ-депутатовъ и „убѣжденіе“ Аладьина не возымѣло дѣйствія. Деп. Михайличенко, хотя и поблагодарилъ Аладьина за то, что „онъ такъ горячо защищалъ рабочіе интересы“, все же подтвердилъ, что рабочіе депутаты, въ качествѣ представителей рабочихъ, требуютъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія. При голосованіи отвѣтнаго адреса, рабочіе депутаты отказались отъ голосованія; они не покинули думскаго зала потому, что не хотѣли протестовать противъ адреса въ компаніи съ 11 октябристами [1]).

Такимъ образомъ, уже первыя недѣли думской работы должны были показать рабочимъ-депутатамъ и, въ особенности организованному пролетаріату, который съ все возрастающимъ вниманіемъ слѣдилъ за Думой, что выдѣленіе ихъ въ самостоятельную группу дѣлается настоятельно необходимымъ. Непродолжительный опытъ показалъ—а все послѣдующее вполнѣ подтвердило,—что трудовая группа, въ ея настоящемъ видѣ, не является выразительницей опредѣленныхъ политическихъ и соціальныхъ интересовъ. Составъ ея былъ чрезвычайно разнообразенъ; она заключала въ себѣ 2 соц.-револ., 10 с.-дем. и близкихъ къ нимъ, 9 членовъ крестьянскаго союза, 7 соціалистовъ внѣ партій, 1 члена радикальной партіи, 2 свободомыслящихъ, 18 лѣвѣе к.-д., 8 автономистовъ, 21 безпартійнаго и 27 неопредѣленныхъ. [2]) Желая быть, по преимуществу, партіей крестьянской, выдвигая повсюду на первый планъ интересы крестьянъ, трудовая группа, однако, желала быть выразительницей также интересовъ рабочихъ и трудовой интеллигенціи. Она не была группой соціалистической, потому что въ составѣ ея едва могло набраться нѣсколько опредѣленныхъ соціалистовъ. Она не была группой, сплоченной однородной политической программой, потому что, наряду съ соціалистами, она включала себѣ представителей различныхъ политическихъ теченій, отъ радикаловъ до безпартійныхъ и даже неопредѣлившихся. Крестьяне-депутаты, основа и надежда группы, представляли изъ себя, въ частности, еще болѣе разнородную смѣсь;

---

[1]) По этому поводу въ № 6 „Невской Газеты“ было напечатано слѣдующее заявленіе рабочей группы: „Въ газетахъ сообщалось, что отвѣтъ на тронную рѣчь былъ принятъ Думой единогласно, за исключеніемъ группы графа Гейдена. Газеты „Наша Жизнь“ и „Слово“ даже сообщили, что рабочая группа, вопреки своему заявленію, тоже голосовала за адресъ. Просимъ исправить неточность сообщенія: „мы, члены рабочей группы, 15 чел., согласно нашему заявленію, отъ участія въ голосованіи воздержались и не хотѣли только устроить изъ своего отказа демонстрацію, чтобы не смѣшиваться съ группой гр. Гейдена. Просимъ всѣ газеты перепечатать наше сообщеніе. По порученію группы: М. Михайличенко, И. Савельевъ, Б. Диденко“.

[2]) Бородинъ, стр. 42.

всѣ они сходились на томъ, что земля отъ помѣщиковъ должна перейти къ крестьянамъ, но въ дальнѣйшихъ подробностяхъ земельной реформы они расходились: одни соглашались на передачу земли государству, другіе находили, что она должна быть отдана крестьянамъ въ собственность, причемъ не возражали противъ выкупа. Въ политическихъ вопросахъ крестьяне обнаруживали не меньшую разноголосицу; нѣкоторые изъ нихъ возражали противъ политическаго равноправія женщинъ, а на частныхъ совѣщаніяхъ группы раздавались открытые протесты противъ равноправія евреевъ [1]). При такихъ условіяхъ трудовая группа не могла имѣть ни строго выдержанной программы, ни сколько-нибудь опредѣленной тактики; тренія внутри группы были слишкомъ сильны для того, чтобы она могла выступать всегда солидарно, и голосованія въ Думѣ не разъ показывали, что не всѣ предложенія группы поддерживаются даже ея членами. Не только въ то время, о которомъ мы говоримъ, но и въ послѣдующемъ, вплоть до разгона Думы, трудовая группа изображала собою не партію, а своего рода внѣпартійный союзъ, который еще только могъ превратиться въ партію, естественный центръ котораго составляло бы „трудовое" среднее крестьянство—не только тѣ крестьяне-депутаты, которые входили въ ея составъ, но, главнымъ образомъ, вся масса крестьянская, интересы которой представляла въ Думѣ группа и которая сама видѣла въ группѣ своего представителя.

Конечно, при такихъ условіяхъ трудовая группа могла оказать очень слабое вліяніе на Думу. Что могла она дѣлать, если сама не представляла себѣ, что нужно дѣлать? Она жалостливо просила объ амнистіи, когда ее нужно было требовать. Она замалчивала требованія народа, когда ихъ нужно было поставить ясно. Толкуя о связи своей съ народомъ, она полагалась не столько на силу народа, сколько на силу Думы. Красивыя, порою революціонныя рѣчи трудовиковъ создавали въ Думѣ минутное настроеніе, которое быстро падало и смѣнялось чувствомъ неудовлетворенности, естественнымъ всякій разъ, когда слово не соотвѣтствуетъ дѣлу.

Рабочіе депутаты, если они желали имѣть какое нибудь значеніе въ Думѣ, использовать свое пребываніе въ ней въ интересахъ рабочаго класса, должны были, прежде всего, отказаться отъ того полнаго противорѣчій пути, который избрала для себя трудовая группа. Если Дума безсильна безъ поддержки народа, то

---

[1]) Н. Езерскій: „Парламент. Трудовая Группа". „Рус. Вѣд.", 1906 г., № 146. По свидѣтельству члена трудовой группы проф. Локтя, „это были единицы наименѣе сознательныя, притомъ даже и въ этомъ своемъ больше инстинктивномъ, чѣмъ сознательномъ отношеніи къ вопросу, явно колебавшіяся". Проф. Т. В. Локоть. „Первая Дума", стр. 94.

нужно создать связь между Думой и народомъ, нужно, чтобы народъ имѣлъ возможность и пожелалъ поддерживать Думу. Для этого Дума должна была стать во главѣ народнаго движенія, выставить народныя требованія, обращаться къ народу за поддержкой. Рабочіе депутаты должны были непрестанно ставить предъ Думой эти задачи, непрестанно толкать ее на путь безпощадной общенародной борьбы съ правительствомъ. Но для этого они сами должны были составить силу, сами должны были выступить въ Думѣ не отъ имени небольшой безсильной группы, а отъ лица того класса, представителями котораго они могли быть. Источникъ своей силы они должны были искать не въ разношерстной трудовой группѣ, а въ силѣ всего рабочаго класса, связь съ которымъ они могли установить только выступленіемъ въ качествѣ его самостоятельныхъ представителей. Между тѣмъ всякое дальнѣйшее пребываніе рабочихъ депутатовъ въ составѣ трудовой группы затемняло ихъ положеніе, смѣшивало ихъ съ безформенной массой „трудового" народа, который изображала группа, и отрывало ихъ отъ рабочаго класса. Только выдѣлившись въ особую группу, они могли воспринять определенную программу — программу классовой партіи пролетаріата, выработать опредѣленную тактику, не считаясь съ сочувствіемъ или несочувствіемъ трудовой группы. Только въ такомъ случаѣ они могли разсчитывать, что за ними пойдетъ организованный пролетаріатъ, отрѣзанный отъ Думы тактикой бойкота, но этимъ самымъ они стали бы центромъ, отъ котораго исходили бы нити по всему рабочему классу, собирающія его вокругъ его представительства въ Думѣ, и снова сливающія его съ организованнымъ пролетаріатомъ.

II.

Обращеніе депутатовъ къ рабочимъ. — Отвѣтъ рабочихъ депутатовъ.

На всѣ требованія Думы, изложенныя въ отвѣтномъ адресѣ, правительство отвѣтило отказомъ. Ни земли, ни воли—таково было содержаніе министерской деклараціи, прочитанной въ Думѣ Горемыкинымъ. Все, о чемъ говорила Дума „полуоткрыто", смягчая и суживая народныя требованія, было отвергнуто правящей камарильей. Она еще не сложила оружія и готова была дать сраженіе народу, увѣренная въ томъ, что ближайшая побѣда принадлежитъ ей.

Дума отвѣтила: министерство, нежелающее считаться съ волей народнаго представительства, должно уйти и уступить мѣсто новому министерству, составленному изъ большинства Думы и

отвѣтственному передъ Думой. Переходъ къ очереднымъ дѣламъ, предложенный въ такомъ смыслѣ трудовой группой, былъ принятъ Думой большинствомъ всѣхъ противъ 10 крайнихъ правыхъ. „Выражая передъ лицомъ страны полное недовѣріе къ безотвѣтственному предъ народнымъ представительствомъ министерству“, Дума признала „необходимѣйшимъ условіемъ умиротворенія государства и плодотворной работы народнаго представительства немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ, пользующимся довѣріемъ Государственной Думы“.

И перешли къ очереднымъ дѣламъ. Ни ка-детамъ, ни трудовикамъ не показалось необходимымъ предпринять шаги болѣе рѣшительные, чѣмъ единодушное голосованіе формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Какъ въ первый день столкновенія съ правительствомъ, такъ и во всѣ послѣдующіе дни, они не переставали кричать министрамъ „въ отставку!“, полагая, что крики сотни депутатовъ могутъ, въ самомъ дѣлѣ, заставить министровъ покинуть насиженныя мѣста. И теперь, какъ раньше и позже, они краснорѣчиво заявляли, что за ними—страна, за ними—города и деревни, которые поддержатъ ихъ въ борьбѣ съ министерствомъ, но сами не считали нужнымъ ни обратиться къ народу за поддержкой, ни содѣйствовать собиранію народныхъ силъ, безъ которой о поддержкѣ можно больше говорить, чѣмъ серіозно на нее разсчитывать. Не только ка-деты, но и трудовики полагали, что, выразивъ недовѣріе министерству и потребовавъ его отставки, они сдѣлали все, что требовалось. Остальное приложится само и народъ не покинетъ Думу въ ея борьбѣ съ министерствомъ.

Конечно, требованіе смѣщенія министерства могло найти только сочувствіе широкихъ народныхъ массъ, какъ и требованіе замѣны его министерствомъ, составленнымъ изъ большинства Думы. Но именно поэтому думскія партіи, правильно представлявшія себѣ положеніе вещей, должны были не удовольствоваться предъявленіемъ это требованія правительству, а обратиться съ нимъ къ народу. Отвѣтъ правительства на адресъ показалъ все безсиліе Думы, дѣйствующей только своими силами. Правительство понимало, что 500 депутатовъ оно можетъ съ такою-же легкостью разогнать, какъ и митингъ 500 рабочихъ, если Дума останется безъ поддержки народа; не Думы оно должно было бояться, а народнаго движенія, которое завоевало Думу и могло отстоять ее. И если трудовики или ка-деты хотѣли требованіе, предъявленное ими правительству, сдѣлать требованіемъ народа, если они желали, чтобы это требованіе было народными массами поддержано, они должны были обратиться къ народу, разъяснить ему истинное положеніе дѣлъ, показать безсиліе Думы одной бороться за народныя права,

и призвать народъ къ собиранію силъ для борьбы и поддержки какъ этого, такъ и другихъ требованій Думы. Но они этого не сдѣлали. Они разносили министровъ въ Думѣ, пугали ихъ. И только д. Михайличенко отъ имени рабочихъ сказалъ всю правду: „у насъ нѣтъ вѣры, у насъ разстрѣляна вѣра и мы вѣримъ только въ силу народа; освобожденіе народа можетъ быть только дѣломъ рукъ самого народа“ [1]).

Насталъ моментъ, когда рабочіе депутаты должны были обратиться со своимъ словомъ къ пролетаріату. Ту правду, которую сказалъ Михайличенко Думѣ, они должены были сказать своимъ избирателямъ, всему рабочему классу, если не желали слѣдовать за трудовиками въ ихъ словесной борьбѣ съ правительствомъ. Пролетаріатъ долженъ былъ узнать, какъ смотрятъ рабочіе депутаты на Думу и первое столкновеніе ея съ правительствомъ, чего и какъ они намѣрены добиваться.

Рабочіе депутаты должны были убѣдиться, вправѣ ли они разсчитывать на поддержку рабочаго класса, составятъ-ли они въ Думѣ силу, опирающуюся на силу класса, или они останутся безсильною, какъ раньше, группою нѣсколькихъ депутатовъ.

18 мая опубликовано было за подписью 14 рабочихъ депутатовъ ихъ извѣстное обращеніе ко всѣмъ рабочимъ Россіи. Оно гласило:

Ко всѣмъ рабочимъ Россіи.—Отъ депутатовъ-рабочихъ Государственной Думы.

13 мая правительство дало свой отвѣтъ Государственной Думѣ на обращеніе Думы къ Государю. Вы знаете, товарищи-рабочіе, чего требовала Дума, вы знаете теперь, какъ отвѣтило правительство.

Дума требовала амнистіи—правительство отказало. Дума требовала свободы слова, печати, стачекъ, союзовъ, собраній, неприкосновенности личности, отмѣны смертной казни, военнаго положенія и усиленной охраны. Правительство отказало.

Дума требовала введенія всеобщаго избирательнаго права. Правительство отказало.

Дума требовала, чтобы удѣльныя, церковныя, кабинетскія, монастырскія, помѣщичьи земли перешли къ крестьянамъ. Правительство отказало. Оно заявило, что не позволитъ Думѣ коснуться частной земельной собственности.

Никакихъ законовъ для помощи рабочему классу въ его бѣдственномъ положеніи правительство не обѣщаетъ.

---

[1]) Отчетъ Думы, т. I, стр. 348.

Встрѣтивъ такой отвѣтъ на свои требованія, Дума единодушно постановила выразить свое полное недовѣріе нынѣшнимъ министрамъ и потребовала, чтобы было назначено новое министерство изъ людей, согласныхъ выполнять програму, выраженную Думой въ ея адресѣ.

Товарищи-рабочіе! Мы, рабочіе-депутаты Думы, голосовали вмѣстѣ со всей Думой за выраженіе этого недовѣрія нынѣшнему правительству. Конечно, рабочій классъ могъ бы еще много прибавить къ тому, что требовала Дума, но все же въ думскомъ адресѣ было много такого, что необходимо всему народу и рабочему классу. Поэтому мы сочли своимъ долгомъ вмѣстѣ со всей Думой протестовать противъ того, что правительство не желаетъ считаться съ голосомъ народныхъ представителей.

Итакъ, товарищи, между Государственной Думой и самодержавнымъ правительствомъ возникло столкновеніе, которое, рано или поздно, должно будетъ кончиться полнымъ пораженіемъ правительства. Но дѣло народное сможетъ побѣдить лишь въ томъ случаѣ, если весь народъ рѣшительно вмѣшается въ ту борьбу, которая началась въ Думѣ.

Товарищи рабочіе! Всѣ вы теперь видите, что помочь народу не можетъ Дума, пока правительство можетъ лишить ее всѣхъ правъ истинно-народнаго представительства. Вы видите теперь, что всякое доброе начинаніе Думы разбивается о самовластіе правительства. Это правительство владѣетъ самыми громадными земельными богатствами, эти же люди пользуются нашимъ общимъ безправіемъ и всевозможными исключительными законами (военнымъ положеніемъ, усиленной охраной), чтобы держать въ кабалѣ и униженіи крестьянъ и рабочихъ.

Эти люди—дворяне, чиновники, высшее духовенство—держатъ въ рукахъ всю власть въ государствѣ и не даютъ Россіи сдѣлать ни одного шага впередъ по пути къ свободѣ.

Не безвластная Дума при чиновничьемъ правительствѣ сможетъ выполнить всѣ требованія народа, а только полновластное Учредительное Собраніе, избранное на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права безъ различія вѣры, національности и пола.

Добиваться передачи всей власти этому Учредительному Собранію—такова первая обязанность всѣхъ гражданъ въ настоящее время, и мы, депутаты-рабочіе, будемъ энергично стремиться къ тому, чтобы Дума подготовила созывъ такого Учредительнаго Собранія.

Вы же, товарищи-рабочіе, должны теперь же готовиться поддержать Думу въ ея столкновеніи съ правительствомъ и защищать свои интересы.

Сплачивайте свои ряды, разъясняйте несознательнымъ массамъ значеніе этого столкновенія Думы съ правительствомъ, организуйтесь и объединяйтесь, собирайте силы—онѣ пригодятся.

Но, организуясь и объединяясь, не поддавайтесь ни на чьи провокаціи и безъ нужды не вызывайте разрозненныхъ столкновеній съ властями. Безъ нужды не давайте проливать пролетарской крови.

Въ настоящую минуту необходимѣе всего, чтобы вся Россія отъ мала до велика сказала свое мнѣніе о столкновеніи между Думой и правительствомъ.

Высказывайте же свое искреннее мнѣніе, товарищи-рабочіе, пишите постановленія и приговоры на сходкахъ и собраніяхъ и присылайте ихъ вашимъ депутатамъ. Это будетъ служить опорой намъ, рабочимъ-депутатамъ, въ нашей борьбѣ съ правительствомъ, которое ничего не хочетъ дать крестьянамъ и рабочимъ.

Да здравствуетъ единеніе рабочаго класса, да здравствуетъ власть и свобода народа.

С.-Петербургъ, 18 мая 1906 г.

Члены Государственной Думы:

И. Савельевъ (Москва). *Б. Диденко* (Харьковъ). *М. Михайличенко* (Екатеринославъ). *А. Смирновъ* (Кострома). *В. Роговъ* (Пенза). *З. Выровой* (Кіевъ). *В. Лебедевъ* (Владиміръ). *П. Ершовъ* (Казань). *В. Гурюковъ* (Моск. уѣзда). *И. Антиповъ* (Пермской губ.). *Н. Жигиль* (Полт. губ.). *Л. Остроносовъ* (Черниговской губ.). *В. А. Ильинъ* (Херс. губ.). *Вл. С. Мироновъ* (Тамб. губ.).

Обращеніе это сыграло роль магнита, съ поразительной силой притянувшаго рабочую массу къ ея депутатамъ въ Думѣ. Стоило появиться обращенію—и со всѣхъ концовъ Россіи потянулись телеграммы, наказы, резолюціи, письма. Рабочіе столицъ и крупныхъ городовъ, фабричныхъ поселковъ и уѣздныхъ захолустій поспѣшили откликнуться на призывъ депутатовъ: резолюціи и наказы шлютъ Петербургъ и Ташкентъ, Ялта и Сибирь, Москва и Козьмодемьянскъ, Симбирскъ и Баку [1]); рабочіе крупныхъ фабрикъ и мелкихъ мастерскихъ, чернорабочіе, рабочіе, организованные въ профессіональные союзы, ремесленные подмастерья,

[1]) Приводимъ наудачу перечень нѣсколькихъ пунктовъ: Армавиръ, Клинцы (Черн. губ.), Барнаулъ, Одесса, Таганрогъ, Ѳеодосія, Константиновка, Орскъ (Орловск. губ.), Полтава, Юзовка, Николаевъ, Иваново-Вознесенскъ, Боровичи, Харьковъ, Керчь, Моршанскъ, Симферополь, Бахмутъ, Сарапулъ, Камышинъ, Бѣлгородъ, Царицынъ, Кривой Рогъ, Каменецъ-Подольскъ, Кіевъ, Звѣрево, Балашевъ, Звегинскій затонъ (Казан. губ., Чебоксар. уѣздъ), Радица (Орлов. губ.), Игня (Черн. губ.), Архангельскъ, Азовъ, Балта, Кишиневъ, Петрозаводскъ, Надеждинскій заводъ (Пермск. губ.) и т. д., и т. д.

чернорабочіе, драгили и грузчики,—всѣ заявляютъ о своихъ требованіяхъ и о готовности поддержать рабочихъ депутатовъ; подъ резолюціями значатся подписи и десятками, и сотнями, и тысячами.

Даже бѣглый просмотръ этихъ многочисленныхъ резолюцій показываетъ, что рабочая масса не только оцѣнила, но и правильно поняла обращеніе къ ней депутатовъ. Симбирскіе рабочіе привѣтствуютъ „товарищей, открыто и смѣло заявившихъ о требованіяхъ страны, протягиваютъ имъ руку братской помощи и заявляютъ, что они также понимаютъ всю важность организаціи революціи, всю необходимость единодушнаго и единовременнаго выступленія противъ самодержавнаго правительства". Рабочіе Рутченскаго горнопромышленнаго общества привѣтствуютъ депутатовъ, „какъ первыхъ членовъ Думы, выступившихъ на правильный путь: разрывая сношенія съ правительствомъ, вы обратились непосредственно къ рабочему классу за его поддержкой". Рабочіе Жилевскаго, Павловскаго, Орловскаго рудниковъ, привѣтствуя, съ своей стороны, обращеніе депутатовъ, какъ „первый шагъ къ тѣмъ, представителями которыхъ" они являются, пишутъ: „Вамъ должно быть теперь ясно, что ваше дѣло—не переговоры съ шайкой горемычныхъ башибузуковъ, а широкая созидательная работа для тѣснаго сплоченія рядовъ освободительной арміи, проясненія народу его интересовъ, задачъ и тѣхъ способовъ, которыми онъ долженъ бороться за власть и свободу народа. Въ день 13 мая вы, товарищи, стали въ первый разъ на правильный путь: давши рѣшительный отпоръ зарвавшемуся правительству, вы обратились къ намъ съ товарищескимъ призывомъ организоваться и разъяснять рабочимъ массамъ значеніе и задачи думской дѣятельности. И знайте, что каждое рѣшительное дѣйствіе ваше, направленное на организацію освободительныхъ силъ и выясненіе истиннаго положенія дѣлъ, найдетъ самую сильную поддержку въ насъ". Юзовскіе рабочіе находятъ, что депутаты вступили „на правильный путь въ своей борьбѣ съ правительствомъ, на путь обращенія къ рабочему классу". „Зовите же, товарищи,—пишутъ одесскіе рабочіе печатнаго дѣла,—на славную борьбу рабочій классъ, зовите его къ организаціи своихъ силъ для грядущей тяжелой борьбы. Зовите—къ вамъ обращены взоры всего рабочаго класса. Вѣрьте, къ вашему голосу пролетаріатъ не останется глухъ". Пролетарскіе профессіональные союзы Симферополя заявляютъ: „вся сила, все значеніе Думы—въ борьбѣ за свободу народа во главѣ народа; вы, товарищи, представители наиболѣе угнетеннаго класса, смѣло и энергично боритесь за свободу, мы привѣтствуемъ вашу борьбу и отказъ подписать адресъ Думы, не полно выражающій нужды народа".

Большинство наказовъ, впрочемъ, останавливаясь болѣе подробно на изложеніи требованій, ограничивается тѣмъ, что вы-

ражаетъ свою солидарность съ депутатами; нѣкоторые въ немногихъ, но простыхъ и сильныхъ словахъ обнаруживаютъ истинно товарищеское отношеніе и привязанность къ депутатамъ. „Почаще, товарищи,—пишутъ рабочіе Дружковскаго и Горловскаго заводовъ,—обращайтесь къ намъ съ воззваніями; мы ихъ распространяемъ въ самыхъ широкихъ массахъ; тамъ уже нѣтъ ни одного человѣка, который не понималъ бы ихъ". „Теперь, товарищи депутаты,—заканчивается другой наказъ,—мы шлемъ всѣмъ вамъ привѣтъ изъ глубины души, и да будетъ охраной вамъ крестъ страдальца, распятаго за народъ". До чего сильно должно было подѣйствовать, въ особенности, на сѣрыя рабочія массы обращеніе депутатовъ, показываетъ укоръ, посланный депутату Аладьину (труд. группы) грузчиками-крестьянами села Сары, Алатырскаго уѣзда: „Мы читали,—пишутъ они,—обращеніе рабочихъ-депутатовъ Думы къ рабочему народу Россіи. Почему крестьянскіе депутаты не говорятъ съ пославшими ихъ? Крестьяне должны сейчасъ итти рука объ руку съ рабочими. Ихъ депутаты тоже. Мы разсчитываемъ на свои да на рабочія силы". Этотъ укоръ трудовой группѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтъ рабочимъ депутатамъ. Крестьяне-грузчики, не дождавшись слова своихъ депутатовъ, оцѣнили обращеніе депутатовъ-рабочихъ. Депутаты должны „говорить съ пославшими ихъ",—такъ толкуетъ на первыхъ порахъ связь депутатовъ съ рабочими сѣрая масса. Разъяснять рабочимъ значеніе и задачи думской дѣятельности, обращаться къ нимъ съ товарищескимъ призывомъ организоваться, заставить Думу бороться за свободу народа во главѣ народа, обращаться къ рабочему классу за „поддержкой тѣхъ требованій, которыя уже давно выставилъ пролетаріатъ въ своей кровавой борьбѣ съ самодержавіемъ" [1])—такъ смотритъ рабочая масса на задачи рабочихъ депутатовъ.

„Въ настоящую минуту необходимѣе всего,—писали въ своемъ обращеніи „Ко всѣмъ рабочимъ Россіи" депутаты-рабочіе, чтобы вся Россія отъ мала до велика сказала свое мнѣніе о столкновеніи между Думой и правительствомъ". Въ отвѣтъ на это подавляющее большинство резолюцій въ той или иной формѣ выражаетъ готовность поддержать Думу въ ея столкновеніяхъ съ правительствомъ и, въ частности, требуетъ замѣны самовластнаго министерства министерствомъ большинства Думы. „Признавая, пишутъ харьковскіе рабочіе паровозныхъ мастерскихъ и депо К.-Х.-Севаст. ж. д.,—что Г. Д. заняла видное мѣсто въ ходѣ русской революціи и что ея борьба съ царскимъ правительствомъ имѣетъ агитаціонно-организующее значеніе для всего русскаго народа, мы заявляемъ, что будемъ поддерживать Думу во всѣхъ

[1]) Изъ наказа рабочихъ Нижне-Тагильскаго мѣднаго рудника.

ея шагахъ, направленныхъ къ ослабленію и разрушенію самодержавно-бюрократическаго строя". Рабочіе кожевеннаго завода въ Таганрогѣ, одобряя требованіе Думой „отставки недостойнаго министерства", требуютъ, однако, „болѣе смѣлой и рѣшительной борьбы за народныя права и свободу". Группа рабочихъ г. Моршанска пишетъ: „Товарищи! Вы ждете, чтобы Россія отъ мала до велика сказала свое мнѣніе о столкновеніи между Думой и правительствомъ. Вы говорите, что это будетъ служить опорой вамъ. Уже одно то, что въ Думу, сквозь строй полиціи и чиновниковъ, прошли рабочіе, уже одно это говоритъ, что великое дѣло освобожденія Россіи отъ самодержавнаго правительства близко къ желанному концу". Рабочіе пос. Клинцы, собравшись на митингъ въ количествѣ 3 т. чел. заявляютъ, что „рѣшительно поддерживаютъ Думу въ ея столкновеніяхъ съ правительствомъ, направленныхъ къ защитѣ правъ, свободы, всѣхъ нуждъ трудящихся массъ". Въ частности, требованіе отвѣтственнаго министерства повторяется едва ли не въ каждой резолюціи; нѣкоторые цѣликомъ принимаютъ соотвѣтствующую часть резолюціи Х. К., другіе снабжаютъ это требованіе своей мотивировкой. Каменецъ-Подольскіе рабочіе смотрятъ на „замѣну нынѣшняго министерства министерствомъ изъ большинства Думы", какъ на „одно изъ средствъ способствующихъ созыву Учред. Собранія" Рабочіе Харьковскаго сахаро-рафинаднаго завода требуютъ „немедленнаго смѣщенія реакціоннаго кабинета министровъ и всѣхъ его провинціальныхъ слугъ и преданія ихъ народному суду съ присяжными засѣдателями". Рабочіе Чулковскаго, Провидавскаго, Прохоровскаго и Сорочинскаго рудниковъ находятъ, что нынѣшнее министерство должно быть замѣнено министерствомъ, „избраннымъ изъ всѣхъ представителей народа, засѣдающихъ въ Государственной Думѣ". Мысль объ избраніи Думой министровъ, какъ и объ объявленіи правительства внѣ закона, высказывается въ нѣсколькихъ резолюціяхъ.

Требованія, выставляемыя резолюціями, вполнѣ совпадаютъ съ требованіями, заявленными депутатами въ ихъ обращеніи къ рабочимъ. За самыми ничтожными исключеніями, всѣ резолюціи и наказы провозглашаютъ необходимость созыва Учред. Собранія; приводить какіе-либо характерные примѣры въ данномъ случаѣ излишне, потому что въ этомъ отношеніи всѣ резолюціи составлены въ обычныхъ выраженіяхъ и сопровождаются обычной мотивировкой. Отмѣтимъ лишь, что во многихъ резолюціяхъ указывается „на немедленное назначеніе срока созыва Учред. Собранія" [1]), а рабочіе Франц. судостр. завода въ Нико-

[1]) Наказъ, рабочихъ Харьк. сахаро-раф. завода, кожевеннаго завода въ Таганрогѣ, рабочіе г. Барнаула, рабочіе Хилковскаго, Полтавскаго и др. рудниковъ и пр.

лаевѣ опредѣленно заявляютъ, что добиваются Учред. Собранія, „которое закрѣпитъ демократическую республику, 8-ми час. рабочій день, законодательную охрану труда, и расчиститъ путь для дальнѣйшей борьбы за полное уничтоженіе капиталистическаго гнета“. Прочія требованія резолюціи заключаются: въ немедленной отмѣнѣ смертной казни, полной амнистіи, установленіи всѣхъ гражданскихъ свободъ, отмѣнѣ всѣхъ исключительныхъ законовъ, и т. д., наравнѣ съ требованіемъ 8-мичас. раб. дня и передачи земли народу, о чемъ, впрочемъ, упоминается далеко не во всѣхъ наказахъ. Мысль пролетаріата, судя по резолюціямъ. сосредоточена, главнымъ образомъ, на борьбѣ Думы съ правительствомъ, въ этой борьбѣ онъ становится рѣшительно на сторону Думы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъявляетъ къ ней требованія, которыя онъ всегда несъ на своемъ революціонномъ знамени. Поэтому, откуда бы ни исходила резолюція, въ какихъ бы выраженіяхъ она ни была составлена, она необходимо заключаетъ въ себѣ главнѣйшее требованіе: установленіе свободъ, амнистію и созывъ Учред. Собранія, которое, обладая всею полнотою власти, разрѣшитъ политическіе и соціальные вопросы въ интересахъ рабочаго класса и крестьянства. Дума должна вести борьбу съ правительствомъ, добиваться созыва Учред. Собранія—и только въ такомъ случаѣ можетъ она разсчитывать на активную поддержку пролетаріата.

Среди этихъ резолюцій, отражающихъ всю напряженность политической борьбы, выдѣляются другого рода обращенія рабочихъ къ депутатамъ. Въ нихъ почти не говорится или говорится лишь бѣгло о задачахъ политическаго момента; содержаніе ихъ заключается въ изложеніи профессіональныхъ, экономическихъ нуждъ рабочаго класса, тяжестей повседневной его экономической борьбы. Рабочіе обращаются къ своимъ депутатамъ не только съ готовностью поддержать ихъ въ борьбѣ за свободу, они сами идутъ за поддержкой, ищутъ помощи и защиты отъ наглости капитала, снова почуявшаго за своею спиною силу реакціоннаго правительства. Депутаты, по взгляду рабочей массы, — это естественные представители пролетаріата, которые должны быть всегда на-стражѣ его интересовъ, какъ политическихъ, такъ и экономическихъ. Для наиболѣе отсталой массы послѣдняго рода интересы пріобрѣтаютъ преимущественное значеніе, ихъ она познаетъ прежде всего, въ борьбѣ за нихъ она возвышается до пониманія широкихъ политическихъ, классовыхъ интересовъ. Неудивительно, что съ экономическими нуждами идутъ къ депутатамъ болѣе отсталые слои рабочихъ; обращеніе депутатовъ ко всѣмъ рабочимъ, рѣчи ихъ въ Думѣ дошли въ самыхъ глубинѣ рабочаго класса—и здѣсь, прежде всего, были поняты, какъ сила, которая должна оказать поддержку въ экономической борьбѣ. Мы уже

говорили, что на почвѣ непосредственныхъ профессіонально-экономическихъ нуждъ возникла связь между депутатами и рабочей массой, избиравшей ихъ. Для однихъ эта связь окрѣпла и развилась въ болѣе глубокую связь на почвѣ политической и классовой борьбы, для другихъ она осталась въ прежнемъ видѣ или еще только зарождалась.

Въ Архангельскѣ забастовали 15 лѣсопиленъ, землечерпательный караванъ и другія предпріятія; около 50 иностранныхъ судовъ, пришедшихъ за лѣсомъ, стоятъ ненагруженными; предприниматели отказываются удовлетворить требованія рабочихъ, но забастовавшіе стойко держатся въ надеждѣ на поддержку рабочихъ депутатовъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ землечерпательнаго каравана въ Архангельскѣ обращается къ д. Михайличенко: „Товарищъ! Скажи имъ (министрамъ), что здѣсь, въ Архангельскѣ, изъ 30 тыс. жителей бастуетъ 11 тыс. Бастуетъ потому, что, благодаря произволу и насилію, они сидятъ съ семьями голодные, ютятся въ грязныхъ лачугахъ. Они отказались отъ непосильной работы за грошовую плату и всѣ, какъ одинъ, оставили работу... Скажи ты, если они сами этого не понимаютъ, что голодные, измученные борцы страшны будутъ произволу. Имъ вѣдь терять нечего—они уже и сейчасъ готовы на все. Скажи имъ, чтобы намъ дали немножко больше свѣта и хлѣба. Дай имъ, товарищъ, практическій совѣтъ, что съ огнемъ шутить опасно!"—Рабочіе Нижне-Сергинскаго завода съ октября 1905 г. по апрѣль 1906 г. работали по 8 часовъ; это завоеваніе октябрьскихъ дней было отнято у рабочихъ и правленіе товарищества потребовало, чтобы рабочіе возвратились къ 9-тич. раб. дню и въ понужденіе закрыло цехъ,—рабочіе завода обращаются къ депутатамъ съ просьбой „разобрать наше дѣло и дать намъ совѣтъ, какъ намъ поступить далѣе".—Вагоновожатые и кондуктора Кіевской городской дороги забастовали, предъявивъ рядъ экономическихъ требованій. По распоряженію мѣстнаго сатрапа, забастовавшихъ замѣнили на трамвaѣ саперы — рабочіе просятъ депутатовъ „съ высоты думской трибуны предъ пролетаріатомъ всей Россіи энергично протестовать противъ незаконнаго вмѣшательства грубой силы въ борьбу труда съ капиталомъ".—Въ Телавскомъ уѣздѣ забастовали удѣльные рабочіе и крестьяне, требуя прибавки жалованья и увеличенія поденной платы; были вызваны казаки и солдаты, первые принялись избивать забастовавшихъ, вторые выселять ихъ изъ квартиръ, — „просимъ поддержки", телеграфируютъ рабочіе своимъ депутатамъ.—Уполномоченные трояновскаго общества просятъ защиты отъ произвола и насилія полиціи, которая арестовываетъ одиночкомъ забастовавшихъ крестьянъ, принуждая работать за низкую плату въ экономіи Окулича. Рабочіе Ташкентскихъ мастерскихъ Средне-

Азіатской дороги прибѣгаютъ къ содѣйствію депутатовъ, обращая ихъ вниманіе на дѣйствія начальника дороги, выбрасывавшаго на улицу всѣхъ рабочихъ за то, что кто-то изъ нихъ набросилъ мѣшокъ на голову начальника мастерской. Моряки Каспійскаго коммерческаго флота просятъ сдѣлать въ Думѣ запросъ по поводу незаконнаго закрытія бакинскимъ генералъ-губернаторомъ „союза каспійскихъ моряковъ“, и т. д.

Таковы нѣсколько примѣровъ — приводить ихъ больше нѣтъ, конечно, никакой нужды. Съ каждымъ днемъ все росла и крѣпла связь между рабочими и депутатами и при томъ въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выборы произведены были болѣе сознательно и гдѣ депутатъ сразу былъ облеченъ должнымъ довѣріемъ. Въ этомъ отношеніи выдѣляется Донецкій горнозаводскій районъ, съ самаго начала связавшій себя крѣпкими узами со своимъ депутатомъ. Мы видѣли въ первой главѣ, что въ Донецкомъ бассейнѣ, въ противоположность другимъ мѣстамъ Россіи, за исключеніемъ Кавказа и Сибири, выборы наиболѣе приближались къ нормальному типу. Изъ Донецкаго бассейна чаще всего получаются Михайличенко наказы и резолюціи; рабочіе рудниковъ и заводовъ считаютъ нужнымъ откликнуться на политическую злобу дня, они посылаютъ къ своему депутату ходоковъ, которые должны ему лично передать резолюціи, покрытыя тысячами подписей. А когда лѣтомъ районъ охватывается забастовкой, рабочіе обращаются къ Михайличенко за совѣтомъ, спрашиваютъ у него, какъ имъ поступить, и едва ли многіе знаютъ, что кровавыя столкновенія часто предупреждались телеграммой Михайличенко, убѣждавшаго товарищей воздержаться отъ выступленій.

И такое дѣйствіе оказало обращеніе рабочихъ депутатовъ не только въ Донецкомъ бассейнѣ. Мы видѣли, что отклики на него получались изъ разныхъ мѣстъ, отъ разныхъ категорій рабочихъ по разнымъ поводамъ и случаямъ; на нихъ лежала печать какъ высокаго политическаго пониманія, такъ и едва пробуждающейся политической мысли, они исходили, какъ отъ организованныхъ рабочихъ, такъ и отъ среднихъ и отсталыхъ слоевъ рабочаго класса. Если организованные рабочіе, въ особенности та часть ихъ, которая бойкотировала выборы и потому относилась съ недовѣріемъ къ Думѣ и рабочимъ депутатамъ, должны были подъ вліяніемъ „обращенія“ снова возвратиться къ оцѣнкѣ роли и значенія Думы, то для широкой рабочей массы оно должно было послужить тѣмъ толчкомъ, который заставляетъ работать мысль и приковываетъ вниманіе къ крупнымъ политическимъ вопросамъ. Эта масса вѣрила въ Думу и надѣялась на нее, она ждала, что Дума облегчитъ ея тяжелую жизнь и принесетъ ей свободу; въ рабочихъ депутатахъ она видѣла своихъ представителей, которые должны отстаивать ея интересы въ Думѣ. Обращеніе депутатовъ,

авторитетное въ глазахъ массы, показало, что эта вѣра и эти надежды преувеличены, что Дума сама по себѣ безсильна, что борьба, которая велась раньше и въ которой масса всегда принимала участіе, должна продолжаться, что „дѣло народное сможетъ побѣдить лишь въ томъ случаѣ, если весь народъ рѣшительно вмѣшается въ ту борьбу, которая началась въ Думѣ“. И мысль рабочей массы, вращаясь вокругъ столкновенія Думы съ правительствомъ, заработала надъ основнымъ вопросомъ русской революціи. Она увидѣла, что безъ поддержки рабочаго класса безсильны рабочіе депутаты, какъ безсильна Дума безъ поддержки народа, что призывъ рабочихъ депутатовъ, обращенный къ ней — „сплачивайте свои ряды, организуйтесь и объединяйтесь, собирайте силы“, — есть то очередное дѣло, за которое она должна приняться.

Обращеніе рабочихъ депутатовъ — это не одна изъ тысячи резолюцій, которая должна была послужить образцомъ для новой тысячи резолюцій; будучи таковой, оно не оставило бы послѣ себя иного слѣда, кромѣ вороха исписанной бумаги, и не привело бы къ инымъ результатамъ, кромѣ новой полосы митинговъ и собраній. Пріуроченное къ первому столкновенію Думы съ правительствомъ, сразу и ярко обнаружившему безпомощность Думы, брошенное на почву, насыщенную напряженнымъ интересомъ къ Думѣ, разсчитанное на классовую солидарность, уже существовавшую между рабочими депутатами и широкими слоями рабочаго класса, связывая классовые интересы пролетаріата съ общенародными интересами и общенародной борьбой за свободу, оно перебрасывало мостъ между рабочими депутатами и рабочимъ классомъ и залагало основы организаціи рабочаго класса вокругъ его представительства въ Думѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно какъ бы подводило итогъ той эволюціи, которую совершили рабочіе депутаты въ Думѣ и которую претерпѣло отношеніе къ Думѣ пролетаріата. Если непродолжительный опытъ думской работы долженъ былъ показать, что выдѣленіе рабочихъ депутатовъ въ особую группу необходимо, какъ въ интересахъ самостоятельнаго классоваго представительства пролетаріата, такъ и въ интересахъ широкой классовой его организаціи, если общеніе съ петербургскими рабочими должно было установить связь между рабочими депутатами и организованнымъ пролетаріатомъ, то обращеніе депутатовъ ко всѣмъ рабочимъ Россіи убѣждало, что такая связь можетъ быть установлена и между всею рабочею массою, а стало быть вполнѣ реальнымъ становилось и самостоятельное классовое представительство пролетаріата въ Думѣ и широкая его классовая организація.

III.

Организація рабочей группы и фракціи.

Дѣятельность с.-д. фракціи въ Думѣ и внѣ Думы будетъ подробно изложена дальше. Здѣсь намъ остается сказать нѣсколько словъ объ организаціи рабочей группы и фракціи.

Оставаясь еще въ составѣ трудовой группы, рабочіе депутаты объединились въ отдѣльную рабочую группу, въ которую вошли депутаты, подписавшіе обращеніе „Ко всѣмъ рабочимъ Россіи". Група выдѣляла изъ себя комитетъ, который являлся ея исполнительнымъ органомъ. Общія собранія группы посвящались текущимъ думскимъ работамъ, но, главнымъ образомъ, вниманіе ихъ было обращено на формы общенія съ петербургскимъ пролетаріатомъ,—посѣщеніе собраній, митинговъ, массовокъ и т. д. Въ это же время было положено начало постояннымъ совѣщаніямъ (конференціи) депутатовъ съ представителями петербургскихъ рабочихъ.

Со вступленіемъ въ Думу кавказскихъ депутатовъ настала возможность превращенія группы въ соціалдемократическую партійную организацію, такъ какъ объединительный съѣздъ партіи призналъ желательнымъ образованіе фракціи „при наличности с.-д. депутатовъ, работающихъ въ партійной организаціи и подчиняющихся ея указаніямъ". Послѣ предварительныхъ совѣщаній Ц. К. съ депутатами фракція была организована. Резолюція Ц. К., сопровождавшая уставъ фракціи, была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Принимая во вниманіе: 1) что постановленіемъ партійнаго съѣзда Ц. К. предоставлено образованіе официальной фракціи въ Государственной Думѣ;

2) что въ результатѣ выборовъ на Кавказѣ въ Государственную Думу вступили члены партіи, выбранные въ качествѣ ея партійныхъ кандидатовъ, а съ другой стороны, въ Думѣ имѣются рабочіе и крестьянскіе депутаты, желающіе работать въ рядахъ партіи и подъ ея руководствомъ;

3) что все учащающіяся обращенія городского и сельскаго пролетаріата къ Государственной Думѣ по различнымъ вопросамъ его политической и экономической борьбы указываютъ на то, что пролетаріатъ ощущаетъ потребность имѣть въ этомъ учрежденіи свое классовое представительство;

4) что, такимъ образомъ, условія настоящаго момента дѣлаютъ возможнымъ и необходимымъ открытое и официальное выступленіе соціалдемократическихъ представителей въ государственной Думѣ.

Ц. К., по совѣщанію съ депутатами—членами партіи, постановляетъ: образовать официальную фракцію партіи въ Государственной Думѣ на нижеперечисленныхъ основаніяхъ.

Уставъ организаціи фракціи Р. С.-Д. Р. П. въ Государственной Думѣ. 1) Партійная фракція въ Государственной Думѣ дѣйствуетъ, какъ официальный органъ партіи, въ согласіи съ рѣшеніями партійныхъ съѣздовъ и подъ постояннымъ руководствомъ и контролемъ ея центральныхъ учрежденій.

2) Въ составъ партійной фракціи входятъ:

a) Всѣ соціалдемократы, выбранные въ Думу въ качествѣ партійныхъ кандидатовъ въ согласіи съ рѣшеніемъ партійнаго съѣзда.

в) Тѣ депутаты изъ числа выбранныхъ до партійнаго съѣзда, которые, признавая партійную программу и тактическія рѣшенія съѣздовъ, согласны дѣйствовать въ Думѣ, какъ отвѣтственные представители партіи, подъ руководствомъ центральныхъ учрежденій.

Примѣч. Членомъ фракціи не можетъ состоять депутатъ, съ которымъ въ вопросѣ объ его вступленіи въ партію и ея фракцію не согласны избиратели.

c) О принятіи новыхъ членовъ рѣшаетъ фракція.

d) Во всѣхъ своихъ выступленіяхъ фракція дѣйствуетъ, какъ одно цѣлое, причемъ меньшинство подчиняется большинству. Въ случаѣ же, если меньшинство фракціи опротестовываетъ постановленіе фракціи, какъ не согласное съ тактическими директивами партіи, или съ ея программой, протестъ разсматривается Ц. К. и его рѣшенія являются обязательными для всей фракціи.

e) Дѣлами фракціи завѣдуетъ ея комитетъ, которому предоставляется во всѣхъ не терпящихъ отлагательства случаяхъ принимать обязательныя для всей фракціи рѣшенія, представляя ихъ на послѣдующее утвержденіе фракціи и Ц. К.

Во фракцію вошли депутаты: Ершовъ (Казань), Ильинъ (Николаевъ), Михайличенко (Екатериносл. губ.), Медвѣдевъ (Воронежъ), Рамишвили (Кутаисская губ.), Джапаридзе (Кутаис. губ.), Церетели (Тифлис. губ.), Чурюковъ (Московск. губ.), Савельевъ (Москва), Выровой (Кіевск. губ.), Диденко (Харьков. губ.), Смирновъ (Кострома), Жорданія (Тифлисъ), Антоновъ (Пермск. губ.), Шуваловъ (Самарская губ.), Гамартели (Кутаис. губ.). Впослѣдствіи къ нимъ присоединились Ишерскій (Акмолинская область) и Роговъ (Пензенск. губ.).

Комитетъ фракціи состоялъ изъ 5 депутатовъ; засѣданія его, на которыхъ обсуждались всѣ текущія дѣла, происходили ежедневно. Фракція въ цѣломъ ея составѣ собиралась обыкновенно 2—3 раза въ недѣлю, временами и чаще. На общихъ собраніяхъ, при участіи представителей центральныхъ учрежденій партіи,

обсуждалось все, что входило въ кругъ дѣятельности фракціи: выступленія ея въ Думѣ, работа внѣ Думы, организаціонные вопросы и т. д.

При фракціи состояли: секретаріатъ и юридическая комиссія.

Секретаріатъ, въ составѣ шести приглашенныхъ комитетомъ фракціи товарищей, велъ, совмѣстно съ комитетомъ, текущія дѣла фракціи: отвѣчалъ на запросы, поступавшіе во фракцію, разсматривалъ получавшіеся въ громадномъ количествѣ телеграммы, наказы, письма, подготовлялъ для работъ фракціи необходимые матеріалы, принималъ посѣтителей и т. д. Секретаріатомъ предпринято было собираніе свѣдѣній о безработныхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи, для предполагавшагося запроса фракціи въ Думѣ. Особо важную задачу секретаріата составляло возможное урегулированіе общенія фракціи съ рабочими. Съ этой цѣлью установлены были два раза въ день пріемные часы, въ теченіе которыхъ всѣмъ посѣтителямъ, главнымъ образомъ рабочимъ, не всегда имѣвшимъ возможность лично бесѣдовать съ депутатами, давались всѣ необходимыя разъясненія и свѣдѣнія; предполагались также періодическія сообщенія членовъ секретаріата на рабочихъ собраніяхъ о дѣятельности фракціи, ея задачахъ и т. д.

Юридическая комиссія состояла изъ семи товарищей юристовъ по образованію и отчасти практической дѣятельности; засѣданіе ея, кромѣ того, посѣщали нѣкоторые изъ членовъ фракціи. Комиссія подготовляла матеріалъ для выступленій фракціи въ Думѣ; обсуждала законопроекты, поступившіе въ Думу, составляла проекты, которые должны были вноситься фракціей; собирала матеріалъ и формулировала наиболѣе крупные запросы и т. д. Такъ, ею были разсмотрѣны законопроекты о свободѣ совѣсти, союзовъ, собраній, о неприкосновенности личности; подготовлялись запросы по поводу дѣла Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, о репрессіяхъ по отношенію къ безработнымъ, о незаконномъ задержаніи на службѣ нижнихъ чиновъ арміи и флота, окончившихъ срокъ службы, и нѣкоторые другіе. Результаты работъ комиссіи обыкновенно докладывались однимъ изъ ея членовъ общему собранію фракціи. Въ виду разгона Думы, фракціи, однако, не удалось сколько-нибудь замѣтно использовать работы комиссіи.

Такова въ нѣсколькихъ словахъ основа организаціи думской фракціи. Она, конечно, была далека отъ совершенства. Но не слѣдуетъ забывать, что всего-то фракція просуществовала три недѣли, а за столь короткое время и въ столь новой и сложной области создать стройную организацію было, конечно, болѣе, чѣмъ трудно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Соціалдемократическая фракція въ Думѣ.

А) Декларація.

I.

Представители рабочихъ рѣшили выступить въ Думѣ въ качествѣ особой, самостоятельной фракціи (группы) подъ знаменемъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Необходимость образованія особой фракціи диктовалась соціалдемократамъ ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ положить всѣ свои силы на службу рабочему классу.

Естественно, что первой задачей вновь образовавшейся фракціи стало объяснить народу, и прежде всего, рабочимъ тѣ причины, которыя заставили представителей пролетаріата выдѣлиться изъ всѣхъ другихъ думскихъ группъ и встать подъ знамя соціалдемократіи. Нужно было объяснить: почему представители рабочихъ въ Думѣ должны организоваться особо отъ представителей другихъ классовъ—тоже угнетенныхъ и страдающихъ?

Почему такое выдѣленіе не только не вредитъ дѣлу освобожденія страны отъ гнета самодержавія, а, наоборотъ, содѣйствуетъ наиболѣе полному уничтоженію политическаго гнета? Почему представители рабочихъ встаютъ подъ знамя соціалдемократіи?

Чего они будутъ добиваться? Какъ смотрятъ они на задачи Государственной Думы? Какъ относятся къ другимъ думскимъ фракціямъ? Какъ думаютъ они служить своею дѣятельностью въ Думѣ дѣлу народнаго освобожденія и дѣлу пролетаріата?

На всѣ эти вопросы нужно было дать отвѣтъ, и съ перваго же дня своего образованія фракція приступила къ выработкѣ „деклараціи“ (извѣщенія). 16-го іюня эта декларація была прочитана съ думской трибуны (при обсужденіи законопроекта о собраніяхъ). Она была прочитана въ Думѣ, но обращалась не столько къ членамъ Думы, сколько — черезъ ихъ голову — къ народу.

Вотъ текстъ этой декларацiи:

Декларацiя Думской фракцiи [1]—Россiйской Соцiалдемократической Рабочей Партiи.

Въ дѣлѣ освобожденiя Россiи отъ политическаго рабства и отъ безграничнаго произвола чиновниковъ, угнетающихъ и разоряющихъ страну, равно заинтересованы *всѣ классы* населенiя, изнемогающiе подъ игомъ самодержавiя. Ненависть къ нынѣшнему государственному порядку объединяетъ подавляющее большинство населенiя, безъ различiя классовъ, вѣры и нацiональности. И въ этой *общенародной борьбѣ* противъ всенародныхъ поработителей и угнетателей *впереди* всѣхъ другихъ классовъ идетъ *пролетарiатъ*, раньше всѣхъ поднявшiй знамя возстанiя за право и свободу и болѣе всѣхъ другихъ классовъ принесшiй жертвъ дѣлу освобожденiя родины.

Сознавая свою солидарность съ тѣми стремленiями другихъ классовъ, которыя направлены къ достиженiю политической свободы и равенства, *рабочiй классъ не можетъ*, однако *слиться съ другими классами* въ одну нераздѣльную армiю, не можетъ по той причинѣ, что городскiя и сельскiя рабочiя массы страдаютъ не только отъ *политическаго* рабства, но и отъ *экономическаго*; не только отъ произвола *нынѣшней власти*, но и отъ господства и эксплуатацiи *капиталистовъ и землевладѣльцевъ*.

Благодаря *враждебной противоположности интересовъ буржуазiи и рабочаго класса*, первая неизбѣжно стремится къ тому, чтобы при переживаемомъ Россiей демократическомъ переворотѣ были урѣзаны, по возможности, политическiя права неимущихъ, и тѣмъ самымъ была стѣснена ихъ борьба за собственные интересы. Между тѣмъ рабочiй классъ нуждается *въ самой широкой и неограниченной свободѣ*, необходимой ему для борьбы, какъ за свои *насущные повседневные интересы*, такъ и за свое *полное освобожденiе отъ ига капитала*. Поэтому слiянiе рабочаго класса съ эксплуататорскими классами и съ другими слоями, хотя и угнетенными, но поставленными въ другое положенiе, не только ослабило бы борьбу рабочаго класса за неограниченную политическую свободу, но и сдѣлало бы невозможной борьбу пролетарiата за конечную цѣль—*соцiализмъ*.

Таковы соображенiя, которыя побуждаютъ пролетарiатъ организоваться въ *самостоятельную политическую партiю*. Эти же соображенiя обязываютъ представителей пролетарiата въ Государственной Думѣ образовать въ ней самостоятельную фракцiю

---

[1] Извлеченiе изъ отчета о засѣданiи Г. Д. 16 iюня.

(группу), выступающую подъ знаменемъ той *партіи, которая во всемъ мірѣ представляетъ классовое движеніе пролетаріата.*

Выступая въ Государственной Думѣ, какъ представители организованнаго въ соціалдемократическую партію пролетаріата, постоянно вскрывая противорѣчія между интересами различныхъ классовъ общества, мы будемъ отстаивать въ ней всѣ требованія, заключающіяся въ программѣ *Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.* Мы будемъ бороться за *полное народовластіе,* за *неограниченную свободу* слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, за *равенство* гражданъ и *неприкосновенность личности,* за *выборность всѣхъ чиновниковъ* народомъ. Мы будемъ требовать замѣны постоянной арміи *народной милиціей.* Для рабочаго класса мы будемъ требовать *8-ми часового рабочаго дня, увеличенія платы, уничтоженія штрафовъ* и т. д., для крестьянъ—*отчужденія безъ всякаго выкупа* всѣхъ удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ земель и передачи ихъ въ распоряженіе *органовъ мѣстнаго самоуправленія,* выбранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Для всѣхъ національностей, населяющихъ Россію, мы будемъ требовать *равноправія и свободы самоопредѣленія.*

Всѣ эти требованія обнимаютъ интересы подавляющаго большинства населенія, и поэтому, отстаивая ихъ, соціалдемократическая фракція будетъ бороться за свободу и благосостояніе *всѣхъ угнетенныхъ классовъ и націй,* населяющихъ Россію.

Органомъ, который можетъ осуществить эти требованія во всей полнотѣ, можетъ явиться не нынѣшняя Государственная Дума, а только *полновластное Учредительное Собраніе,* свободно избранное на основѣ *всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, безъ различія вѣры, пола и національности.* Только такое Учредительное Собраніе, опираясь на *революціонныя народныя массы* и имѣя въ своей средѣ многочисленное и вліятельное представительство городского и сельскаго пролетаріата, будетъ имѣть и силу, и охоту для проведенія въ жизнь коренныхъ преобразованій, необходимыхъ народу.

Въ то же время фракція признаетъ, что Государственная Дума является *центромъ общенароднаго движенія противъ полицейскаго самодержавія* въ настоящій моментъ, и ея побѣда надъ безотвѣтственными палачами и насильниками, терзающими Россію, можетъ явиться *этапомъ въ борьбѣ* народа *за Учредительное Собраніе.* Поэтому соціалдемократическая фракція будетъ *поддерживать всѣ усилія Государственной Думы подчинить себѣ исполнительную власть* и тѣмъ положить начало *переходу всей государственной власти въ руки народа.*

Но чтобы достигнуть этого и сыграть указанную роль, *Государственная Дума должна* въ своихъ столкновеніяхъ съ правитель-

ствомъ *искать поддержки у широкихъ народныхъ массъ* и *поддерживать эти массы въ ихъ организованныхъ выступленіяхъ* на борьбу за свободу и за свои экономическіе интересы. Пробнымъ камнемъ серіозности стремленій разныхъ партій къ народовластію мы будемъ поэтому считать ихъ готовность *содѣйствовать народнымъ массамъ въ дѣлѣ организаціи ихъ для планомѣрной борьбы* противъ экономическихъ и политическихъ угнетателей. И мы, представители пролетаріата въ Государственной Думѣ, будемъ настаивать на томъ, чтобы она пользовалась своимъ положеніемъ высшаго государственнаго учрежденія и своимъ авторитетомъ въ глазахъ народа для того, чтобы брать подъ свою защиту гражданъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ попытки къ организаціи и къ расширенію уступленныхъ имъ на бумагѣ правъ будутъ встрѣчать противодѣйствіе со стороны правительства. Мы будемъ требовать отъ Государственной Думы, чтобы она *помогала крестьянамъ* организовывать силы для борьбы за землю и волю; чтобы она *содѣйствовала пролетаріату* въ его попыткахъ выйти путемъ организованной борьбы изъ его нынѣшняго приниженнаго положенія; чтобы она *поддерживала требованія низшихъ чиновъ арміи, флота и казачьихъ войскъ* объ улучшеніи ихъ экономическаго и правового положенія, объ облегченіи условій и немедленномъ сокращеніи срока казарменной службы. Поскольку другія партіи проявятъ готовность итти этимъ путемъ, онѣ встрѣтятъ нашу поддержку.

Но самый рѣшительный отпоръ встрѣтятъ съ нашей стороны всякія попытки, отъ кого бы онѣ ни исходили, затушевать *непримиримую враждебность между интересами народа и старымъ порядкомъ*, и всю свою силу направимъ мы противъ всякихъ стремленій затормазить народное движеніе обманомъ бумажныхъ уступокъ, *ложью примиренія между хищниками реакціи и демократіей.*

Стремясь сдѣлать Государственную Думу однимъ изъ органовъ общенароднаго движенія, мы будемъ направлять всю нашу дѣятельность въ первомъ представительномъ учрежденіи Россіи къ тому, чтобы содѣйствовать дѣлу политическаго пробужденія самыхъ широкихъ массъ народа и ихъ сплоченію въ грозную революціонную силу. Возвышая свой голосъ въ Думѣ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, *будемъ обращаться къ народнымъ массамъ*, стремясь возбудить въ нихъ борьбу за народовластіе и стремленіе организоваться для этой борьбы. Наши предложенія, наша критика чужихъ предложеній, законопроектовъ и тактики другихъ партій, наши обличенія всѣхъ явныхъ враговъ народа и всѣхъ лицемѣрныхъ его друзей будутъ преслѣдовать цѣль *способствовать организаціи народнаго движенія, направленнаго къ переходу власти въ руки Учредительнаго Собранія*, подчиненнаго верховной волѣ

народа, и *содѣйствовать объединенію городскихъ и сельскихъ рабочихъ массъ въ самостоятельную классовую силу*, неуклонно идущую къ *соціализму*.

Вступая въ Государственную Думу въ качествѣ немногочисленной группы, мы знаемъ, что голоса неимущихъ будутъ слишкомъ слабо раздаваться въ стѣнахъ „перваго русскаго парламента". Но мы твердо увѣрены въ томъ, что наша работа въ Думѣ будетъ *поддержана всѣмъ рабочимъ классомъ*, и разсчитываемъ на поддержку *неимущаго крестьянства* и народныхъ массъ вообще.

II.

Итакъ, представительство рабочихъ въ Думѣ должно организоваться особо потому, что интересы рабочаго класса особы.

Прежде всего—интересы *экономическіе*. Кто, кромѣ наемнаго рабочаго, *кровно* заинтересованъ въ томъ, чтобы условія найма были возможно болѣе выгодны для рабочаго? Кто, кромѣ него, кровно заинтересованъ въ созданіи такихъ порядковъ, когда самая мысль о томъ, что *человѣка* можно *нанимать*, за деньги покупать его силы, его мышцы, его тѣло, его мозгъ, нервы, душу,—когда самая мысль объ этомъ будетъ казаться дикой, когда свободные, равные люди въ свободномъ сотрудничествѣ будутъ производить все, что имъ нужно, при помощи орудій, машинъ, земли, рудниковъ, фабрикъ, заводовъ, принадлежащихъ всему трудящемуся обществу? Кто, словомъ, кромѣ наемнаго рабочаго, уже теперь кровно заинтересованъ въ томъ, чтобы все общество было переустроено на *соціалистическихъ* началахъ?

Ужъ, конечно, не купцы, заводчики, фабриканты, помѣщики и прочіе эксплуататоры, живущіе трудомъ, выжимаемымъ изъ рабочихъ. Ну, а крестьяне? Когда-то такъ называемые „народники" увѣряли, будто крестьяне—„прирожденные соціалисты". Да и сейчасъ еще соціалисты-революціонеры призываютъ рабочихъ сбиться въ одну кучу съ крестьянствомъ и интеллигенціей по той причинѣ, что и крестьяне и интеллигенція тоже стоятъ за соціализмъ. Разумѣется, соціалисты-революціонеры вольны говоритъ *за* крестьянъ все, что имъ угодно. Но посмотримъ, что говорятъ на этотъ счетъ *сами* крестьяне.

Для этого заглянемъ въ программу думской „*трудовой группы*", которая была дѣйствительной представительницей крестьянъ-середняковъ. И что-же? Въ этой программѣ ни единымъ звукомъ не упоминается о необходимости положить конецъ наемному труду, бороться за соціализмъ. Оно и понятно. Во-первыхъ, часть крестьянъ сама нанимаетъ рабочихъ—поденщиковъ и батраковъ. А главное, пока крестьянинъ всѣ помыслы свои сосредоточиваетъ

на землѣ, онъ смотритъ на себя не какъ на наемнаго рабочаго, а какъ на *хозяина*; онъ надѣется завоевать себѣ человѣческую жизнь не уничтоженіемъ наемнаго труда, а расширеніемъ и укрѣпленіемъ земельной *собственности*, своего *хозяйства*. Какъ же можетъ онъ одновременно бороться за соціализмъ, который проповѣдуетъ, что милліоны трудящагося народа только тогда будутъ свободны, когда будетъ *уничтожена* частная *собственность* на землю и на всѣ средства производства, положенъ конецъ мелкимъ, одиночнымъ хозяйствамъ, и всѣ они слиты въ одно гигантское общественное хозяйство всего народа?

Правда, есть и сейчасъ много крестьянъ, которые дѣйствительно, борятся вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ за соціализмъ. Но это—„крестьяне“ только по названію. На самомъ дѣлѣ это просто *сельскіе наемные рабочіе*, не имѣющіе своего хозяйства или потерявшіе уже всякую надежду выбиться изъ нищеты собственнымъ хозяйствомъ.

Съ такими „крестьянами“, какъ и со всѣми сельскими рабочими, городскіе рабочіе, разумѣется, уже сейчасъ составляютъ одно тѣло и одну душу и дѣлаютъ одно общее дѣло, ведутъ одну общую борьбу.

Будетъ время, когда и теперешніе крестьяне - хозяева убѣдятся, что никакія „дополнительныя нарѣзки“, никакая конфискація помѣщичьихъ земель не спасетъ ихъ, въ *концѣ концовъ*, отъ крупнаго капитала, который будетъ опутывать ихъ долгами и заставитъ работать на себя. Но пока что, крестьянинъ-собственникъ, несомнѣнно, можетъ очень сильно улучшить свое положеніе, отобравъ у казны, удѣловъ, монастырей, помѣщиковъ отнятыя у народа земли, и потому, конечно, будетъ цѣпляться за собственность и не захочетъ и слышать ни о какомъ соціализмѣ.

И соціалдемократы, конечно, всѣми силами будутъ поддерживать это стремленіе крестьянъ вернуть себѣ землю. Рабочимъ выгодно лишить могущества и власти помѣщиковъ, чиновниковъ, поповъ и пр. Точно также имъ выгодно пріостановить быстрое разореніе крестьянъ и наплывъ въ города массы деревенскихъ работниковъ, сбивающихъ цѣны на рабочую силу.

Что-же касается „соціализаціи земли“, которую проповѣдуютъ соціалисты-революціонеры и за которую иногда стоятъ крестьяне-собственники, то у нея только и есть общаго съ соціализмомъ, что обманчивое названіе.

Сейчасъ огромное большинство желѣзныхъ дорогъ составляетъ собственность государства. Соціализмъ ли это? Спросите объ этомъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ; они разскажутъ вамъ, какъ этотъ государственный „соціализмъ“ деретъ съ нихъ семь шкуръ. Точно также ничего соціалистическаго не будетъ въ томъ, что вся земля перейдетъ въ собственность государства, въ которомъ

будетъ существовать капиталистическое производство и будетъ царить буржуазія. Это просто будетъ значить, что землей будетъ командовать цѣлая армія чиновниковъ, а сама земля будетъ попадать для обработки въ руки тѣхъ, у кого есть для этого *нужные капиталы.*

Говорятъ, что пользованіе землей можно будетъ при „соціализаціи" „*уравнивать*" такъ, чтобы каждый имѣлъ земли ровно столько, сколько можетъ обработать онъ самъ со своей семьей. Но землю обрабатываютъ не голыми руками, а орудіями и скотомъ. Выходитъ, стало быть, что, съ самаго начала, землю получатъ не всѣ, а только тѣ, у кого есть нужные для ея обработки капиталы. Но если у одного изъ такихъ счастливцевъ падетъ, напр., единственная лошадь, и ему не на что будетъ купить новой, то, при „уравненіи" и „соціализаціи", ему придется *даромъ* бросить свою землю болѣе счастливымъ сосѣдямъ и итти въ городъ наниматься на работу съ пустыми руками. Безъ „соціализаціи" онъ эту землю могъ бы продать и имѣть при поискахъ работы кое-какія деньжата. Вотъ и вся выгода „соціализаціи" для деревенской бѣдноты.

Итакъ, кромѣ наемныхъ рабочихъ, городскихъ и сельскихъ, ни одинъ классъ современнаго общества за соціализмъ не борется, и ни одинъ не заинтересованъ кровно въ непрестанной борьбѣ за улучшеніе условій наемнаго труда.

Но это не значитъ, конечно, что другіе классы ни въ какомъ случаѣ не могутъ поддерживать никакихъ требованій пролетаріата. Когда рабочіе организуются и становятся силой, тогда всѣ, нуждающіеся въ ихъ содѣйствіи, начинаютъ выставлять въ своихъ программахъ кусочки пролетарскихъ требованій.

Одни не заинтересованы непосредственно въ эксплуатаціи рабочихъ (какъ адвокаты, учителя, врачи, часть крестьянъ и т. п.) и потому могутъ даже искренне „сочувствовать" стремленіямъ рабочихъ нѣсколько улучшить свое положеніе; другіе вынуждены уступать со скрежетомъ зубовнымъ; третьи просто разсчитываютъ самымъ наглымъ образомъ надуть рабочихъ, повѣрившихъ ихъ обѣщаніямъ. Такъ какъ россійскіе рабочіе уже два десятка лѣтъ ведутъ упорную экономическую и политическую борьбу, организовались въ политическую партію и профессіональные союзы, стали, словомъ, самостоятельной силой, то уже ни одна политическая партія въ Россіи, хотя бы самая реакціонная, не можетъ обойтись безъ „рабочей программы" [1]).

Рабочая программа *правительства*, самодержавной бюрократіи, достаточно извѣстна. Въ томъ или другомъ видѣ, это всегда все та же старая *зубатовщина.* Правительство старается отвлечь

---

[1]) Программы всѣхъ партій см. въ сборникѣ „Россійскія партіи, союзы, лиги". Сост. В. Ивановичъ, подъ ред. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. С.-Пб., 1906, ц. 1 р.

вниманіе рабочихъ къ самымъ мелкимъ вопросамъ ихъ повседневной жизни; при посредствѣ болѣе или менѣе ловкихъ провокаторовъ, оно старается натравить рабочихъ на интеллигенцію, на соціалистовъ; его агенты основываютъ даже иногда „чисто-рабочіе“ союзы и общества. Но такъ какъ, начавъ вести борьбу хотя-бы за самые мелкіе интересы свои, рабочіе быстро приходятъ къ сознанію необходимости широкой, классовой организаціи и политической свободы, которая одна только можетъ дать рабочимъ просторъ для организаціи и борьбы, то полицейскіе „покровители“ рабочихъ не могутъ долго выдержать своей роли. Начинаются преслѣдованія болѣе сознательныхъ рабочихъ, понимающихъ затѣи правительства и предостерегающихъ своихъ братьевъ отъ полицейской удочки. Въ концѣ концовъ всѣ такія затѣи, какъ и прообразъ ихъ — зубатовщина, терпятъ позорное крушеніе.

„*Союзъ русскаго народа*“, которому слѣдовало бы называться „союзъ хулигановъ и черносотенцевъ“, такъ занятъ шпіонствомъ, доносами и подготовкой погромовъ, что не удосужился посвятить хоть сколько-нибудь серіозное вниманіе нуждамъ рабочихъ. Для рабочихъ у этого православно-самодержавнаго „союза“ только одно обѣщаніе: „нормировать отношенія между рабочими и работодателями законодательнымъ порядкомъ“. Но какъ „нормировать?“ Въ чью пользу? Въ пользу рабочаго или въ пользу работодателя? Объ этомъ погромныхъ дѣлъ мастера благоразумно умалчиваютъ. И только добавочная фраза—„примѣняясь къ условіямъ мѣстности и характеру производства“—говоритъ, что они намѣрены „нормировать“ отношенія, „примѣняясь“ къ чему угодно, только не къ нуждамъ рабочаго.

Рабочія программы „*Отечественнаго союза*“, „*Русской монархической партіи*“, „*Русскаго національнаго всесословнаго союза*“ и прочихъ „національныхъ“, „монархическихъ“ и „патріотическихъ“ партій и союзовъ ровно ничѣмъ отъ программы „Союза русскаго народа“ не отличаются. Развѣ только нарочитымъ упоминаніемъ о необходимости „обезпечить желающимъ мирно работать свободу и безопасность труда“ (программа „Отечественнаго союза“), т. е. о необходимости покровительства штрейкбрехерамъ и всяческаго стѣсненія рабочихъ стачекъ. „*Русская народная партія*“ такъ прямо и говоритъ: „Стачки рабочихъ, допускаемыя при условіи охраненія свободы труда, являются безсмыслицей и фактически неосуществимы“. Отсюда уже видно, что за „свободу труда“ проповѣдуютъ хулиганско-патріотствующія партіи. Впрочемъ, та-же „Русская народная партія“—вѣроятно, по наивности и глупости ея вожаковъ—прямо выбалтываетъ дѣйствительные взгляды всевозможныхъ „истинно-русскихъ“ людей на рабочій вопросъ. Она говоритъ слѣдующее: „Выдвигать

рабочій вопросъ въ Россіи, какъ нѣчто самостоятельное, совершенно *несправедливо*. Всякія *ухаживанія* (!) за рабочими и стремленія дать имъ *организацію для борьбы съ хозяевами* ведутъ лишь къ *развращенію* (!!) рабочихъ и задержкѣ въ развитіи промышленности". Такъ относятся къ рабочимъ люди, распинающіеся въ своей „любви" къ русскому народу!

Недалеко отъ „истинно-русскихъ" людей ушли въ своихъ рабочихъ программахъ и такія партіи, какъ „*Торгово-промышленная партія*" и „*Всероссійскій торгово-промышленный союзъ*". Въ туманныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорятъ ихъ программы объ „улучшеніи быта рабочихъ", и очень опредѣленно настаиваютъ на охранѣ „свободы труда", т. е. штрейкбрехерства. Купцы „Торгово-промышленной партіи" особенно рѣзко возстаютъ противъ 8-часового рабочаго дня и увѣряютъ даже, что работать 8 часовъ вредно... вы думаете, для фабрикантовъ? — нѣтъ! для рабочихъ! Ихъ степенства думаютъ убѣдить рабочихъ, что они ведутъ свою борьбу лишь потому, что „не распознали еще своихъ учителей-соціалистовъ!" Но своихъ „друзей"-капиталистовъ рабочіе, во всякомъ случаѣ, настолько „распознали", что на ихъ дешевыя приманки не пойдутъ.

Нѣсколько дальше идутъ въ своихъ рабочихъ программахъ партіи со смѣшаннымъ составомъ (купцы, помѣщики, чиновники, зажиточная интеллигенція), какъ „*Умѣренно-прогрессивная*", „*Правового порядка*", „*Мирнаго обновленія*", „*Союзъ 17 октября*". Онѣ говорятъ уже о „возможномъ" и „постепенномъ" сокращеніи рабочаго дня, о государственномъ страхованіи рабочихъ, о „разумной" свободѣ рабочихъ союзовъ, а подчасъ даже и стачекъ. Но все это съ постоянной оглядкой на „интересы промышленности" (понимай: промышленниковъ) и постоянной заботой объ огражденіи „свободы труда" (понимай: штрейкбрехерства).

Наконецъ, партіи, главное ядро которыхъ состоитъ изъ демократической интеллигенціи, городского мѣщанства и нѣкоторыхъ слоевъ крестьянства, идутъ еще дальше навстрѣчу требованіямъ рабочихъ. Онѣ вводятъ въ свою рабочую программу часть, а иногда и почти всѣ требованія охраны труда, выработанныя и выставленныя Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіей. Таковы партіи: „*Демократическихъ реформъ*", „*Конституціоналистовъ-демократовъ*" (ка-деты или Партія Народной Свободы), „*Демократическій союзъ конституціоналистовъ*", „*Радикальная партія*", „*Партія свободомыслящихъ*", „*Партія соціалистовъ-революціонеровъ*". Наиболѣе отсталой изъ этихъ партій является „Партія демократическихъ реформъ", которая вовсе не упоминаетъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, а лишь о „возможно большемъ сокращеніи" его, и „оставляетъ открытымъ" вопросъ о возможности ограниченія права стачекъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда.

Затѣмъ слѣдуютъ. „Партія конституціоналистовъ-демократовъ“ и „Демократическій союзъ конституціоналистовъ“. Онѣ признаютъ безъ оговорокъ право рабочихъ союзовъ и стачекъ и выставляютъ требованіе законодательнаго введенія 8-часового рабочаго дня, но при этомъ настаиваютъ на „постепенномъ“ введеніи его, т. е. на откладываніи дѣла въ долгій ящикъ. Другія изъ перечисленныхъ выше партій соглашаются на немедленное осуществленіе и 8-часового рабочаго дня, и другихъ требованій охраны труда, выставленныхъ соціалдемократами.

Что касается „*Трудовой группы*“, то, умалчивая, какъ мы уже говорили, объ уничтоженіи наемнаго труда, о соціализмѣ, она — по части охраны наемнаго труда — прямо заявляетъ, что „признаетъ настоятельную необходимость скорѣйшаго разрѣшенія рабочаго вопроса на началахъ, уже достаточно опредѣленно высказанныхъ *рабочимъ классомъ* и формулированныхъ входящей въ ея составъ [1]) *группой депутатовъ отъ рабочихъ*“. Такимъ образомъ „трудовая группа“ не вырабатывала самостоятельно рабочей программы, а согласилась принять ту, которую ей предложили депутаты отъ рабочихъ. А они предложили почти цѣликомъ программу-минимумъ (программу по охранѣ труда), выработанную Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіей.

Для рабочаго класса, разумѣется, очень выгодно, что его требованія встрѣчаютъ болѣе или менѣе полную поддержку и въ другихъ, не-рабочихъ партіяхъ. Это обстоятельство облегчаетъ рабочимъ проведеніе въ жизнь ихъ требованій. Но нужно всегда помнить, что только самостоятельная, *классовая* борьба и организація рабочихъ заставляетъ другіе классы итти имъ навстрѣчу. Ибо, не говоря уже о полномъ освобожденіи пролетаріата отъ рабства наемнаго труда, и улучшеніе положенія рабочихъ въ современномъ, капиталистическомъ обществѣ — дѣло, о которомъ ни на минуту не забывать могутъ только сами рабочіе: только ихъ давятъ, какъ клещи, нищенскій заработокъ, длинный рабочій день, безработица, необезпеченность на случай старости, болѣзни, увѣчья. Для рабочаго—это *свое* дѣло. Для другихъ классовъ—*чужое*. И стоитъ только ослабѣть давленію организованной борьбы рабочихъ, какъ всѣ не-рабочія партіи начнутъ по-просту „забывать“ о необходимости улучшенія положенія рабочихъ, и вся ихъ „рабочая программа“ обратится въ лоскутокъ негодной бумаги. *Классовая борьба и классовая организація рабочихъ служатъ единственной гарантіей „рабочелюбія“ не-рабочихъ партій.* А потому и для отстаиванія *экономическихъ* интересовъ рабочихъ нужна самостоятельная, классовая органи-

---

[1]) Программа „трудовой группы“ составлялась тогда, когда „рабочая группа“ еще засѣдала съ нею совмѣстно и входила въ ея составъ.

зація рабочихъ, а, слѣдовательно, и самостоятельное, классовое представительство ихъ въ парламентѣ. Такимъ представительствомъ можетъ быть только *соціалдемократическая фракція.*

III.

Но одной экономической борьбой задачи рабочаго класса не исчерпываются. Ему приходится вести и *борьбу политическую.* Почему? Прежде всего потому, что, пока пролетаріатъ не овладѣетъ всей государственной машиной, не используетъ въ своихъ интересахъ всѣ ея колоссальныя силы, не приспособитъ всего законодательства къ своимъ нуждамъ, до тѣхъ поръ невозможно ему будетъ перестроить все общество на соціалистическихъ началахъ. Пока государство находится во власти другихъ классовъ, эти классы будутъ издавать такіе законы, такъ пользоваться денежными средствами государства, чиновниками, арміей, чтобы не дать пролетаріату уничтожить частную собственность на средства производства (фабрики, рудники, земля, желѣзныя дороги и т. д.) и взять эти средства въ общую собственность всѣхъ трудящихся. Нужно подчиненіе государства пролетаріату, нужна *диктатура пролетаріата* для того, чтобы могла совершиться освобождающая рабочихъ *соціальная революція.*

Когда говорятъ „диктатура пролетаріата“, то вовсе не подразумѣваютъ подъ этимъ владычества нѣсколькихъ рабочихъ, дѣйствующихъ отъ имени своего класса и водворяющихъ нужные имъ порядки „огнемъ и мечомъ“ противъ воли большинства населенія. Тутъ вводитъ въ недоразумѣніе слово „диктатура“, напоминающее о другой „диктатурѣ“—господъ Треповыхъ, Столыпиныхъ, Миновъ, Римановъ, Дурново и прочихъ россійскихъ самодержцевъ, которые, дѣйствительно, правятъ противъ воли огромнаго большинства народа, и у которыхъ поэтому, дѣйствительно, единственнымъ средствомъ управленія являются нагайка, ружье, пушка, висѣлица, карательные экспедиціи и поѣзда, погромы, блиндированные автомобили и убійства, убійства безъ конца.

„Диктатура пролетаріата“ есть нѣчто прямо противоположное владычеству ничтожнаго меньшинства надъ большинствомъ народа. „Диктатура пролетаріата“—это, наоборотъ, господство большинства народа, берущаго, наконецъ, свои дѣла въ свои собственныя руки и впервые перестраивающаго государство согласно интересамъ не богатаго меньшинства, а бѣднаго большинства народа. Только борьбой можетъ завоевать неимущее большинство народа государственную власть; но когда оно уже завоевало ее, ему незачѣмъ пускать на каждомъ шагу въ ходъ грубое насиліе, какъ это приходится дѣлать гг. Столыпинымъ, у которыхъ кромѣ насилія ничего нѣтъ. Народному большинству достаточно *вырвать*

орудія насилія (деньги, полицію, армію) *изъ рукъ враговъ народа*, и затѣмъ оно уже можетъ спокойно проводить въ жизнь свои требованія, опираясь на свое численное превосходство.

Когда въ Государственной Думѣ соціалдемократическіе депутаты отстаивали права рабочихъ, графъ *Гейденъ* (партія мирнаго обновленія) заявилъ: „Въ правовомъ (т. е. буржуазномъ) государствѣ всѣ граждане имѣютъ равное право жить, дышать воздухомъ и наслаждаться свободой. Въ соціалистическомъ государствѣ только одинъ пролетаріатъ имѣетъ это право. Я вполнѣ понимаю стремленіе пролетаріата задавить всѣхъ остальныхъ, но, пока еще всѣ остальные не истреблены, они, я думаю, имѣютъ тѣ-же права, какъ и пролетаріатъ“ [1]). Графъ Гейденъ—человѣкъ образованный. И нужна полная слѣпота или полная безсовѣстность, чтобы образованный человѣкъ могъ сказать такую грубую неправду, какую сказалъ графъ Гейденъ. Онъ отлично знаетъ всѣ европейскія, американскія и австралійскія „правовыя государства“. Онъ знаетъ, что рабочіе кварталы большихъ городовъ переполнены пролетаріями, которые лишены права „жить“, которые тысячами вымираютъ вмѣстѣ со своими семьями отъ голода, холода, повальныхъ болѣзней. Онъ знаетъ, что дома въ этихъ кварталахъ, подвалы и чердаки набиты биткомъ, до переполненія, до отсутствія всякой возможности „дышать воздухомъ“, ибо не воздухъ, а зловонную отраву, порождающую чахотку, вбираютъ въ свои легкія жалкіе обитатели городскихъ трущобъ. И, наконецъ, онъ знаетъ, что нищета и голодъ однихъ, и богатство другихъ порождаютъ безчисленныя преступленія, кражи, грабежи, разбои, убійства, проституцію и наполняютъ тюрьмы „правового государства“ десятками тысячъ людей, лишенныхъ всякой возможности „наслаждаться свободой“, запертыхъ въ клѣтки, какъ дикіе звѣри, скованныхъ по рукамъ и ногамъ. И все-же графъ Гейденъ, которому, дѣйствительно, ничто не мѣшаетъ „жить, дышать воздухомъ и наслаждаться свободой“, имѣетъ дерзость противопоставлять это образцовое „правовое“ государство соціалистическому и бросать въ лицо пролетаріямъ упрекъ въ стремленіи „истребить“ и „задавить“ всѣхъ остальныхъ!

А между тѣмъ, исторія дала уже одинъ разъ примѣръ „диктатуры пролетаріата“ и показала, что значитъ эта диктатура. Одинъ разъ, на короткое время и въ одномъ только городѣ пролетаріатъ, во главѣ большинства населенія, взялъ всю власть въ свои руки. Это было въ 1871 году въ Парижѣ. И вотъ какъ описываетъ очевидецъ жизнь народа во время Парижской Коммуны:

„Никогда Парижъ не пользовался такимъ абсолютнымъ спокойствіемъ и такой матеріальной обезпеченностью. Не было бо-

---

[1]) Стеногр. отчетъ засѣд. Г. Д. Засѣд. 28-ое. 16 іюня 1906 г.

лѣе ни полиціи, ни чиновниковъ, ни жандармовъ, ни судей. *И ни одного преступленія!*

Кромѣ постовъ въ меріяхъ, въ разныхъ министерствахъ, въ думѣ, никакой вооруженной силы ни на улицахъ, ни въ предмѣстьяхъ, ни въ возбужденныхъ кварталахъ. Но каждый гражданинъ вооруженъ и заботится о собственномъ благополучіи и о благополучіи другихъ".

И дальше:

„Никогда улицы Парижа не были болѣе безопасны. Во всякое время дня и ночи можно было спокойно пройти по самымъ пустыннымъ кварталамъ, въ обычное время пользующимся наиболѣе дурной славой. Женщина, даже въ одиночку, могла прогуливаться по всему Парижу въ наиболѣе неурочные часы, не рискуя подвергнуться какому-либо оскорбленію... Народъ убѣдился, чего стоитъ *постоянная армія*, неспособная спасти страну въ случаѣ великихъ бѣдствій, безпокойная въ мирное время, служащая грубымъ орудіемъ подавленія въ рукахъ всякаго деспота... Онъ понялъ, что *полиція* хороша только тогда, когда состоитъ изъ самихъ обывателей города, что иначе она является постоянной угрозой для свободы честныхъ людей, постояннымъ оскорбленіемъ личности, вынужденной переносить ея унизительные капризы, ея оскорбленія и вымогательство".

И наконецъ:

„Во время короткаго господства Коммуны ни одинъ мужчина, ни одна женщина, ни одинъ ребенокъ, ни одинъ старикъ не были оставлены безъ крова, безъ тепла и безъ пищи" [1]).

Если прибавить, что за все время существованія Парижской Коммуны не было *ни одной казни*, хотя въ Парижѣ было не мало враговъ пролетаріата и шпіоновъ враждебной арміи, то всякій увидитъ, что до „правового государства" графовъ Гейденовъ соціалистическому государству пролетаріата, дѣйствительно, далеко!

Мы сказали, что „диктатура пролетаріата" есть господство народнаго большинства въ государствѣ. И, дѣйствительно: взять государственную власть въ свои руки и употребить ее на благо трудящихся, на соціалистическое переустройство общества, пролетаріатъ можетъ только тогда, когда за нимъ идетъ большинство народа. Для этого нужно, во-первыхъ, чтобы пролетаріатъ представлялъ изъ себя многочисленную, проникнутую соціалистическимъ сознаніемъ и хорошо организованную армію. Для этого нужно, во-вторыхъ, чтобы многомилліонная масса крестьянства и городского мѣщанства пришла къ убѣжденію, что для нея нѣтъ другого выхода изъ бѣдствій, порождаемыхъ капиталистическимъ

---

1) Артуръ Арну. Народная исторія Парижской Коммуны. Изданіе Н. Глаголева.—Спб., 1906 г.

строемъ общества, кромѣ разрушенія самого капитализма. Нужно, чтобы уничтоженіе *капиталистическаго* рабства стало такимъ же кровнымъ стремленіемъ широкихъ массъ народа, какъ уничтоженіе *крѣпостного* рабства въ послѣдніе годы передъ освобожденіемъ крестьянъ. Нужно, чтобы кличъ „всѣ орудія производства всему народу!“ сталъ такимъ-же народнымъ, какъ теперь кличъ „земля и воля всему народу!“

Все это возможно лишь тогда, когда капиталистическій строй достигъ уже высокой степени развитія. Только тогда въ странѣ является многочисленный пролетаріатъ, сплоченный совмѣстнымъ трудомъ на большихъ фабрикахъ и заводахъ. И только тогда долгій опытъ убѣждаетъ, наконецъ, *мелкаго* собственника, что онъ беззащитенъ передъ конкуренціей собственниковъ *крупныхъ*, что ему нѣтъ другого исхода, какъ связать свою судьбу съ судьбою наемныхъ рабочихъ.

Но для развитія капитализма нужна *политическая свобода.* Только при свободѣ, при обезпеченности правъ, при отсутствіи произвола и насилія можетъ развиваться товарное и денежное хозяйство. Поэтому *буржуазія* вездѣ добивается политической свободы, добивается перехода государственной власти въ ея руки, добивается безусловнаго господства въ государствѣ, или, иначе говоря, добивается установленія своей „диктатуры“. Это не мѣшаетъ ей метать громъ и молнію противъ пролетаріата за его стремленіе къ „диктатурѣ“. А между тѣмъ диктатура пролетаріата только тѣмъ и отличается отъ диктатуры буржуазіи, что является господствомъ *неимущихъ,* а диктатура буржуазіи—господствомъ *имущихъ.*

Итакъ, буржуазія добивается политической свободы, необходимой для развитія буржуазнаго, капиталистическаго общества. И такъ какъ пролетаріатъ можетъ завоевать пролетарское, соціалистическое общество лишь тогда, когда развитіе капитализма создало силы, необходимыя для соціальной революціи; такъ какъ, слѣдовательно, пролетаріатъ заинтересованъ въ возможно болѣе *быстромъ* развитіи капиталистическаго общества (ибо, чѣмъ быстрѣе оно развивается, тѣмъ скорѣе пробьетъ часъ соціализма), то уже по одному этому рабочіе заинтересованы въ осуществленіи политической свободы.

Но этого мало. Политическая свобода необходима рабочему классу еще и потому, что только при свободѣ онъ можетъ имѣть просторъ для своей организаціи, для развитія своего сознанія, для своей повседневной борьбы, для проповѣди соціализма среди другихъ угнетенныхъ классовъ.

Какъ видимъ, для рабочаго класса политическая свобода есть *средство* борьбы за свое окончательное освобожденіе.

Но именно потому, что политическая свобода для пролетаріата

есть средство борьбы за безконечно болѣе великія цѣли, именно поэтому рабочему классу нужна *самая полная свобода*. Всякій классъ стремится къ такому политическому устройству, которое обезпечиваетъ его интересы. Буржуазія ищетъ правъ для себя; она охотно лишила-бы рабочихъ всякихъ правъ, если-бы не нуждалась въ нихъ содѣйствіи для борьбы съ абсолютизмомъ. Но всякія ограниченія свободы гораздо меньше наносятъ ущерба буржуазіи, чѣмъ пролетаріату. Почему?

Это, съ неподражаемою откровенностью, разъяснилъ въ Государственной Думѣ одинъ изъ ка-детскихъ вожаковъ, проф. Гредескулъ [1]). Онъ сказалъ, что всякія ограниченія стѣсняютъ рабочій классъ больше, чѣмъ другіе классы, потому что это „вытекаетъ изъ самаго расчлененія общества на классы"; по его словамъ „эта невыгода вытекаетъ просто изъ различнаго положенія классовъ, болѣе состоятельныхъ и рабочихъ, такъ что нужно или уничтожить имущественное неравенство, или считаться съ этимъ неизбѣжнымъ зломъ". Вожакъ буржуазной демократіи спѣшитъ, конечно, примириться съ „неизбѣжнымъ зломъ" и укоряетъ соціалдемократическихъ депутатовъ, зачѣмъ они не хотятъ послѣдовать его примѣру и согласиться на ограниченія свободы. Но соціалдемократы, разумѣется, держатся какъ разъ обратной точки зрѣнія. Они заявляютъ открыто о своемъ стремленіи „уничтожить имущественное неравенство" и именно для успѣха такого стремленія и требуютъ отмѣны всякихъ ограниченій, тяжелымъ бременемъ ложащихся на рабочій классъ.

Политическая программа соціалдемократіи достаточно извѣстна. Кратко она повторена и въ напечатанной выше „деклараціи". *Вся полнота власти—народу, и только народу!*—вотъ въ двухъ словахъ эта программа. Всѣ отдѣльныя требованія—и Учредительное Собраніе, и замѣна арміи милиціей, и выборность чиновниковъ, и неограниченная свобода собраній, союзовъ, стачекъ, слова, печати—все это лишь средства для того, чтобы народъ, дѣйствительно, могъ самъ быть хозяиномъ своей судьбы, чтобы никто не могъ владычествовать надъ народомъ противъ воли народа.

Понятно, почему у самодержавнаго правительства господъ Горемыкиныхъ и Столыпиныхъ нѣтъ врага, злѣйшаго и болѣе опаснаго, чѣмъ соціалдемократы! Вѣдь всѣ эти чиновники только насиліемъ—разстрѣлами, карательными экспедиціями, военно-полевыми судами, тюрьмой, каторгой—и удерживаютъ свою власть надъ народомъ! Вѣдь если отнять у нихъ всѣ орудія насилія, то не пройдетъ и одного дня, какъ народъ сгонитъ ихъ съ насиженныхъ ими мѣстъ.

---

[1]) Стеногр. отчетъ засѣд. Г. Д. Засѣд. 28-ое. 16 іюня 1906 г.

Многія другія партіи тоже стремятся къ политической свободѣ, многія борятся съ существующимъ правительствомъ. Мы уже говорили, что безъ извѣстной степени политической свободы не можетъ развиваться капиталистическое производство, а, слѣдовательно, не можетъ жить буржуазное общество. Но ни одна изъ партій, кромѣ соціалдемократіи, не доводитъ этой борьбы до конца; ни одна не идетъ такъ рѣшительно и безповоротно къ полному господству самого народа. И понятно почему: фабриканту, купцу, помѣщику, мелкому хозяину нужна свобода, чтобы ни чиновники, ни полицейскіе не могли никоимъ способомъ мѣшать ему заниматься своими дѣлами, расширять свое хозяйство, обогащаться. И если-бы передъ нимъ былъ только одинъ врагъ—самодержавное правительство,—то онъ уничтожилъ-бы этого врага въ корень, добился-бы самой полной свободы. Но вотъ бѣда: отнимая силу у самодержавнаго правительства, добиваясь свободы для себя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденъ давать свободу и своему врагу слѣва—рабочему, закабаленному крестьянину. А этотъ „черный" народъ, какъ уже показалъ опытъ всѣхъ странъ, первымъ дѣломъ пользуется свободой для того, чтобы организоваться, вести борьбу за лучшую жизнь, повысить заработную плату, сократить рабочій день, положить конецъ арендной кабалѣ.

Въ груди всякаго собственника, и крупнаго, и мелкаго, начинаютъ бороться двѣ души: съ одной стороны, хочется высвободиться совсѣмъ изъ-подъ самодержавной кабалы, съ другой стороны, приходится дѣйствовать съ оглядкой: какъ бы не слишкомъ раздразнить своихъ наемныхъ рабовъ. Отсюда—постоянныя колебанія, нерѣшительность и непослѣдовательность въ политикѣ всѣхъ „собственническихъ" партій. Отсюда—ихъ боязнь всякаго широкаго народнаго движенія, и въ то же время, въ глубинѣ души, горькое сознаніе, что безъ народа имъ ничего не добиться и для самихъ себя. Отсюда—постоянное стремленіе не довести дѣло до черезчуръ рѣзкаго разрыва со старою властью, стремленіе, какъ-нибудь поладить съ нею „мирно", „по хорошему", притти къ полюбовному соглашенію путемъ взаимныхъ „уступокъ" за спиной народа и за счетъ народа. Таковы теперь всѣ буржуазныя, „собственническія" партіи, какихъ-бы собственниковъ они ни представляли—крупныхъ или мелкихъ. Конечно, чѣмъ крупнѣе собственники, чѣмъ рѣзче сталкиваются они со своими рабочими, тѣмъ болѣе склонны они, ради мира и спокойствія, удѣлить кусокъ отъ своей жирной добычи представителямъ старой власти, заключить съ ними полюбовную сдѣлку. Мелкіе собственники сами урываютъ слишкомъ тощую добычу, чтобы можно было много удѣлить отъ нея жадной сворѣ полицейскихъ, жандармовъ, чиновниковъ, поповъ. Партіи мелкихъ

собственниковъ тоже колеблются, трусятъ, торгуются; но, когда всѣ ихъ торги ни къ чему не приводятъ, онѣ могутъ временно соединяться и съ пролетаріатомъ, повышать радикализмъ своихъ политическихъ требованій и т. д. и т. д.

Такъ рождаются на свѣтъ всѣ тѣ безчисленныя политическія программы, которыя выставляются разными партіями. Сохраненіе монархіи, а то и самодержавія, ограниченіе правъ народныхъ представителей (напр., передача права объявленія войны и распоряженія военной силой монарху, или предоставленіе ему рѣшающаго голоса въ законодательныхъ вопросахъ и т. п.), двѣ палаты, суженіе избирательнаго права и пр. и пр.—все это проявленіе боязни *полнаго народовластія*, полной народной свободы, и стремленія подѣлить добычу съ представителями старой власти. Крупные собственники пытаются купить себѣ льготы на счетъ мелкихъ, промышленники на счетъ землевладѣльцевъ, помѣщики на счетъ крестьянъ, и всѣ вмѣстѣ—на счетъ тѣхъ, кому уже нечего давать, кромѣ своего собственнаго пота и крови,—на счетъ пролетаріевъ, городскихъ и сельскихъ.

Потому-то одни рабочіе и оказываются до конца послѣдовательными противниками самодержавнаго правительства. У нихъ не можетъ быть ни примиренія, ни соглашенія, ни сдѣлки съ господами Столыпиными, Витте, Дурново и прочими героями висѣлицъ и карательныхъ экспедицій, какъ бы они ни назывались. И потому-то только классовая партія пролетаріата, только соціалдемократическая фракція выступала въ Государственной Думѣ рѣзко и опредѣленно не только противъ отдѣльныхъ, наиболѣе ненавистныхъ представителей стараго режима, но противъ *всей* старой власти въ совокупности. И ка-деты, и, ужъ конечно, трудовики клеймили названіемъ убійцъ и палачей господъ Павловыхъ, Макаровыхъ, Столыпиныхъ и имъ подобныхъ и гнали ихъ вонъ изъ Думы, когда они являлись туда въ запачканныхъ награбленнымъ золотомъ и пролитою кровью мундирахъ для того, чтобы „оправдывать“ свои палаческія дѣла. Требовали ихъ отставки, требовали образованія министерства изъ среды самой Думы и отвѣтственнаго передъ Думой.

Но вотъ какая сцена произошла при первомъ-же появленіи на думской каѳедрѣ депутата, выбраннаго подъ знаменемъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Это было сейчасъ послѣ того, какъ князь Урусовъ уличилъ министровъ и таинственную клику, стоящую за ихъ спиною и командующую ими, въ систематической организаціи погромовъ.

„*Рамишвилли* (с. д.). Народные представители и *народный врагъ* вчера встрѣтились лицомъ къ лицу, и я хотѣлъ...

Предсѣдатель Муромцевъ (ка-детъ). Надо воздерживаться отъ

такихъ выраженій—„народный врагъ“; это слишкомъ сильное выраженіе“ [1]).

Для представителя рабочихъ самодержавное правительство—врагъ; для ка-дета это—„слишкомъ сильное выраженіе“. Для представителя рабочихъ ясно, что „между народомъ и правительствомъ уже образовалась *пропасть*, и эту пропасть не могутъ перешагнуть наши министры, не рискуя упасть въ нее“ [2]). Для ка-дета надежда, что ему протянутъ руку черезъ пропасть изъ „стараго міра“, еще не потеряна, и самъ по себѣ онъ, на извѣстныхъ условіяхъ, не прочь принять эту руку.

Объ этомъ именно говорилъ тов. *Рамишвилли* въ другой разъ, когда обсуждался ка-детскій законъ о собраніяхъ. Онъ сказалъ:

„Сюда прошли господа съ правительственной душой; они здѣсь въ большинствѣ; а большинство въ жизни на сторонѣ тѣхъ, которыхъ здѣсь немного—рабочей группы, фракціи трудовиковъ-крестьянъ. Здѣсь-же въ большинствѣ представители, родственные съ правительствомъ; родство съ правительствомъ связало ихъ“.

Предсѣдательствующій ка-детъ снова не стерпѣлъ этого непримиримо-враждебнаго отношенія къ самодержавному правительству и снова прервалъ оратора—соціалдемократа:

„*Предсѣдательствующій.* Родство всей Государственной Думы съ правительствомъ органическое, потому что Дума есть часть правительства“.

И соціалдемократу пришлось отстаивать достоинство народныхъ представителей, которыхъ упорно хотѣли навязать въ „родственники“ правительствующимъ „вахмистрамъ и погромщикамъ“.

„*Рамишвилли.* Она (Дума) не есть часть правительства, которое громитъ всю Россію,—быть въ связи съ такимъ правительствомъ постыдно было-бы для революціонной Думы!“ [3]).

И еще одинъ разъ г. Муромцевъ пытался зажать ротъ соціалдемократу, заявивъ тому-же т. Рамишвилли въ засѣданіи 20 іюня:

„Выраженій относительно *Учредительнаго Собранія*, а равно и упоминанія (!!) относительно *республики*, какъ вы это раньше сдѣлали, *я не допускаю*“ [4]).

Ка-детскій предсѣдатель „не допускалъ“ народныхъ представителей ясно и открыто выражать желанія народа.

Такъ заговорили въ Думѣ только соціалдемократы. Понятно, почему оплаченные правительствомъ писаки, вродѣ Меньшикова,

---

[1]) Стеногр. отчетъ засѣд. Г. Д. Зас. 24. 9 іюня, стр. 1.157.
[2]) Тамъ-же, Зас. 24. 9 іюня, стр. 1.159.
[3]) Тамъ-же, Зас. 28. 16 іюня, стр. 1.409.
[4]) Тамъ-же, стр. 1.527.

вопятъ, что „несчастіемъ—прямо роковымъ—явился пріѣздъ кавказскихъ депутатовъ [1]). Дума именно съ ихъ пріѣздомъ точно сорвалась съ цѣпи“ [2]).

Да, дѣйствительно, выступленіе соціалдемократической фракціи было огромнымъ „несчастіемъ“ для правительства громилъ, палачей и убійцъ.

И именно поэтому должны подавать на выборахъ голосъ за соціалдемократа всѣ тѣ, кто желаетъ величайшаго „несчастія“ представителямъ стараго режима. Ибо ихъ „несчастіе“ есть *счастье народа.* И, наоборотъ: когда они „счастливы“, когда они торжествуютъ, когда они изъ глубины своихъ канцелярій распоряжаются судьбами многомилліоннаго народа и водворяютъ „порядокъ“,—тогда несчастье, слезы и стоны разливаются по всему лицу земли русской; тогда свистятъ, разсѣкая воздухъ, нагайки, жужжатъ пули, народная кровь льется рѣкой; тогда набиваются тюрьмы, наполняются изгнанниками ледяныя тундры, и топоръ палача, сколачивающаго висѣлицу, шумомъ глухихъ ударовъ наполняетъ всю страну...

IV.

Но „несчастьемъ“ для правительства была не только упорная борьба соціалдемократовъ противъ „лжи примиренія между хищниками реакціи и демократіей“. Какія бы рѣзкія рѣчи ни говорились въ Думѣ противъ правительства, ему это все было-бы ни по-чемъ: брань на вороту не виснетъ, и россійскіе правители охотно играли-бы роль крыловскаго кота, уписывающаго курченка, пока поваръ дѣлаетъ свои наставленія и выговоры.

Но истинное „несчастье“ было въ томъ, что соціалдемократы и въ своихъ рѣчахъ, и въ предлагавшихся ими мѣрахъ имѣли всегда въ виду не 400—500 членовъ Думы, а народъ. Истинное „несчастье“ было, что черезъ голову Думы соціалдемократы обращались къ народнымъ массамъ, звали ихъ къ организаціи и борьбѣ, толкали Думу навстрѣчу народу, требовали отъ нея, чтобы она „искала поддержки у широкихъ народныхъ массъ“, сама „поддерживала ихъ въ организованныхъ выступленіяхъ“, „содѣйствовала народнымъ массамъ въ дѣлѣ организаціи ихъ для планомѣрной борьбы“. Организація народныхъ силъ!—Какъ могли перенести такое „несчастіе“ люди, всѣ силы которыхъ направлены къ тому, чтобы раздробить народъ на части, натравить одну часть на другую,

---

[1]) Кавказскіе депутаты были первые выбраны въ качествѣ офиціальныхъ кандидатовъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

[2]) „Новое Время“, 19 сент. 1906 г., № 10.962.

не дать всѣмъ неимущимъ и угнетеннымъ соединить свои силы для общей борьбы!

А между тѣмъ именно этимъ и отличалась вся тактика соціалдемократіи въ Думѣ: признаніемъ, что залогъ побѣды дѣла свободы лежитъ въ самомъ народѣ, что „никто не дастъ народу избавленья“, кромѣ самого народа, что добиться освобожденія онъ можетъ только „своею собственной рукой“.

Первымъ-же шагомъ рабочей группы было обращеніе къ избирателямъ. И затѣмъ каждый дальнѣйшій шагъ, каждое слово диктовались все тѣмъ-же сознаніемъ необходимости, какъ можно скорѣе, раскрыть народу глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ, сказать ему всю неприкрашенную правду, выяснить ему, кто его друзья и враги, подготовлять его къ неизбѣжной борьбѣ, звать его къ организаціи и сплоченію.

Ибо положеніе, дѣйствительно, было таково, что борьба народа съ правительствомъ была неизбѣжна. 17 октября были даны извѣстныя „обѣщанія“, но на самомъ дѣлѣ обѣщанныя свободы не были проведены въ жизнь въ формѣ непоколебимыхъ законовъ. Осталось въ силѣ то административное усмотрѣніе и тотъ административный произволъ, которые позволяютъ россійскимъ чиновникамъ „плевать“ на законы. Остались въ силѣ всѣ исключительныя законоположенія—усиленная и чрезвычайная охрана, военное и осадное положеніе, административные аресты и ссылка, военные суды и смертная казнь.

Вся дѣйствительная власть осталась цѣликомъ въ рукахъ старой бюрократіи, ни передъ кѣмъ неотвѣтственной, кровными узами связанной съ придворною челядью, крѣпостниками-помѣщиками, биржевыми акулами, откормленными „князьями церкви“, героями манчжурскихъ пораженій и хищеній. Само собою разумѣется, что вся эта теплая компанія всѣми силами отстаивала „неприкосновенность“ своихъ „священныхъ правъ“ на безконтрольное владычество надъ страной и на расхищеніе ея богатствъ, а бюрократія всячески радѣла черносотеннымъ „роднымъ человѣчкамъ“.

Народное движеніе въ октябрѣ-декабрѣ 1905 года заставило правительство все-же созвать Думу. Но „основные законы“, „воспріявшіе силу“ — вопреки обѣщаніямъ 17 октября — „безъ одобренія Государственной Думы“, дѣлали эту Думу безвластною и безсильною. Всякій „законъ“, который она вздумала-бы принять, долженъ былъ получить одобреніе Государственнаго Совѣта и Высочайшее утвержденіе. А „возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей“, обѣщанная 17 октября, на дѣлѣ совершенно отсутствовала. У Думы не было никакихъ „законныхъ“ средствъ заставить „власти“ дѣйствовать „закономѣрно“. И все-же Дума могла быть огромной

силой. Но въ какомъ случаѣ? Лишь въ томъ,—если-бы она встала на службу народному движенію, стала его центромъ; если-бы она стремилась не *замѣнить* массовое народное движеніе, а *помогать* ему. И соціалдемократы, какъ мы увидимъ еще ниже, все время старались толкать Думу на этотъ путь помощи народному движенію и каждымъ словомъ своимъ подчеркивали, что дѣйствительный источникъ силы—въ самомъ народѣ, что съ народомъ Дума — мощное орудіе въ борьбѣ за освобожденіе, безъ народа—безсильное и жалкое собраніе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Соціалдемократамъ возражали, что Дума — законодательное учрежденіе, „часть правительства", какъ выразился г. Муромцевъ. Отлично. Но на чемъ основывается сила Думы, почему она можетъ „законодательствовать", почему правительство не можетъ въ любую минуту придушить эту свою „часть", какъ придушило оно ее, въ концѣ концовъ, 8 іюля? Чѣмъ держалась Дума? Обѣщаніями 17 октября, основными законами, конституціей? Такъ, стало быть, можно вѣрить обѣщаніямъ и честности правительства, которое встрѣчало въ Думѣ единодушный крикъ негодованія? Можно вѣрить тому, что люди, не останавливающіеся передъ погромами, убійствами, карательными экспедиціями, остановятся передъ исписаннымъ клочкомъ бумаги? Но они испугаются народнаго гнѣва и потому не посмѣютъ растоптать ногами всѣ законы. Народнаго гнѣва? Но въ такомъ случаѣ, стало быть, въ народѣ—сила. Такъ какъ-же можно не сказать этого народу, какъ можно не сказать ему, что безъ его помощи Дума безсильна? Какъ можно разыгрывать передъ нимъ комедію „конституціонной" работы, не говоря ему въ то-же время, что онъ одинъ имѣетъ силу воплотить эту работу въ жизнь? Какъ можно не предупредить народъ, что ему неизбѣжно предстоитъ тяжелая борьба, что онъ долженъ готовиться къ ней и организоваться? И какъ можно, вмѣсто этого, обманывать народъ, говоря ему: сиди спокойно и не мѣшай намъ; мы устроимъ твою судьбу, мы—часть правительства; теперь конституція уже завоевана, время массовой борьбы прошло; теперь настало время мирной, парламентской работы, и народное движеніе можетъ только помѣшать этой работѣ?

А между тѣмъ такія рѣчи раздавались въ Думѣ и не встрѣчали достаточно энергичнаго отпора. И только представители пролетаріата—сначала въ лицѣ рабочей группы, потомъ въ лицѣ соціалдемократической фракціи—говорили народу всю правду. Они говорили: неправда, будто у насъ есть уже конституція и будто она обезпечена; неправда, будто Дума—„часть правительства", и будто правительство намѣрено считаться съ тѣмъ, что постановитъ Дума. Вся сила—армія, полиція, финансы, суды, чиновничество—въ рукахъ правительства, и оно ничего не усту-

питъ добровольно—ни земли, ни воли. Народное движеніе въ октябрѣ—декабрѣ заставило его созвать Думу; теперь оно спитъ и во снѣ видитъ, какъ бы эту Думу разогнать и вернуться къ самовластью. Вопреки волѣ Думы оно продолжаетъ казни, аресты, обыски, высылки; вопреки волѣ Думы оно опутываетъ всю страну сѣтью усиленной и чрезвычайной охраны, военнаго и осаднаго положенія; оно явно для всѣхъ покровительствуетъ черной сотнѣ, устраиваетъ погромы, натравливаетъ солдатъ на населеніе, готовится къ борьбѣ съ народомъ. Надо, чтобы народъ готовился къ борьбѣ съ правительствомъ. Надо для этой подготовки воспользоваться Думой, которая стоитъ, что городъ на горѣ, которая видна отовсюду, изъ которой можно говорить, обращаясь ко всему народу. Надо воспользоваться Думой, члены которой временно пользуются бо́льшей „неприкосновенностью", чѣмъ другіе россійскіе граждане, чтобы войти въ тѣсное и непрерывное общеніе съ народными массами. Надо воспользоваться Думой, чтобы призвать народъ организоваться на мѣстахъ для совмѣстной работы съ Думой.

Такъ смотрѣли соціалдемократы на Думу. Ради этого они пошли въ нее, ради этого они поддерживали всѣ шаги Думы и отдѣльныхъ фракцій ея, направленные къ борьбѣ съ правительствомъ. Ради этого-же поддерживали они „усилія Государственной Думы подчинить себѣ исполнительную власть", т. е. добиться министерства, отвѣтственнаго за свои дѣйствія передъ Думой, обязаннаго уйти въ отставку, когда Дума выразитъ ему свое недовѣріе. Соціалдемократы не смущались тѣмъ, что „*отвѣтственное министерство*" будетъ состоять изъ думскаго большинства—изъ ка-детовъ и, быть можетъ, трудовиковъ. Соціалдемократы знаютъ, что не настала еще пора рабочему классу взять государственную власть въ свои руки и перестроить государство на соціалистическихъ началахъ. Соціалдемократы знаютъ, что побѣда надъ самодержавіемъ поставитъ у власти не пролетаріатъ, а буржуазію, что только черезъ свободное развитіе буржуазнаго, капиталистическаго общества пройдетъ пролетаріатъ къ своему полному освобожденію отъ цѣпей экономическаго и политическаго рабства.

Но, съ другой стороны, зная, что отвѣтственное министерство будетъ министерствомъ буржуазнымъ, соціалдемократы не ожидали, что потекутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ отъ того только, что ка-деты займутъ мѣсто бюрократовъ. Соціалдемократы знали и знаютъ, что всякое буржуазное министерство будетъ враждебно пролетаріату, что со всякимъ буржуазнымъ министерствомъ пролетаріату придется бороться. И все-же они поддерживали требованіе отвѣтственнаго министерства. Почему? Потому что отвѣтственность министерства создастъ болѣе благо-

пріятныя условія для *борьбы* народныхъ массъ вообще и пролетаріата въ частности.

Поставленная у власти буржуазія должна будетъ сейчасъ-же убѣдиться, что одного пребыванія ея въ министерствѣ мало, чтобы сломить сопротивленіе врага. Она встрѣтитъ противодѣйствіе цѣлой арміи чиновниковъ, полиціи, жандарменіи; она наткнется на враждебность генераловъ и офицеровъ, придворныхъ и крупныхъ помѣщиковъ. Ей останется одно изъ двухъ: либо вступить въ борьбу со всѣми этими темными силами прошлаго, до корня очистить все чиновничество, подчинить себѣ армію и финансы,—а этого она не можетъ сдѣлать, не давая простора народному движенію, не опираясь на него и не давая свободы организаціи народныхъ силъ; либо—измѣнить дѣлу свободы, разоблачить передъ народомъ свою измѣну, вступить въ столкновеніе и съ пролетаріатомъ, и съ тѣми слоями мелкой буржуазіи и крестьянства, которые не могутъ примириться со старыми порядками. А въ такомъ случаѣ народныя массы, поддерживавшія до тѣхъ поръ ту буржуазную партію, которая, ставъ у власти, предала народные интересы, перешагнутъ черезъ эту партію къ другимъ, болѣе революціоннымъ и стойкимъ партіямъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, пролетаріатъ используетъ въ интересахъ своей освободительной борьбы всю ту силу, которую развиваютъ другія партіи въ борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ. Тѣмъ самымъ, сохраняя свою полную самостоятельность, пролетарская партія облегчаетъ свою собственную борьбу, возлагая часть тяжести на плечи и другихъ классовъ. А, главное, тѣмъ самымъ соціалдемократія сосредоточиваетъ въ каждую данную минуту *всѣ* силы, какими только можно располагать, противъ того „народнаго врага“, котораго нужно сокрушить во что-бы то ни стало.

Таково было содержаніе и смыслъ „деклараціи“, прочитанной въ Думѣ соціалдемократической фракціей и легшей въ основу всей ея послѣдующей дѣятельности.

Къ обзору этой—недолгой—дѣятельности мы теперь и приступимъ.

Б) Полицейская организація погромовъ.

До окончательнаго конституированія соціалдемократической фракціи, партійнымъ депутатамъ пришлось уже выступить въ Думѣ при обсужденіи запроса о погромахъ.

Еще 15 февраля 1905 года въ печати появился „секретный“

документъ-рапортъ чиновника особыхъ порученій (нынѣ тов. мин. внутр. дѣлъ) Макарова.

Изъ этого документа, въ которомъ, —понадѣявшись на его „секретный“ характеръ,—россійскіе владыки разговаривали другъ съ другомъ на-распашку, безъ стѣсненія, было видно, что „департаментъ полиціи оборудовалъ спеціальную типографію, въ которой печатались составленныя въ томъ-же департаментѣ и имъ распространяемыя возмутительныя воззванія, призывающія къ избіенію инородцевъ и интеллигенціи [1]).

Новаго въ этомъ разоблаченіи, конечно, ничего не было.

Всѣмъ и каждому давно уже было извѣстно—еще послѣ организованнаго Плеве „празднованія св. Пасхи“ въ Кишиневѣ,—что дѣйствительный источникъ „истинно-русскихъ“ чувствъ находится въ охранныхъ отдѣленіяхъ, жандармскихъ управленіяхъ, департаментѣ полиціи и имъ подобныхъ „патріотическихъ“ учрежденіяхъ. Давно уже было извѣстно, что главная рать, собравшаяся подъ знамя „священныхъ основъ“ и „исконныхъ устоевъ“ россійской туретчины, состоитъ изъ полицейскихъ, жандармовъ, шпіоновъ и провокаторовъ, которые, подкупая хулигановъ и обманывая темный людъ, и являются истинными организаторами погромовъ и избіеній.

Но ново было то, что полицейскіе „патріоты“ попались съ поличнымъ. Ново было то, что имъ уже невозможно было отвертѣться отъ отвѣта, запретивъ газетамъ писать объ ихъ дѣяніяхъ, заперевъ наглухо двери зала, гдѣ творится „судъ“... не надъ ними—истинными преступниками, а надъ жалкими, темными орудіями ихъ преступленій и надъ несчастными жертвами ихъ! Благодаря существованію Государственной Думы явилась возможность вывести на свѣжую воду всѣ кровожадныя махинаціи погромщиковъ, потребовать ихъ къ гласному отвѣту и передъ всѣмъ народомъ изобличить грязныя „тайны“ правительствующихъ разбойниковъ.

Первый-же запросъ Думы былъ посвященъ полицейской организаціи погромовъ: дѣятельности департамента полиціи и дѣятельности его усердныхъ слугъ въ Вологдѣ, Камышинѣ и Царицынѣ.

Этотъ запросъ былъ предъявленъ министру внутреннихъ дѣлъ 8 мая. Отвѣтить на него г. Столыпинъ собрался лишь 8 іюня.

Несчастный это былъ день для россійской самодержавной бюрократіи! Сначала г. Столыпинъ очень бодрился: всѣ „неправильныя дѣйствія“ состояли, дескать, въ томъ, что отдѣльные полицейскіе, жандармы, губернаторы старались опереться въ борьбѣ

---

[1]) Стен. отчетъ. Зас. 4, 4 мая 1906, стр. 236.

съ крамолой на „сочувствующія имъ общественныя группы“, и ужъ не ихъ вина, что „сочувствующія“ правительству „группы“ оказывались все такого сорта, что немедленно же начинали громить, грабить, жечь и убивать. Самъ-же департаментъ полиціи чистъ, какъ голубица. И г. Столыпинъ кончилъ высокомѣрнымъ заявленіемъ, что правительство будетъ охранять „порядокъ“ все тѣми же испытанными средствами, лучшимъ образцомъ которыхъ являются нынѣ военно-полевые суды.

На бѣду г. Столыпина въ Думѣ присутствовалъ депутатъ, отлично знавшій всѣ министерскіе и департаментскіе „секреты“. Это былъ князь Урусовъ, въ свое время занимавшій должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ при П. Н. Дурново и по своему служебному положенію отлично знавшій, кто и на какія „общестееныя группы“ опирается. Кн. Урусовъ разсказалъ подробно, какъ именно самъ департаментъ полиціи—по порученію какихъ-то „таинственныхъ“ лицъ, „магически дѣйствовавшихъ“ на умы чиновниковъ и имѣвшихъ возможность „исхлопатывать награды и повышенія“ (всякій пойметъ, кто эти „таинственные незнакомцы!“) — устроили типографію, въ которой печатались черносотенныя, погромныя воззванія, съ надписью на оригиналахъ: „Печатать: Треповъ“.

Департаментскіе „патріоты“ такъ успѣшно выполнили порученіе, что докладывали буквально слѣдующее: „Погромъ устроить можно какой угодно: *хотите на 10 человѣкъ, а хотите и на 10 тысячъ!*“

Такія-же документальныя разоблаченія были сдѣланы и насчетъ „патріотическихъ“ погромовъ въ Вологдѣ (гдѣ „орудовалъ“ жандармскій ротмистръ Пышкинъ), Камышинѣ и Царицынѣ.

Непривыкшій еще къ „конституціоннымъ“ порядкамъ, г. Столыпинъ, самъ въ свое время—въ качествѣ саратовскаго губернатора—организовавшій легонькій „погромчикъ“ земскихъ врачей въ Балашовѣ, совершенно растерялся и залепеталъ о томъ, „что то, что нехорошо, того больше не будетъ“. Тов. *Рамишвилли* сейчасъ-же пригвоздилъ къ позорному столбу это полу-признаніе: разъ министръ могъ обѣщать, что „больше не будетъ“, онъ этимъ самымъ „призналъ, что это дѣло рукъ министерства“, что отъ министерства зависитъ, быть или не быть погромамъ.

Но мало того: г. Столыпинъ увѣрялъ, что, „вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, получилъ всю полноту власти“ и потому не допуститъ никакихъ „таинственныхъ незнакомцевъ“,—о которыхъ кн. Урусовъ выразился, какъ о „вахмистрахъ по воспитанію, погромщикахъ по убѣжденіямъ“,—никакихъ „ротмистровъ Пышкиныхъ“ организовать погромы за его спиною. Съ тѣхъ поръ, во время пребыванія г. Столыпина въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, былъ устроенъ Бѣлостокскій по-

громъ, въ которомъ участвовали войска и полиція, еле-еле прикрывавшіяся кучкой патріотствующихъ хулигановъ; а когда „полнота власти“ г. Столыпина еще увеличилась, благодаря тому, что онъ занялъ мѣсто премьера (перваго министра), былъ устроенъ погромъ въ Сѣдлецѣ, гдѣ даже хулигановъ не было, а грабили и громили одни войска.

Съ тѣхъ поръ было опубликовано письмо къ Столыпину бывшаго директора департамента полиціи — Лопухина, и въ этомъ письмѣ еще разъ подробно разсказывалось, как господа жандармы, полицейскіе и шпіоны, подъ общимъ руководствомъ покойнаго дворцоваго коменданта Трепова, организовывали погромы. Было опубликовано донесеніе сѣдлецкаго жандармскаго ротмистра Пѣтухова, разсказывавшаго, какъ полковникъ Тихановскій громилъ своими войсками городъ, бралъ „заложниковъ“ и подыскивалъ стражника, который, притворившись сумасшедшимъ, „нечаянно“ перестрѣлялъ-бы или отравилъ этихъ „заложниковъ“.

И если, вопреки своимъ словамъ въ засѣданіи Государственной Думы 8 іюня, г. Столыпинъ не вышелъ въ отставку, то это значитъ, что его министерство принимаетъ на себя вину за погромы. Это значитъ, что г. Столыпинъ „привыкъ“ къ „конституціи“ и рѣшилъ продолжать и усовершенствовать то дѣло, которое онъ такъ счастливо началъ въ Балашовѣ.

Но суть дѣла не въ томъ, что *то или другое министерство* устраиваетъ погромы. Суть въ томъ, что весь самодержавный режимъ не можетъ держаться иначе, какъ насиліемъ, ибо у него нѣтъ другой опоры въ народѣ.

Пока самодержавное правительство не сойдетъ со сцены и не уступитъ своего мѣста правительству, опирающемуся на волю народа, до тѣхъ поръ, какое бы министерство ни было у власти, оно вынуждено будетъ устраивать погромы россійскихъ гражданъ— въ видѣ ли наиболѣе легко организуемыхъ погромовъ инородцевъ, въ видѣ-ли карательныхъ экспедицій, обращающихъ въ груду развалинъ цѣлыя губерніи, въ видѣ-ли военно-полевыхъ расправъ. Все это—слѣдствіе одной и той-же причины: самодержавное правительство можетъ сохранять свое существованіе только голымъ насиліемъ и натравливаніемъ одной части населенія на другую — русскихъ на инородцевъ, арміи—на народъ, рабочихъ и крестьянъ—на „интеллигенцію“ и т. д. и т. д.

Положить конецъ погромамъ всякаго рода можно не иначе, какъ вырвавъ съ корнемъ ядовитое растеніе самодержавныхъ порядковъ. Одной отставки министерства для этого недостаточно. Надо еще, чтобы отставка министерства повлекла за собою дѣйствительную чистку всей администраціи, чтобы она знаменовала собою дѣйствительное сверженіе самодержавія. Иначе и думское министерство останется безсильнымъ въ своемъ противодѣйствіи

тѣмъ таинственнымъ „вахмистрамъ“ и „ротмистрамъ Пышкинымъ“, которые стоятъ такъ недосягаемо высоко, что могутъ „выхлопатывать награды и повышенія въ чинахъ“.

Вотъ почему соціалдемократы никоимъ образомъ не могли удовлетвориться той „формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ“, которую предложили ка-деты. Ка-деты въ своей формулѣ сказали:

1) что въ погромахъ усматриваются „несомнѣнные признаки *общей организаціи* и явное *соучастіе* въ нихъ должностныхъ лицъ“;

2) что министерство „безсильно прекратить упомянутыя явленія“ и обнаружило „полное *непониманіе* условій, создающихъ неизбѣжность повторенія подобныхъ явленій“;

3) что „только министерство, опирающееся на *народное представительство*, можетъ имѣть достаточно *нравственнаго* авторитета и силы для подчиненія своимъ указаніямъ подвѣдомственной администраціи и устраненія безотвѣтственныхъ *постороннихъ* вліяній“; и

4) что поэтому необходима „немедленная отставка настоящаго министерства и передача власти кабинету, пользующемуся довѣріемъ Государственной Думы“.

Соціалдемократы, обращаясь въ своей „формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ“, какъ всегда, не къ Думѣ, а къ народу, сочли своимъ долгомъ сказать больше.

Они сказали, что имя той „общей организаціи“, о которой говорили ка-деты,—*самодержавная* бюрократія; что суть дѣла не въ томъ, что отдѣльныя „должностныя лица“ „соучаствовали“, а въ томъ, что вся администрація сверху до низу вела опредѣленную „политику“ погромовъ и насилій; что, поэтому, для искорененія погромовъ нужно искоренить, прежде всего, весь существующій самодержавно-бюрократическій строй; нужно рѣзко порвать съ этимъ строемъ, вырыть между собою и имъ пропасть, объявивъ агентовъ его виновными въ уголовныхъ преступленіяхъ противъ народа. А разъ это такъ, разъ задача состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить самодержавно-бюрократическій строй, то нелѣпо думать, что всю эту колоссальную политическую работу можно выполнить *за* народъ, опираясь на „нравственный“ авторитетъ Думы. Нѣтъ, только *самъ народъ* можетъ добиться освобожденія отъ господства „вахмистровъ и погромщиковъ“, а Дума должна оказать народу въ этомъ дѣлѣ помощь и поддержку.

Этотъ ходъ мыслей и продиктовалъ членамъ возникавшей фракціи слѣдующую, предложенную ими формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Принимая во вниманіе:

1) что съ 17 октября по нынѣшній день все управленіе госу-

дарствомъ заключалось въ одномъ сплошномъ нарушеніи всѣхъ правъ русскихъ гражданъ со стороны администраціи;

2) что при этомъ члены администраціи, отъ высшихъ до низшихъ, совершали безнаказанно самыя тяжкія преступленія по отношенію къ жизни, имуществу, чести и неприкосновенности отдѣльныхъ гражданъ и цѣлыхъ народностей;

3) что правительственные агенты систематически организовывали въ политическихъ цѣляхъ бойни мирныхъ гражданъ, сопровождавшіяся убійствами, разбоемъ, изнасилованіями, грабежами, поджогами и другими преступленіями;

4) что высшая администрація прикрывала эти преступленія своихъ агентовъ, преслѣдуя незаконными мѣрами всѣ попытки разоблаченія ихъ со стороны печати, частныхъ лицъ и органовъ суда;

5) что вся эта дѣятельность, разоряя Россію и вызывая крайнее ожесточеніе среди гражданъ, позоритъ Россію въ глазахъ всего цивилизованнаго міра;

6) что объясненія нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ не сняли съ высшей администраціи этихъ обвиненій;

7) что весь составъ высшей администраціи при нынѣшнемъ и предыдущемъ кабинетахъ подлежитъ суду по обвиненію въ рядѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій;—

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ, выражая увѣренность, что великій русскій народъ добьется проведенія въ жизнь этого постановленія".

По поводу заявленія соціалдемократической формулы, что весь составъ администраціи „*подлежитъ* суду", ка-детскій докладчикъ, проф. Гредескулъ, очень много иронизировалъ: „Господа, что значитъ преданіе суду? Какому суду мы предадимъ министерство? Вѣдь такого суда у насъ нѣтъ... Слѣдовательно, въ настоящее время предложеніе г. Рамишвили не заключаетъ въ себѣ ничего *реальнаго*, оно есть только призывъ къ *чувству*" [1]) и т. д. и т. д. Г. Гредескулъ былъ бы вполнѣ правъ, если-бы соціалдемократы предложили въ качествѣ „*реальной мѣры*" „немедленное преданіе суду", какъ это сдѣлали впослѣдствіи, при обсужденіи вопроса о Бѣлостокскомъ погромѣ, сами ка-деты [2]).

Требовать „немедленнаго преданія суду", когда весь судъ находится въ рукахъ тѣхъ-же насильниковъ и ихъ „родныхъ человѣчковъ", значитъ, дѣйствительно, либо фразой, бьющей на чувство, стараться увильнуть отъ серіознаго отвѣта на вопросъ, либо стараться спасти преступниковъ противъ народа, предоставляя имъ возможность порѣшить все дѣло „промежъ себя" на основѣ

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1178.
[2]) Тамъ-же, стр. 1829.

правила: „рука руку моетъ“, — судейскій крючокъ полицейскаго не выдастъ.

Но соціалдемократы поступили вовсе не такъ. Г. Гредескулъ нарочно замазалъ то, въ чемъ заключался „духъ живъ“ ихъ формулы: указаніе народу, что только онъ самъ можетъ „добиться проведенія въ жизнь этого постановленія“.

Итакъ, вотъ разница:

Ка-деты говорили *погромщикамъ*: отдайте намъ власть, и погромовъ не будетъ, потому что всѣ ваши квартальные склонятся передъ нашимъ „нравственнымъ авторитетомъ“, нашей добродѣтелью.

Соціалдемократы-же говорили *народу*: вырви власть изъ рукъ погромщиковъ, вышвырни всѣхъ ихъ ставленниковъ, добейся такихъ порядковъ, чтобы былъ возможенъ праведный судъ надъ преступниками противъ твоей жизни и чести, и тогда только не будетъ погромовъ.

Что-же болѣе „реально?“ Обращеніе къ „чувствамъ“ погромщиковъ или къ сознанію народа?

Ка-деты предпочли первое; трудовики—какъ это обыкновенно съ ними бывало въ трудныхъ случаяхъ — своей опредѣленной формулы не имѣли и при голосованіи разбились.

Благодаря ка-детамъ и трудовикамъ, соціалдемократическая формула была отвергнута, и самодержавно-бюрократическій котъ, выслушавъ наставленія ка-детскаго повара, преспокойно принялся за уписываніе курчонка—сначала бѣлостокскаго, а потомъ и сѣдлецкаго...

В) Свобода собраній.

Право собраній—одно изъ важнѣйшихъ правъ народа. Но особенно большое значеніе имѣетъ это право для рабочихъ.

О чемъ ни зайдетъ рѣчь у рабочихъ—о самомъ мелкомъ улучшеніи фабричныхъ распорядковъ или о самомъ коренномъ преобразованіи государства—рабочимъ всегда приходится дѣйствовать и бороться *массой*. Крестьянинъ, мелкій ремесленникъ и т. д. еще могутъ мечтать улучшить свое хозяйственное положеніе въ одиночку, своими силами. Рабочему объ этомъ смѣшно и подумать. Какъ повыситъ онъ въ одиночку расцѣнки? Какъ добьется отмѣны штрафовъ, сокращенія рабочаго времени и т. п.? Очевидно, для всѣхъ этихъ дѣлъ рабочимъ нужно сговариваться между собою, а, слѣдовательно, и *собираться*.

Къ тому же рабочимъ приходится собираться въ крупныхъ городахъ, гдѣ много полиціи и гдѣ она можетъ усердствовать во всю. Малѣйшее стѣсненіе права собраній даетъ полицейскимъ

ищейкамъ поводъ чинить рабочимъ безконечныя затрудненія, разстраивать ихъ собранія, мѣшать ихъ сговору и организаціи.

Но, важное всегда, особенно важнымъ является право собраній въ такое время, какое переживаетъ Россія сейчасъ: время ломки стараго и возведенія новаго государственнаго зданія; время, когда открыто сталкиваются между собою умирающія силы прошлаго и нарождающіяся силы будущаго; время, когда самодержавная бюрократія изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы задавить народное движеніе, и когда народъ всѣ усилія напрягаетъ, чтобы столковаться, объединиться, организоваться для борьбы за землю и волю.

Понятно, почему соціалдемократическая фракція придала особо важное значеніе вопросу о свободѣ собраній и именно его выбрала для открытаго выступленія своего. Въ первое же засѣданіе Думы по этому вопросу т. *Джапаридзе* выступилъ отъ имени фракціи и прочелъ помѣщенную выше декларацію ея. И затѣмъ почти всѣ пренія по вопросу о свободѣ собраній свелись къ дуэли между соціалдемократами и ка-детами, защищавшими внесенный ими законопроектъ.

А законопроектъ этотъ, дѣйствительно, былъ ниже всякой критики съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса [1]). Цѣлый

---

[1]) Вотъ текстъ ка-детскаго законопроекта:

1. Россійскіе граждане вольны собираться мирно и безъ оружія, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.

2. Воспрещаются собранія подъ открытымъ небомъ, въ разстояніи одной версты отъ мѣста дѣйствительнаго пребыванія Государя Императора и отъ мѣста засѣданій Государственной Думы, во время ея сессіи.

3. Воспрещаются всякія собранія на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ.

4. Собранія на площадяхъ, улицахъ и въ другихъ проѣздахъ и проходахъ, открытыхъ для общественнаго пользованія, допускаются постольку, поскольку они не препятствуютъ свободному уличному движенію.

5. Собраніе признается публичнымъ, если доступъ въ оное не обусловленъ личнымъ приглашеніемъ. Собранія членовъ обществъ или союзовъ зарегистрированныхъ не признаются публичными.

6. О публичныхъ собраніяхъ, созываемыхъ для совмѣстнаго обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, въ городскихъ поселеніяхъ или на разстояніи пяти верстъ отъ оныхъ, устроители обязаны извѣстить начальника мѣстной полиціи (градоначальника, оберъ-полицмейстера, исправника) не позднѣе, чѣмъ за 24 часа до созыва собранія. О собраніяхъ, созываемыхъ по воспослѣдованіи указа, назначающаго время выбора въ Государственную Думу, заявленіе должно быть дѣлаемо не позднѣе, какъ за 4 часа до времени открытія собранія.

За несоблюденіе этого правила устроители подвергаются денежному штрафу не свыше ста рублей.

7. Для собраній, устраиваемыхъ за предѣлами городскихъ поселеній и пятиверстнаго отъ оныхъ разстоянія, предварительное заявленіе не требуется.

8. По требованію устроителей собранія полиціею выдается удостовѣреніе въ сдѣланномъ заявленіи, съ указаніемъ дня и часа.

9. Начальникъ мѣстной полиціи можетъ назначить для присутство-

рядъ соціалдемократическихъ ораторовъ (тт. Джапаридзе, Рамишвилли, Ершовъ, Чурюковъ, Савельевъ, Жорданія) параграфъ за параграфомъ разбирали ка-детскій законопроектъ и показывали его непріемлемость для рабочихъ.

Только § 1 устанавливаетъ положительное *право* собраній, да и то сейчасъ-же снабжаетъ это право оговоркой: „безъ оружія". Всѣ остальные параграфы содержатъ только запрещенія и ограниченія.

§ 2, если предположить пребываніе царя въ Петербургѣ во время сессіи Думы, дѣлаетъ, какъ указалъ тов. *Ершовъ*, районъ въ цѣлыхъ 8 квадратныхъ верстъ, т. е. весь центръ города, недоступнымъ для собраній. И почему такое ограниченіе? Относительно мѣстопребыванія Государя Императора разъяснилъ это за ка-детовъ мирно-обновленецъ, графъ Гейденъ: „Особа главы государства должна быть священна, мы должны ограждать его спокойствіе всѣми силами, и если мы хотимъ жить подъ сѣнью монархическаго государства (*шумъ*), то мы должны это государство охранять" [1]).

Ну, а Дума? Она—собраніе людей, посланныхъ народомъ и имѣющихъ полномочія отъ народа,—она тоже хочетъ быть „священной" для народа? Она тоже хочетъ изображать изъ себя носительницу божьей благодати и стоять такъ высоко *надъ* избравшимъ ее народомъ, чтобы, когда онъ станетъ приближаться къ ней, отвѣтить ему новымъ, думскимъ 9-ымъ января?

Это высокомѣріе людей, вообразившихъ себя носителями „частицы Верховной власти" (гр. Гейденъ), не слугами народа, а господами его, и эту боязнь народа бичевалъ т. *Рамишвилли*, когда говорилъ:

„Господа составители проекта! Если васъ будутъ рѣзать здѣсь— а это возможно—то отъ кого вы будете ожидать спасенія? Отъ тѣхъ господъ, которые васъ будутъ душить, или отъ того народа, который открылъ эти двери и пустилъ васъ сюда, отъ того на-

---

ванія на собраніи уполномоченное лицо, обязанное быть въ форменной одеждѣ.

10. Начальнику мѣстной полиціи или уполномоченному отъ него лицу полицейской службы предоставляется закрыть публичное собраніе: а) если оно состоится въ нарушеніе правилъ 2—4 настоящаго закона и б) если оно приметъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности.

11. Если по объявленіи собранія закрытымъ присутствующіе на немъ не разойдутся, то начальнику полиціи или уполномоченному отъ него лицу предоставляется, по двукратномъ предупрежденіи, удалить неповинующихся мѣрами принужденія.

12. Статьи 6—10 настоящаго закона не распространяются на публичныя собранія, устраиваемыя по распоряженію правительственныхъ мѣстъ и лицъ или органовъ мѣстнаго самоуправленія.

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1416.

рода, который поддержитъ васъ во время столкновенія съ правительствомъ? Этотъ народъ надо допустить поближе къ себѣ; мы не должны бояться народа и соприкосновенія съ нимъ“ [1]).

Ожесточенное сопротивленіе социалдемократовъ вызвалъ § 3. Они указывали, что запрещеніе собраній на полотнѣ желѣзной дороги не можетъ имѣть другого смысла, кромѣ помѣхи собраніямъ и организаціи желѣзнодорожныхъ рабочихъ,—тѣхъ самыхъ, которые сыграли такую огромную революціонную роль въ октябрьскихъ событіяхъ, давшихъ жизнь и существованіе самой Думѣ. Они указывали, что подъ выраженіе „полотно желѣзной дороги“ будетъ подведена вся полоса отчужденія, и всякія собранія желѣзнодорожниковъ у мастерскихъ, вокзаловъ и т. д. станутъ невозможными. Ка-деты отвѣчали, будто имѣются въ виду только рельсы, и ограниченіе это введено исключительно „въ интересахъ самихъ-же собирающихся“, чтобы они, дескать, не попали подъ поѣздъ! Почему-же, въ такомъ случаѣ, такое исключительное вниманіе именно этому виду опасности? Почему заодно не оговорили, что нельзя собираться на крышѣ, чтобы не провалиться, на тонкомъ льду, чтобы не утонуть, на пожарищѣ, чтобы не сгорѣть, и т. д. и т. д.? Очевидно, „умыселъ другой тутъ былъ!“ И, дѣйствительно, другой! Ибо о „безопасности“ ка-деты заговорили лишь тогда, когда ихъ прижали къ стѣнѣ. Раньше-же они ссылались на то, что собраніе на полотнѣ желѣзной дороги „загромождаетъ путь“. Проф. Гредескулъ такъ прямо и сказалъ: „Если мы не позволяемъ загромождать рельсъ желѣзныхъ дорогъ *полѣньями* или вообще какими-либо предметами, то нельзя загромождать ихъ также *человѣческими тѣлами*“ [2]). Полѣнья и... человѣческія „тѣла!“ Какъ будто рѣчь идетъ о какомъ-то стадѣ, которое ка-детскимъ законодателямъ нужно „убрать“ съ пути! Очевидно, мысль составителей законопроекта усиленно вертѣлась около вопроса о томъ, какъ помѣшать остановкѣ движенія на желѣзныхъ дорогахъ, желѣзнодорожной забастовкѣ. Въ подтвержденіе необходимости § 3 проф. Котляревскій привелъ случай въ Голландіи, гдѣ „во время общей желѣзнодорожной стачки“ поѣздъ, руководимый войсками и штрейкбрехерами, наѣхалъ на митингъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и передавилъ нѣсколько человѣкъ. Отсюда, конечно, проф. Котляревскій выводитъ не необходимость запретить довѣрять веденіе поѣздовъ штрейкбрехерамъ и неопытнымъ солдатамъ, а необходимость затруднить желѣзнодорожникамъ проведеніе забастовки въ интересахъ „свободы передвиженія“. А между тѣмъ проф. Котляревскій, навѣрное, и сапогъ не успѣлъ износить съ тѣхъ поръ, какъ именно октябрьская желѣз-

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1409.
[2]) Тамъ-же, стр. 1419.

подорожная забастовка позволила ему „передвинуться" изъ нѣдръ Саратовской губерніи въ мягкія кресла Таврическаго дворца!

Было-бы слишкомъ долго останавливаться на каждомъ параграфѣ въ отдѣльности. Достаточно прикинуть только въ умѣ, что могутъ сдѣлать изъ ка-детскаго закона господа полицейскіе, которымъ законопроектъ и предоставляетъ быть судьями во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, чтобы увидѣть, что г. Столыпинъ могъ-бы спокойно принять ка-детскій законопроектъ, и ни одно, неугодное правительству, собраніе не могло-бы состояться. Любое собраніе оказалось-бы или „препятствующимъ свободному уличному движенію", или заявленнымъ за $23^1/_2$, а не за 24 часа, или „угрожающимъ общественной безопасности", и потому любое могло-бы быть въ любой моментъ закрыто полицейскимъ чиномъ, даже „мѣрами принужденія".

Ка-деты говорили, что эти правила разсчитаны на будущее, отвѣтственное министерство, на министерство, состоящее изъ ка-детовъ. Въ такомъ случаѣ нужно признать, что всѣ представленія ка-детовъ о государственной власти пропитаны тѣмъ-же бюрократическимъ духомъ, духомъ опеки надъ народомъ, какъ и представленія гг. Столыпиныхъ и компаніи. Народъ—это стадо барановъ; пустите его собираться свободно, и онъ сейчасъ-же полѣзетъ подъ поѣздъ, загородитъ всѣ проходы и проѣзды, устроитъ рѣзню, нарушитъ общественную безопасность. И только, если попечительное ка-детское министерство приставитъ къ нему няньку, въ видѣ „полицейскаго чина", все обойдется благополучно. На сей случай въ законопроектѣ и предусмотрѣны „градоначальники, оберъ-полицмейстеры, исправники". Вся разница будетъ, стало быть, лишь въ томъ, что всѣ эти почтенные люди будутъ въ „ка-детскихъ" мундирахъ. „Хорошо, тогда скажите прямо, что вы хотите измѣнить лицъ, а не систему", сказалъ т. *Жорданія*. „Мы стоимъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія. Мы думаемъ, что народъ достоинъ полной, неограниченной свободы. Народъ фактомъ своей борьбы уже пріобрѣлъ право собираться. Онъ собирается въ лѣсахъ, подвалахъ, безъ полиціи и помимо полиціи, и никакого безпорядка не бываетъ на этихъ собраніяхъ. Народъ фактически уже привыкъ собираться безъ полиціи, а вашъ проектъ принуждаетъ его собираться съ полиціей" [1]).

Но мало того. Пусть эти правила выполняются будущимъ, „ка-детскимъ" министерствомъ. „Но неужели на основаніи этого вы можете отъ насъ требовать заранѣе довѣриться этому будущему вашему министерству?", говорилъ тотъ-же т. *Жорданія*. „Конечно, мы будемъ очень рады, что будетъ министерство либеральное, что не будетъ того министерства, которое громитъ всю Россію; но это еще не значитъ, что мы должны абсолютно

---

1) Стеногр. отчетъ, стр. 1530.

довѣриться этому вашему министерству; мы знаемъ цѣну всѣмъ этимъ либеральнымъ министерствамъ; мы знаемъ, что даже въ эпоху революціонную такія министерства разстрѣливали народъ за всѣ его радикальныя требованія... Мы знаемъ это и потому говоримъ: дайте намъ гарантію, дайте намъ такія условія, при которыхъ мы будемъ имѣть свободу... Въ нашихъ интересахъ настаивать на томъ, чтобы будущая власть не могла давить народъ — вотъ это есть нашъ интересъ, интересъ рабочаго класса... Мы не хотимъ этой власти дать такихъ правъ, которыми она могла бы пользоваться противъ насъ". [1]).

Такъ разсуждали соціалдемократы. Ка-деты создавали законы для будущей, буржуазной власти; они хотѣли укрѣпить эту власть, чтобы она могла держать въ подчиненіи народъ. Они стремились упрочить господство буржуазіи. Соціалдемократы поддерживаютъ буржуазію въ ея борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ. Но для нихъ господство буржуазіи—не цѣль; побѣда буржуазіи надъ самодержавнымъ правительствомъ нужна соціалдемократамъ для того, чтобы, какъ выразился т. *Джапаридзе*, [2]), „предоставить народу возможно широкія рамки и предѣлы для его работы" въ борьбѣ за свое полное соціальное освобожденіе. Поэтому, желая, чтобы будущая, буржуазная власть была сильна по отношенію къ *реакціи*, соціалдемократы въ то же время желаютъ, чтобы она была слаба по отношенію къ *народу*, чтобы она „не могла давить на народъ". „Вы говорите", сказалъ, обращаясь къ кадетамъ, т. *Жорданія*: „нужны либеральные жандармы, чтобы они охраняли законъ. А мы говоримъ, что не нужно вообще жандармовъ, ни реакціонныхъ, ни либеральныхъ" [3]).

Согласно требованіямъ партійной программы, соціалдемократія „поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка, *рѣшительно отвергая* въ то-же время всѣ тѣ реформаторскіе проекты, которые связаны съ какимъ-бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ *полицейско-чиновничьей опеки* надъ трудящимися классами". Отвергла соціалдемократія и „либеральную" „полицейско-чиновничью опеку" кадетскаго законопроекта о собраніяхъ.

Но и съ точки зрѣнія самой либеральной буржуазіи трудно было придумать что-либо болѣе нелѣпое, чѣмъ этотъ пресловутый законопроектъ (и выработанные ка-детами въ такомъ же духѣ законопроекты о свободѣ печати и союзовъ). Дѣло идетъ сейчасъ еще о завоеваніи свободы, а ка-деты стали уже заботиться о „регулированіи" этой, еще несуществующей свободы, о томъ, чтобы

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1530.
[2]) Тамъ-же, стр. 1463.
[3]) Тамъ-же, стр. 1531.

ею не „злоупотребляли". Для ка-детовъ, какъ говоритъ „объяснительная записка", приложенная къ ихъ законопроекту, „важно привести въ согласіе интересы свободы съ интересами общественнаго порядка" [1]). Добрые люди совершенно позабыли при этомъ, что борьбу за свободу еще только ведетъ *народъ*, а дѣло „общественнаго порядка" уже находится въ желѣзныхъ рукахъ самодержавной *бюрократіи*. Забыли, и поспѣшили, въ разсчетѣ на свое „будущее" министерство, предложить не будущему, а вполнѣ реально существующему министерству смертныхъ казней и карательныхъ экспедицій такую „полноту власти", которая сдѣлала-бы ихъ собственныя, „ка-детскія" собранія невозможными.

А при этомъ, кажется, нетрудно было-бы понять, что лишь тѣ думскіе законопроекты имѣютъ надежду превратиться въ законъ, которые угодны правительству: вѣдь для того, чтобы стать закономъ, думскіе законопроекты должны быть одобрены Государственнымъ Совѣтомъ и удостоены Высочайшаго утвержденія. Не сами ли ка-деты говорили, что такое положеніе дѣлаетъ Думу безвластною и безсильною? А въ такомъ случаѣ ясно, что думскіе законы должны были быть ничѣмъ инымъ, какъ возвѣщеніемъ, передъ лицомъ всего народа, *правъ народа*, какъ тѣмъ знаменемъ, которое Дума поднимаетъ отъ имени народа въ борьбѣ съ правящей камарильей; должны были быть ничѣмъ инымъ, какъ требованіемъ *отмѣны* всѣхъ тѣхъ ограниченій свободы, которыя, какъ цѣпи, налагаетъ правительство на народъ.

Вотъ почему соціалдемократическая фракція дѣйствовала не только въ интересахъ рабочаго класса, но въ интересахъ всего народа, всего дѣла русской свободы, когда, въ противовѣсъ ка-детскому законопроекту о свободѣ собраній, внесла свой собственный, формулированный такъ:

„1. Всѣ россійскіе граждане вольны собираться всегда и вездѣ, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, не спрашивая на то никакого разрѣшенія, и вести обсужденіе на какомъ угодно языкѣ.

„2. Должностныя лица, виновныя въ посягательствѣ на свободу собраній, подлежатъ уголовной отвѣтственности.

„3. Отмѣняются всѣ законы, стѣснявшіе свободу собраній, и всѣ ограниченія, основанныя на исключительныхъ законахъ".

Всего три пункта! Но этими тремя пунктами снимались *тысячи* ограниченій, лишающихъ народъ права собраній, и не налагалось, взамѣнъ ихъ, *ни одного* новаго ограниченія. Этими тремя пунктами отнимались у администраціи ея безпредѣльныя *права*, и налагалась на нее *отвѣтственность*. Эти три пункта ясно и опредѣленно возвѣщали народу его права, потонувшія въ трясинѣ 12 пунктовъ ка-детскаго законопроекта.

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1444.

Камня на камнѣ не осталось отъ этого законопроекта послѣ критики, которой подвергли его соціалдемократы. Ка-деты потерпѣли, несомнѣнно, морально-политическое пораженіе и засвидѣтельствовали его раздражительно-злобными выходками противъ соціалдемократическихъ депутатовъ. Особенно усердствовали три профессора, очевидно, бывшіе не въ силахъ переварить „кощунственной" мысли, что могутъ существовать законопроекты, содержащіе всего три пункта и ни одного ограниченія для народа. Помилуйте! Ученые профессора такъ старательно уберегали народъ отъ опасностей, предостерегали отъ нарушенія общественной безопасности, совѣтовали, идя на собраніе, „оружіе оставлять дома" [1]); и вдругъ соціалдемократы говорятъ, что народъ—не дитя, и обойдется безъ профессорской опеки! Для проф. Петражицкаго сейчасъ же стало ясно, что это „критика для критики", что все это дѣлается лишь „для оказательства, такъ сказать, болѣе лѣваго направленія, независимо отъ здраваго смысла и существа дѣла" [2]). И проф. Петражицкому рукоплескали, и строгій думскій предсѣдатель не остановилъ этихъ грубыхъ личныхъ нападокъ. Проф. Шершеневичъ прямо заявилъ, что при тѣхъ взглядахъ, какіе высказалъ т. Рамишвили, онъ „призналъ бы съ его стороны безполезнымъ и самое присутствіе его въ Государственной Думѣ" [3]). И проф. Шершеневичу тоже рукоплескали, а проф. Гредескулъ „вполнѣ присоединился" къ мнѣнію проф. Шершеневича, что „такая точка зрѣнія (какую развивали соціалдемократы) должна быть исключена" [4]). А между тѣмъ, тотъ же проф. Гредескулъ, за пять минутъ до того, „привѣтствовалъ выступленіе въ нашемъ парламентѣ соціалдемократической фракціи" [5]). Что-же это значитъ? Это значитъ, что ка-деты готовы „привѣтствовать" соціалдемократовъ, но съ тѣмъ, чтобы эти соціалдемократы походили, какъ двѣ капли воды, на ка-детовъ. Соціалдемократическая фракція не доставила ка-детамъ этого удовольствія, и они были возмущены до глубины души и, позабывъ „парламентскіе обычаи", стали ругаться, какъ... проф. Петражицкій.

Трудовая группа разбилась при голосованіи, и ка-детскій законопроектъ былъ сданъ въ комиссію для окончательной обработки.

Больше онъ свѣта не увидѣлъ, ибо г. Столыпинъ разогналъ Думу и предоставилъ ка-детамъ „свободу собраній".... въ Выборгѣ, раньше, чѣмъ ка-деты успѣли обезпечить себѣ эту свободу своимъ законопроектомъ.

---

1) Стеногр. отчетъ, стр. 1420.
2) Тамъ-же, стр. 1434.
3) Тамъ-же, стр. 1414.
4) Тамъ-же, стр. 1418.
5) Тамъ-же, стр. 1417.

Г) Смертная казнь.

Не всегда Государственная Дума представляла такую картину внутренней борьбы, какъ во время преній о свободѣ собраній. Были моменты—и немало ихъ было—когда Россія старая и Россія новая стѣной вставали другъ на друга, когда въ Думѣ не было партій, а было единое представительство народа. Это случалось каждый разъ, когда самодержавное правительство, въ лицѣ своихъ министровъ и чиновниковъ, выходило на защиту своихъ основныхъ „священныхъ“ правъ. Тогда неизмѣнно обнаруживалось, что, какъ бы ни кипѣла классовая борьба внутри народа, какія бы различныя цѣли ни ставили себѣ отдѣльные классы,—всѣ они объединены сознаніемъ невозможности жить дольше при тѣхъ условіяхъ азіатскаго деспотизма, въ какихъ дожила Русь до XX вѣка. Однимъ нужна свобода для дальнѣйшей борьбы, другимъ — для упроченія своего хозяйственнаго благополучія, третьимъ—просто для „успокоенія“, для прекращенія той „смуты“, которая мѣшаетъ спокойному наслажденію жизнью и спокойному пользованію богатствомъ, наукой, искусствомъ. Но для чего бы ни нужна была политическая свобода различнымъ классамъ, и какой бы свободы они ни добивались, одно ясно для всѣхъ: неограниченному владычеству кучки людей надъ жизнью, честью, имуществомъ 130-милліоннаго народа долженъ быть положенъ конецъ, иначе страна превратится въ гніющій трупъ...

А между тѣмъ именно это свое право на жизнь народа явились отстаивать въ Думу господа министры и военные прокуроры.

Съ перваго дня своего существованія Государственная Дума не переставала протестовать противъ смертной казни. Ни одного смертнаго приговора не пропускала она безъ запроса министерству и безъ требованія отложить приведеніе приговора въ исполненіе до разсмотрѣнія дѣла въ Думѣ. Но правительство не могло потерпѣть такого покушенія на его „священныя“ права. Конечно, по существу дѣла, смертная казнь не такъ ужъ необходима для правительства. Пока власть у него въ рукахъ, оно находило, находитъ и будетъ находить тысячу средствъ, чтобы уморить своихъ враговъ — борцовъ за волю и счастье народа. Еще со времени Елизаветы Петровны положено было начало „отмѣнѣ“ смертной казни за уголовныя преступленія. Николай I подтвердилъ эту отмѣну. А между тѣмъ въ царствованіе того же Николая I сотни людей были казнены — не смертной казнью, а тѣмъ, что ихъ „прогоняли сквозь строй“ и 12—16 тысячами ударовъ засѣкали до смерти. Когда наступили болѣе „цивилизованныя“ времена, правительство умѣло каторгою, тюрьмою, ссылкою вгонять въ

гробъ, доводитъ до самоубійства, до сумасшествія цѣлыя вереницы героевъ народнаго освобожденія.

Но правительству этого мало. Ему нужно именно имѣть и доказать свое право на жизнь каждаго изъ „подданныхъ“. Покуситься на это священное право—вѣдь, это значитъ покуситься на его полновластіе, значитъ сказать: вотъ грань, гдѣ останавливается правительственная власть. И, какъ въ свое время розга, такъ теперь смертная казнь стала знаменемъ, стала символомъ правительственнаго всевластія.

И чѣмъ больше Государственная Дума съ поразительнымъ единодушіемъ [1]) настаивала на прекращеніи смертныхъ казней, тѣмъ больше правительство старалось подчеркнуть свое „право на жизнь“. Съ утонченнымъ издѣвательствомъ надъ всѣми „запросами“ Думы, оно, наперекоръ ея требованіямъ, начало практиковать казни въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда: казнили съ судомъ и безъ суда — по велѣнію начальниковъ „карательныхъ отрядовъ“, казнили взрослыхъ и юношей, почти дѣтей.

Еще въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Дума 5 мая заявила, что она „явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда“, и что „страна ждетъ пріостановленія нынѣ-же властью Государя исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ“.

12 мая Дума сдѣлала запросъ о смертномъ приговорѣ надъ 8 юношами-рабочими въ Ригѣ. Въ тотъ-же день эти 8 юношей были разстрѣляны, а 16 мая Дума была увѣдомлена, что ея запросъ препровожденъ „по принадлежности г. военному министру“.

18 мая былъ внесенъ въ Думу законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, и было постановлено обсудить этотъ законопроектъ окончательно не позже, чѣмъ черезъ недѣлю.

26 мая министры морской, военный и юстиціи сообщили Думѣ, что дѣло „представляется въ высшей степени сложнымъ“, и потому необходимо—согласно ст. 56 учрежденія Г. Д.—отложить разсмотрѣніе его на мѣсяцъ, такъ какъ въ болѣе короткій срокъ „подобная работа не можетъ быть выполнена“.

Большинство Думы имѣло слабость уступить этому формальному отводу и отложить разсмотрѣніе законопроекта на мѣсяцъ. Но оно приняло резолюцію, въ которой сказало, что „дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ въ глазахъ страны будетъ не актомъ правосудія, а *убійствомъ*“, и потому требовало пріостановки всѣхъ смертныхъ приговоровъ.

---

[1]) Въ ея средѣ только одинъ Екатеринославскій депутатъ Способный осмѣлился открыто защищать смертную казнь.

На эту резолюцію правительство отвѣтило удвоеніемъ числа смертныхъ казней. А когда 1 іюня главный военный прокуроръ Павловъ явился въ Думу, чтобы отвѣтить отъ имени министерства на ея запросы, то заявилъ, что смертные приговоры будутъ приводиться въ исполненіе, „пока существуетъ законъ, опредѣляющій за извѣстныя преступленія смертную казнь", и что министры не могутъ себѣ позволить „совершенно незаконное вторженіе въ права" генералъ-губернаторовъ. Такими друзьями „законности" оказались господа министры! Еще бы! Они сначала пишутъ „законы", дающіе полный просторъ ихъ насиліямъ и беззаконію, а потомъ оправдываютъ свои беззаконія ссылкою на священный и неприкосновенный „законъ"! А когда дѣло идетъ объ обывателѣ, — ну, тогда „по нуждѣ и закону перемѣна бываетъ"!

Но не говоря о лицемѣрномъ преклоненіи насильниковъ передъ „закономъ", кто мѣшалъ имъ отмѣнить этотъ „законъ", обрекающій сотни людей на смерть по мановенію руки любого бурбона? А, главное, кто мѣшалъ имъ прекратить тѣ разстрѣлы и повѣшенія, которые практикуются чуть-ли не ежедневно съ самымъ грубымъ нарушеніемъ даже существующихъ кровожадныхъ законовъ? Кто мѣшалъ „*миловать*" приговоренныхъ къ смертной казни?

Было совершенно очевидно, что отвѣтъ генерала Павлова есть ничто иное, какъ насмѣшка надъ Думою, какъ грубый пинокъ солдатскаго сапога въ лицо народнымъ представителямъ. Крики „палачъ, убійца" проводили съ каѳедры этого человѣка, на совѣсти котораго лежатъ цѣлыя сотни убійствъ.

Наступилъ, наконецъ, и день 19 іюня, когда истекъ мѣсячный срокъ, потребовавшійся министрамъ для „сложной работы". Что-же придумали за этотъ мѣсяцъ министры? Ровно то-же самое, что еще 1 іюня придумалъ Павловъ: смертныя казни „законны", онѣ правительству нужны, и оно будетъ продолжать примѣнять ихъ. Впрочемъ, нѣтъ; мѣсяцъ все же не прошелъ безслѣдно, и съ помощью „сложныхъ работъ" министерство дошло до мысли, что можно отмѣнить казнь за... „карантинныя преступленія", т. е. за тѣ самыя, за которыя въ теченіе полувѣка существованія „карантинныхъ" правилъ не былъ казненъ *ни одинъ* человѣкъ! Вотъ все, что министерство сочло возможнымъ „уступить" народу.

Одинъ за другимъ всходили на трибуну представители правительства, пока, наконецъ, терпѣніе народныхъ представителей не истощилось, и они съ позоромъ выгнали изъ думскаго зала главнаго военнаго палача—все того-же прокурора Павлова.

Въ этотъ день Дума *единогласно* приняла законъ:

„1. Смертная казнь отмѣняется.

2. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами

(уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, воинскій и военно-морской уставы о наказаніи) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ".

Вотъ двѣ статьи—тоже *всего* двѣ статьи!—а какую гору насилія и произвола могли бы онѣ устранить, какую рѣку крови высушить до дна! За *такіе* законы соціалдемократы голосовали вмѣстѣ съ другими думскими фракціями, и, вспоминая тѣ упреки, которые дѣлались соціалдемократіи по поводу закона о собраніяхъ, т. *Рамишвилли* сказалъ: „Когда комиссія вынесла подходящее рѣшеніе противъ смертной казни, мы шли единодушно съ вами (ка-детами). Въ двухъ пунктахъ было вынесено хорошее рѣшеніе, и мы его поддержали" [1]).

Правда, и это рѣшеніе Думы осталось на бумагѣ; правда, теперь, когда прошло столько мѣсяцевъ послѣ принятія Думою закона объ отмѣнѣ смертной казни, „сложная работа" министерства привела къ военно-полевымъ судамъ и разстрѣлу людей десятками сразу, къ казни „заложниковъ", казни дѣтей, казни женщинъ, казни беременныхъ... Но думскій законъ выразилъ ясно и твердо волю народа. Палачи не могутъ искать себѣ оправданія въ тенетахъ запутанныхъ и робкихъ параграфовъ. И если они продолжаютъ творить свое кровавое „правосудіе", то и они сами и народъ знаютъ, какое имя этому „правосудію". Это имя назвала Государственная Дума въ своей резолюціи 26 мая.

Д) Продовольственный вопросъ.

День 23 іюня былъ особенно выдающимся въ недолгой исторіи Государственной Думы. Быть можетъ, это даже самый выдающійся день въ ея исторіи.

Въ этотъ день разбирался вопросъ о помощи населенію голодающихъ губерній на продовольствіе и обсѣмененіе полей.

Министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ внесли въ Государственную Думу два предложенія. Во-первыхъ: „ассигновать чрезвычайнымъ *сверхсмѣтнымъ* кредитомъ по росписи 1906 года 50 милліоновъ рублей на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній, предоставивъ *министру финансовъ* подкрѣплять заимообразно, по мѣрѣ надобности, за счетъ означеннаго кредита, общій по имперіи продовольственный капиталъ". Во-вторыхъ: „предоставить *министру финансовъ* изыскать источникъ для покрытія означеннаго въ отдѣлѣ первомъ кредита".

Люди, своимъ хозяйничаньемъ доведшіе страну до полнаго

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1524.

истощенія и разоренія, до ежегодной голодовки милліоновъ крестьянъ, явились въ Думу съ требованіемъ средствъ для „помощи“ жертвамъ ихъ собственной политики.

Люди, которымъ Дума неоднократно выражала полное недовѣріе, которыхъ открыто обвиняли въ покровительствѣ всякимъ преступленіямъ, въ прикрытіи хищеній и растратъ, требовали, чтобы именно въ *ихъ* распоряженіе были ассигнованы народными представителями новые десятки милліоновъ рублей.

Люди, которые систематически мѣшали всякой дѣйствительной помощи голодающимъ, закрывали столовыя, арестовывали лицъ, желавшихъ помогать народу, издавали циркуляры съ воспрещеніемъ оказывать помощь „неблагонадежнымъ“ крестьянамъ и ихъ семьямъ, эти люди требовали, чтобы Государственная Дума своимъ голосованіемъ подтвердила оставленіе въ ихъ рукахъ дѣла помощи голодающимъ.

Люди, затрачивающіе въ годъ 2 милліарда народныхъ денегъ на войско, полицію, жандармерію, на цѣлую армію чиновниковъ, на награды и воспособленія цѣлой стаѣ паразитовъ,—словомъ, на поддержаніе собственнаго владычества и на войну съ народомъ, эти люди заявляли, что не могутъ удѣлить изъ выжатыхъ ими изъ народа двухъ милліардовъ ни копейки на нужды самого народа, когда онъ умираетъ съ голоду. Они требовали „сверхсмѣтнаго“ кредита, требовали, чтобы сверхъ тѣхъ 2 милліардовъ, которые уже собраны съ народа и вошли въ смѣту, Дума согласилась возложить на народъ новый налогъ въ десятки милліоновъ рублей и тѣмъ самымъ признать, что „смѣтные“ 2 милліарда дѣйствительно расходуются на „государственныя надобности“, а не расхищаются врагами народа.

Дѣло было совершенно ясно. Ясно было, что Дума должна оказать самую широкую помощь голодающимъ, гораздо болѣе широкую, чѣмъ предлагало министерство. Но ясно было также, что помощь должна быть оказана именно голодающимъ, а не сворѣ чиновниковъ, которая „кормится“ вокругъ продовольственнаго дѣла въ компаніи съ крупными помѣщиками и подрядчиками, сбывающими въ казну скверное зерно по высокой цѣнѣ. А потому ясно было, что, „если Дума поручитъ хоть часть этого дѣла правительству, она погубитъ все дѣло помощи голодающему народу“ [1]).

Съ другой стороны, было совершенно очевидно, что средства для помощи голодающимъ нельзя брать съ самихъ голодающихъ. Правда, „министръ говорилъ, что средствъ нѣтъ. Но мнѣ кажется“, сказалъ т. *Рамишвили*, „что у министровъ, у губернаторовъ, у уѣздныхъ начальниковъ, у всей бюрократіи всегда есть

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1673, рѣчь Рамишвилли.

средства, всегда есть деньги. Я не видѣлъ еще голоднаго министра (*аплодисменты*), голоднаго генерала, не видалъ даже голоднаго уѣзднаго начальника въ самомъ послѣднемъ изъ городовъ—ихъ безъ денегъ, безъ обѣда я не видалъ въ то время, когда стомилліонное русское крестьянство голодаетъ". „Въ Россіи деньги есть, но есть для кучки людей, для растратъ, для дорогихъ удовольствій, а для страдающаго русскаго мужика — нѣтъ. Они говорятъ: деньги у насъ распредѣлены для учрежденій. А эти учрежденія, всѣ они направлены противъ русскаго мужика, противъ русскаго рабочаго. Русское крестьянство не составляетъ никакого учрежденія, оно внѣ работъ правительства, оно внѣ защиты, и для него нѣтъ никакихъ денегъ" [1]).

Какъ же надо было Думѣ поступить, если она хотѣла поставить выше всего интересы народа, хотѣла оказать голодающимъ дѣйствительную помощь, сберечь народные гроши и помѣшать министерству, съ его усиленными охранами и „чрезвычайнымъ" казнокрадствомъ, встать между кускомъ хлѣба и протягивающими къ этому куску руки голодающими крестьянами?

Соціалдемократическая фракція дала ясный и опредѣленный отвѣтъ на всѣ эти вопросы въ слѣдующей резолюціи, которую она предложила Государственной Думѣ:

„Признавая:

1. что значительной части крестьянскаго населенія Россіи грозитъ голодъ, и что населеніе нуждается въ немедленномъ оказаніи самой широкой помощи на продовольствіе и обсѣмененіе полей;

2. что одной изъ главныхъ причинъ крестьянскихъ голодовокъ является безконтрольное хозяйничанье самодержавнаго правительства, распоряжающагося всѣми средствами изъ народнаго кармана, отрывающаго множество рабочей силы на военную и полицейскую службу и своей опекой мѣшающаго развитію хозяйственныхъ силъ крестьянства;

3. что невозможно допустить ни малѣйшаго прикосновенія къ дѣлу помощи голодающимъ правительства и администраціи, являющихся истинными виновниками голодовокъ, тратящихъ народныя деньги на войну съ народомъ и, какъ показалъ неоднократно опытъ, прикрывающихъ расхищеніе собранныхъ на дѣло помощи средствъ и мѣшающихъ отдѣльнымъ лицамъ и общественнымъ организаціямъ оказывать крестьянамъ эту помощь;

соціалдемократическая фракція Государственной Думы предлагаетъ признать, что:

1. въ настоящее время недопустимо сосредоточеніе въ рукахъ безотвѣтственнаго правительства какъ организаціи продоволь-

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1673.

ственной помощи, такъ и всякаго рода продовольственныхъ капиталовъ;

2. отказывая настоящему правительству въ выдачѣ въ его распоряженіе какихъ бы то ни было суммъ, Государственная Дума постановляетъ немедленно образовать *продовольственный комитетъ* при Государственной Думѣ и поручить ему *командировать своихъ членовъ* на мѣста и организовать *мѣстные комитеты изъ среды голодающихъ*, привлекая къ дѣлу помощи органы самоуправленія, городскіе и земскіе, и свободныя общественныя организаціи;

3. не довѣряя офиціальнымъ даннымъ о состояніи государственныхъ финансовъ

и находя, что средства для первоначальной помощи голодающимъ могутъ быть добыты немедленно путемъ

уничтоженія секретныхъ фондовъ,

сокращенія военныхъ расходовъ,

распущенія казачьихъ войскъ, несущихъ полицейскую службу,

уничтоженія расходовъ на жандармерію, полицію, политическій сыскъ и сельскихъ стражниковъ,

сокращенія жалованья и пенсій всѣмъ высшимъ чинамъ, какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомства, и

обращенія на нужды голодающихъ доходовъ съ кабинетскихъ, удѣльныхъ, церковныхъ и монастырскихъ имѣній и капиталовъ,—

Государственныя Дума, для изысканія дальнѣйшихъ средствъ, находитъ необходимой:

дѣйствительную и тщательную провѣрку наличныхъ счетовъ государственнаго казначейства,

для чего и поручаетъ бюджетной комиссіи немедленно выработать и срочно доложить Государственной Думѣ основанія такого рода провѣрки и сокращенія расходовъ" [1]).

Если бы Государственная Дума вступила на путь, указанный соціалдемократами, она прочно связалась бы съ нуждающимся населеніемъ и, опираясь на его поддержку, заставила бы правительство сократить расходы на „войну съ народомъ" и обратить народныя средства на нужды народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ она наложила бы свою руку на источникъ мощи правительства—финансы.

Конечно, правительство могло бы разогнать Думу, какъ оно разогнало ее двѣ недѣли спустя. Но въ такомъ случаѣ всякому крестьянину было бы ясно, что правительство разогнало Думу именно за то, что она хотѣла помочь голодающимъ, хотѣла прекратить безсовѣстное расхищеніе двухъ милліардовъ рублей народныхъ денегъ.

Не такъ разсуждали ка-деты. Они тоже понимали, что не слѣ-

---

1) Стеногр. отчетъ, стр. 1674.

дуетъ довѣрять народныхъ денегъ министерству, отставки котораго не переставала требовать вся Дума; они тоже понимали, что большая часть ассигнованныхъ въ распоряженіе этого министерства денегъ застрянетъ въ карманахъ его чиновниковъ и не дойдетъ до голодающихъ; они тоже понимали, что незачѣмъ вводить новыхъ налоговъ или дѣлать новыхъ займовъ на помощь голодающимъ, что деньги можно взять, сокративъ вредные для народа расходы.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ ка-деты, по тому-же самому вопросу о помощи голодающимъ (обсуждался одинъ запросъ по этому поводу), въ спорѣ съ будущими мирнообновленцами (гр. Гейденомъ, кн. Волконскимъ и другими), заявляли устами г. Родичева: „Пока во главѣ власти стоятъ люди, отстаивающіе гибельное прошлое, до тѣхъ поръ *безплодны будутъ ассигновки*, до тѣхъ поръ голодъ и отчаяніе — вотъ будущее нашей земли“ [1]). И въ томъ же засѣданіи 12 іюня ка-деты внесли и приняли такую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Государственная Дума, признавая, что дѣло помощи голодающему населенію *тормазилось вмѣшательствомъ администраціи*, руководившейся въ этомъ дѣлѣ соображеніями о политической благонадежности, и *будетъ тормазиться* и впредь, пока остается у власти нынѣшнее министерство, что необходима организація помощи при участіи общественныхъ элементовъ, поручая продовольственной комиссіи выработать такой планъ организаціи помощи, при которомъ ассигнованныя средства находились бы подъ строгимъ контролемъ Государственной Думы, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“ [2]).

Когда же, черезъ 11 дней, надо было дѣйствовать, ка-деты забыли свою собственную „формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ“, перепугались и начали, въ спорѣ съ с.-д. повторять то самое, что имъ 12 іюня возражали мирнообновленцы.

Они не рѣшались дѣйствовать смѣло, не рѣшались искать опоры въ народѣ, втянуть народныя массы въ свой споръ съ правительствомъ. Тѣмъ самымъ они дѣлали себя безсильными въ этомъ спорѣ. Хорошо, конечно, стоять на „строго законной почвѣ“, свято блюсти „основные законы“ и проч. и проч. Но это хорошо только тогда, когда *обѣ стороны* соблюдаютъ „законность“, и не только букву, но и духъ ея. Въ спорѣ же Думы съ правительствомъ дѣло обстояло не такъ. Во-первыхъ, и „основные“, и всѣ другіе законы, и временныя правила правительство написало само, не спрашивая народныхъ представителей, и написало, конечно, такъ, какъ было выгодно ему, правительству, а не народу; во-

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1251.
[2]) Тамъ-же, стр. 1259.

вторыхъ, опираясь на свою силу—на войско, полицію, чиновничество, деньги,—правительство не переставало топтать ногами и свои собственные „законы“, и открыло настоящую войну противъ народа. Правительство дѣйствовало силою. Если Государственная Дума хотѣла противодѣйствовать ему, она тоже должна была опереться на силу, и эту силу могъ дать ей народъ.

Ничего этого знать не хотѣли ка-деты; они хотѣли дѣйствовать не *вмѣстѣ съ народомъ*, а *за него*, и рѣшить свой споръ съ министерствомъ, не вынося его „на улицу“. Поэтому, наговоривъ много рѣчей о невозможности довѣрять дѣло помощи голодающимъ министерству, они кончили все-таки тѣмъ, что ассигновали деньги именно министерству, а, чтобы показать свое недовѣріе, дали „пока“ не 50 милліоновъ рублей, какъ просили министры, а 15. Они постановили, что эти деньги должны быть добыты не путемъ новыхъ займовъ или налоговъ, а путемъ сбереженій изъ смѣты, но „изыскать“, какія сбереженія могутъ быть сдѣланы, они предоставили тому же министерству.

Въ такомъ видѣ законъ, принятый большинствомъ Думы, быстро прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ и былъ утвержденъ Государемъ. Министерство, конечно, и не подумало затруднять себя „изысканіями“, а просто начало печатать новый выпускъ ренты, благо все финансовое хозяйство осталось по-прежнему въ его безконтрольномъ вѣдѣніи [1]).

Трудовая группа обнаружила въ продовольственномъ вопросѣ совершенно непростительную слабость. Представители крестьянъ не только не сочли нужнымъ опредѣленно высказаться по такому, чисто крестьянскому дѣлу, какъ помощь голодающимъ деревнямъ на продовольствіе и обсѣмененіе, но и въ преніяхъ принимали весьма слабое участіе. А при окончательномъ голосованіи значительная часть трудовиковъ голосовала вмѣстѣ съ ка-детами и провела ихъ предложеніе.

Въ результатѣ рѣшеніе Думы по продовольственному вопросу оказалось и глупымъ, и вреднымъ. Глупымъ—потому, что своимъ робкимъ рѣшеніемъ Дума не добилась рѣшительно никакой уступки правительства въ интересахъ голодающаго народа. Вреднымъ—потому, что правительство явно одержало побѣду надъ Думой: добилось отъ народныхъ представителей ассигнованія денегъ въ свое распоряженіе, т. е. добилось фактически выраженія довѣрія;

---

[1]) Теперь уже извѣстно, какъ распорядилось правительство этими 15 милліонами. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Гурко, самолично заключилъ, при таинственномъ участіи хозяйки какой-то „корсетной“ мастерской, контрактъ на поставку 10 милліоновъ пудовъ хлѣба... съ *ватерклозетной* фирмой Лидваль и выдалъ ей 1.500.000 рублей авансомъ. Надо думать, г. Гурко вполнѣ сочувствуетъ мудрой римской поговоркѣ „золото не пахнетъ“.

ибо кто же станетъ давать деньги людямъ, которымъ не довѣряетъ? Очевидно, слова Думы о недовѣріи къ министерству встали въ разрѣзъ съ дѣлами ея, а это не могло не умалять уваженія къ Думѣ со стороны народа. Но, самое главное,—правительство убѣдилось, что даже въ такихъ жгучихъ для народа вопросахъ, какъ помощь голодающимъ, думское большинство боится опереться на народное движеніе, „соединиться съ народомъ", по выраженію т. Михайличенко. Это, несомнѣнно, придало правительству смѣлости, когда оно черезъ двѣ недѣли захлопнуло передъ народными представителями двери Таврическаго дворца и грубо разогнало ихъ.

Своимъ рѣшеніемъ думское большинство портило собственное свое дѣло.

Е) Бѣлостокскій погромъ.

1-го іюня начался погромъ въ Бѣлостокѣ. 1-го іюня, т. е. еще до того, какъ Столыпинъ давалъ объясненія на запросъ о погромахъ; до того, какъ онъ заявилъ, что „вся полнота власти" въ его рукахъ, что, если бы это было иначе, если бы должностныя лица — полицейскіе и жандармы, — дѣйствительно, имѣли возможность устраивать погромы по приказу „высокопоставленныхъ" черносотенцевъ, то онъ, Столыпинъ, немедленно вышелъ бы въ отставку; до того, какъ онъ, смущенный разоблаченіями кн. Урусова, пролепеталъ, что „впредь этого не будетъ", и что всѣ виновные понесутъ наказаніе.

На этотъ разъ Дума не ограничилась однимъ запросомъ, а поручила комиссіи по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ послать нѣсколько своихъ членовъ въ Бѣлостокъ для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ и обстановки погрома. Комиссія послала депутатовъ: Араканцева, Щепкина и Якубсона, которые собрали и доложили Думѣ всѣ возмутительныя подробности погрома.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на этихъ подробностяхъ; онѣ слишкомъ хорошо извѣстны: пожары, грабежи, убійства стариковъ, женщинъ и дѣтей, вырѣзываніе цѣлыхъ семей, вколачиваніе гвоздей въ голову—вся жестокость, на которую только способенъ одурманенный, напоенный, натравленный звѣрь.

Громятъ войска, едва прикрываемыя кучками хулигановъ; а во главѣ всего—дѣйствующіе по таинственному внушенію свыше генералы, офицеры, губернаторъ, полицейскіе, руководимые режиссеромъ бойни—приставомъ Шереметовымъ. И все то же, ставшее уже обычнымъ, начало погрома: крестный ходъ, „слухи" о бомбѣ, якобы брошенной въ него кѣмъ-то, причемъ объ этой „бомбѣ" говорятъ уже за нѣсколько дней, затѣмъ сдѣланные „кѣмъ-

то“ выстрѣлы—все, что нужно для возбужденія „патріотической“ страсти къ убійствамъ и грабежу.

Знакомая картина! Ее уже видѣла Дума, когда, во время запроса о погромахъ, ораторы одинъ за другимъ разсказывали о Вологдѣ, Калязинѣ, Царицынѣ.

Ее увидѣла она снова во все новыхъ и новыхъ воспроизведеніяхъ, когда, выслушавъ докладъ комиссіи, депутаты начали разсказывать, что дѣлается во всѣхъ концахъ Россіи отъ Сибири до Западной границы, отъ Кавказа до береговъ Ледовитаго океана.

Думская комиссія установила неопровержимо:

что вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась войскамъ;

что погромъ былъ подготовленъ заранѣе;

что поводъ къ погрому („бомба“) былъ также заранѣе пріуготовленъ, предсказанъ властями;

что дѣйствія войскъ и гражданскихъ властей во время погрома состояли въ систематическомъ разстрѣливаніи мирнаго еврейскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей;

что гражданскія и военныя власти не только содѣйствовали погрому, но во многихъ случаяхъ производили его сами въ видѣ убійствъ, истязаній и грабежей;

что официальныя донесенія, въ изложеніи причинъ, поводовъ и хода событій (о стрѣльбѣ въ войска и христіанское населеніе, о революціонныхъ нападеніяхъ и т. п.), не соотвѣтствуютъ дѣйствительности [1]).

Результаты этого изслѣдованія и примѣненія Столыпинской „полноты власти“ извѣстны: 25 іюня въ Бѣлостокѣ „по корпусу изданъ приказъ, объявляющій благодарность войскамъ за славную службу, доблесть, самоотверженность, честное и справедливое отношеніе къ исполненію своего долга во время Бѣлостокскаго погрома“ [2]). Приставъ Шереметовъ „въ наказаніе“ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ и украшаетъ собою Сѣнную площадь. Господинъ Столыпинъ не только не вышелъ въ „отставку“, но еще изъ министра внутреннихъ дѣлъ превратился въ премьеръ-министра, а впослѣдствіи доказалъ, что можетъ „перенести“ не только Бѣлостокъ, но еще и Сѣдлецъ, не только пристава Шереметова, но и полковника Тихановскаго [3]).

У погромщиковъ не много нашлось защитниковъ въ Думѣ. Сначала мирнообновленцы и октябристы пытались „отсрочить“ обсужденіе доклада комиссіи; потомъ, когда это не удалось, гос-

---

1) Стеногр. отчетъ засѣд. Г. Д., стр. 1596.

2) Тамъ-же, стр. 1775.

3) Строки эти были уже набраны, когда газеты принесли извѣстіе, что приставъ Шереметовъ нашелъ своего мстителя, ранившаго его выстрѣломъ изъ револьвера.

пода, вродѣ священника Гумы и защитника смертной казни Способнаго, старались свалить погромы въ одну кучу съ революціоннымъ движеніемъ и взывать къ милосердію, смягченію нравовъ и прочимъ прекраснымъ вещамъ. Но всѣ эти маневры не удались. Огромное большинство Думы знало и заклеймило истинныхъ виновниковъ той бойни во имя внушенія трепета „крамольникамъ“ и во имя охраненія „священныхъ устоевъ“, которая называется погромами.

Но все-же слѣдуетъ спросить: все ли сдѣлало думское большинство, что обязано было сдѣлать, чтобы не только обличить погромщиковъ, но и защитить избиваемое ими населеніе, чтобы не только разоблачить причины погромовъ въ прошломъ, но и помѣшать ихъ организаціи въ будущемъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно.

Еще до посылки депутатовъ въ Бѣлостокъ думское большинство отлично знало, кто организуетъ погромы.

Князь Урусовъ, въ своей рѣчи, показалъ истинныхъ виновниковъ—таинственныхъ „высокопоставленныхъ“ незнакомцевъ, „выхлопатывающихъ чины и ордена“, и черную сотню, дѣйствующую съ вѣдома, покровительства и при прямомъ содѣйствіи властей. При такихъ условіяхъ, у кого искать защиты избиваемымъ?

У „закона?“ Но кадетскій вождь Родичевъ, при бурныхъ аплодисментахъ Думы, самъ громогласно заявилъ, что „въ Россіи нѣтъ закона, останавливающаго убійство, а есть только законъ, разрѣшающій властямъ убивать!“ [1]).

У правительства? Но вѣдь оно само является организаторомъ погромовъ! Князь Урусовъ передавалъ буквально слова жандармскаго ротмистра Комиссарова: „Погромъ, какой угодно, можно устроить: угодно на 10 человѣкъ, угодно—и на 10.000“.

Очевидно, если народъ не можетъ разсчитывать ни на законъ, ни на правительство, то ему остается разсчитывать лишь на самого себя. Обязанность всякаго общественнаго учрежденія, сознающаго себя частью и слугой народа: 1) сказать народу *всю* правду, и 2) употребить всѣ свои силы и все свое вліяніе на то, чтобы помочь народу организоваться для самозащиты отъ убійцъ.

Въ виду этихъ соображеній соціалдемократическая фракція внесла слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Выслушавъ докладъ комиссіи о бѣлостокскихъ событіяхъ, Государственная Дума констатируетъ,

что въ гор. Бѣлостокѣ съ 1 по 3 іюня с. г. надъ жизнью и имуществомъ беззащитныхъ гражданъ-евреевъ гражданскими и военными властями, при содѣйствіи шайки хулигановъ, было про-

---

1) Стеногр. отчетъ, стр. 959.

изведено насиліе, въ результатѣ котораго оказались десятки убитыхъ, сотни раненыхъ и разоренныхъ;

что погромы, убійства, грабежи были заранѣе планомѣрно организованы мѣстной администраціей при участіи и по инициативѣ высшихъ властей, и

что мѣстная администрація, которой, очевидно, со стороны высшаго начальства была гарантирована безнаказанность преступной дѣятельности, систематически разстрѣливала мирное еврейское населеніе или передавала его въ руки убійцъ.

Признавая въ виду этого,

что, пока государственная власть находится въ рукахъ безотвѣтственной и никакими средствами не гнушающейся правительственной клики, и современный судъ не караетъ истинныхъ виновниковъ погромовъ,

единственнымъ средствомъ оградить жизнь и имущество гражданъ можетъ служить:

вооруженіе самого народа,

Государственная Дума призываетъ населеніе взять охрану своей жизни и имущества въ свои руки,

и предлагаетъ органамъ мѣстнаго самоуправленія и другимъ общественнымъ учрежденіямъ оказать населенію въ этомъ дѣлѣ самообороны полное содѣйствіе.

Считая одновременно съ этимъ необходимымъ:

1) командировать членовъ Государственной Думы въ мѣста, которымъ угрожаетъ наиболѣе серіозная опасность погромовъ;

2) призвать населеніе дать отпоръ національной травлѣ, разжигаемой врагами народа, и добиваться полнаго равноправія всѣхъ національностей;

3) напомнить солдатамъ и офицерамъ объ ихъ обязанности защищать населеніе отъ нападенія вооруженныхъ бандъ и

4) заклеймить передъ лицомъ всего русскаго народа пятномъ позора всѣхъ виновниковъ Бѣлостокскаго погрома, съ убѣжденіи, что

народный судъ не минетъ этихъ преступниковъ и покровителей,

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ [1]).

Принявъ эту резолюцію и рѣшившись серіозно проводить ее въ жизнь, Государственная Дума сдѣлала бы все, что было въ ея силахъ, для дѣйствительной борьбы съ погромами. Но думское большинство дѣйствовало иначе.

Дума рѣшилась послать своихъ делегатовъ на мѣста, и это было хорошее начало. Но сдѣлавъ шагъ впередъ, Дума сейчасъ же отступила. Ея делегаты явились въ Бѣлостокъ, не какъ пред-

---

1) Стеногр. отчетъ, стр. 1825—1826.

ставители народа, облеченные его довѣріемъ и рѣшившіеся отъ имени Думы совмѣстно съ населеніемъ повести борьбу противъ погромщиковъ, а какъ простые слѣдователи, отличающіеся отъ правительственныхъ слѣдователей только своею добросовѣстностью, а отъ обыкновенныхъ корреспондентовъ—только своею „неприкосновенностью“.

До какой степени не понимали думскіе делегаты своихъ обязанностей, видно изъ разсказа Щепкина (к.-д.) о томъ, какъ онъ путешествовалъ по улицамъ Бѣлостока совмѣстно съ прибывшими одновременно съ нимъ газетными корреспондентами. Уже при самомъ въѣздѣ въ городъ, „благодаря предупредительности какъ того коменданта вокзала, который не препятствовалъ наканунѣ избіенію евреевъ, такъ и того исполняющаго должность полицмейстера, который точно также бездѣйствовалъ во время погрома, благодаря ихъ любезности“, господинъ Щепкинъ и его спутники „имѣли почтовыхъ лошадей и охрану въ лицѣ самого полицмейстера“. Мало того. Хозяинъ гостинницы заявилъ г. Щепкину, что, если онъ „съ группой евреевъ-корреспондентовъ пойдетъ по улицамъ Бѣлостока“, то къ нему „будутъ обращаться съ различными просьбами и заявленіями евреи, образуется толпа“. Поэтому какъ „сами корреспонденты“, такъ и „сочувствующіе“ жители посовѣтовали г. Щепкину „испросить охрану у подполковника Буковскаго“. И г. Щепкинъ „былъ у подполковника Буковскаго“ и „просилъ его дать охрану, дабы избѣжать скопленія вокругъ насъ толпы евреевъ“ [1]).

Г. Щепкинъ былъ, видно, такъ умиленъ „любезностью“ и „предупредительностью“ погромщиковъ и ихъ „почтеніемъ“ къ высокому званію члена Государственной Думы, что совсѣмъ забылъ о смыслѣ и цѣли своей поѣздки; забылъ, что онъ не газетный корреспондентъ, а народный представитель, а по увѣренію ка-детовъ—даже носитель частицы „правительственной власти“. Что должно было, въ самомъ дѣлѣ, подумать населеніе, видя, какъ членъ Думы, пріѣхавшій защищать населеніе отъ погромовъ, начинаетъ свои дѣйствія съ того, что становится подъ охрану погромщиковъ, „дабы избѣжать скопленія толпы“? Представитель народа отдаетъ себя подъ охрану не народа, а враговъ народа. Господинъ Щепкинъ, очевидно, не понялъ, что, являясь на сцену потрясающей драмы, представитель народа долженъ предпочесть смерть отъ руки враговъ народа, шествію подъ охраной „околоточнаго и нѣсколькихъ солдатъ“, которые, быть можетъ, еще не успѣли хорошенько очиститься отъ налипшей на нихъ грязи и крови. Иначе лучше всего не являться.

Въ Думѣ ка-деты тоже не оказались на высотѣ положенія.

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1625.

Заклеймивъ правительство за погромъ, произведенный въ Бѣлостокѣ, они ничего не могли предложить для предотвращенія будущихъ погромовъ, кромѣ „немедленнаго преданія суду“ виновныхъ и „немедленнаго выхода министерства въ отставку“ [1]. Сказать это—значило, въ сущности, ничего не сказать.

„Немедленное преданіе суду“—ка-деты отлично понимали, что это простая отговорка. Еще 9 іюня, какъ мы говорили уже выше, г. Гредескулъ, извративъ смыслъ соціалдемократической формулы, предлагавшей выразить надежду, что „великій русскій народъ добьется“ суда надъ насильниками, и подсунувъ соціалдемократамъ никогда не предлагавшееся ими „немедленное преданіе суду“, говорилъ: „Господа, что значитъ это преданіе суду? Какому суду мы предадимъ министерство? Вѣдь такого суда у насъ нѣтъ. Ясно, что эта формула не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго реальнаго содержанія“ [2]. Теперь эту формулу, лишенную „реальнаго содержанія“ предлагали господа, хвастающіеся своимъ „реализмомъ“ въ политикѣ.

А „немедленная отставка министерства?“ Уже десятки разъ Дума заявляла, что необходима эта отставка. Пора было, наконецъ, сказать себѣ и народу, какъ добиться ея.

Но ка-деты не хотѣли сказать этого, ибо не хотѣли и боялись того народнаго движенія, которое одно только могло помочь Думѣ свалить министерство, и которое поэтому Дума обязана была всѣми силами поддерживать и организовывать. Депутатъ Щепкинъ додумался до того, что необходимо, чтобы „населеніе получило право, хотя на дому (?), держать оружіе для обороны“, но тутъ же счелъ необходимымъ „оправдать“ свое мнѣніе тѣмъ, что „съ браунингами нельзя сдѣлать революціи, они—не для баррикадъ“, да еще тѣмъ, что, кромѣ необходимости обороны отъ погромщиковъ, оружіе нужно еще для защиты отъ „бѣшеныхъ собакъ“, какъ это извѣстно всякому, „кто живетъ въ глухихъ деревняхъ“. Въ своей формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, ка-деты не сочли нужнымъ указать на необходимость вооруженія народа, хотя бы „не для революціи“, а для защиты отъ „бѣшеныхъ собакъ“.

Но и г. Щепкинъ, высказавъ свое мнѣніе, поспѣшилъ усумниться: „ну, а если министерство намъ не дастъ возможности обезпечить населеніе отъ погромовъ“? Т. е. выходитъ, какъ будто, что вооружаться противъ погромщиковъ можно только тогда, когда погромщики „позволятъ“! Господинъ Щепкинъ такъ и не могъ додуматься до того, какъ быть, если министры „не позволятъ“. Одна осталась у него надежда: если погромы не прекра-

---

1) Стеногр. отчетъ, стр. 1829.
2) Тамъ-же, стр. 1178.

тятся, „то въ наши внутреннія дѣла будутъ вмѣшиваться иностранныя державы“ [1]).

Трудно представить себѣ бо́льшую степень растерянности и нерѣшительности: люди готовы разсчитывать въ борьбѣ съ министерствомъ на что угодно, даже на „иностранныя державы“; только на народъ, на народную революцію они не хотятъ разсчитывать и не хотятъ палецъ о палецъ ударить, чтобы организовать народныя силы для борьбы.

Насколько сильно было это нежеланіе приступить къ дѣйствительной, а не словесной борьбѣ съ министерствомъ, и, наоборотъ, насколько сильно было желаніе затопить ужасный „погромный“ вопросъ въ потокѣ рѣчей, показываетъ уже тотъ фактъ, что Бѣлостокскій погромъ начался *1 іюня*, а *8 іюля*, когда Дума была разогнана, она все еще не кончила своихъ „преній“ по этому вопросу и не приняла никакого рѣшенія.

Ясное дѣло, что когда хотятъ дѣйствовать, то не тратятъ больше мѣсяца на „пренія“. Когда-же поступаютъ такъ, то это значитъ, что хотятъ „отговориться“ отъ труднаго вопроса, а не рѣшить его.

Такими „отговорками“ Дума обнаруживала передъ правительствомъ свою слабость и нерѣшительность и сама готовила себѣ гибель.

Ж) Земельный вопросъ.

Земельный вопросъ разбирался въ Государственной Думѣ еще до образованія соціалдемократической фракціи, которая и не могла поэтому своевременно внести своего самостоятельнаго проекта.

Но такъ какъ работы думской земельной комиссіи еще не закончились, то, съ перваго-же дня своего образованія, соціалдемократическая фракція приступила къ составленію записки, излагающей тѣ основы, на которыхъ требуетъ рѣшенія земельнаго вопроса соціалдемократія. Записка эта была уже готова, когда послѣдовалъ указъ 8 іюля, распустившій Государственную Думу.

Перепечатывая теперь эту записку, мы не находимъ нужнымъ прибавлять что-либо въ ея поясненіе. Она достаточно отчетливо и опредѣленно выдвигаетъ точку зрѣнія соціалдемократіи и противоставляетъ ее точкѣ зрѣнія, какъ ка-детовъ, такъ и трудовиковъ.

Вотъ эта записка:

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1.631—32.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ Государственную Думу поступило два проекта основныхъ положеній для выработки новаго земельнаго закона: проектъ группы депутатовъ, принадлежащихъ къ партіи конституціонно-демократической, и проектъ трудовой группы.

Мы, члены Государственной Думы, принадлежащіе къ соціалдемократической партіи, признаемъ и будемъ рѣшительно поддерживать требованіе *принудительнаго отчужденія* кабинетскихъ, удѣльныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и крупныхъ частновладѣльческихъ земель, выставляемое конституціонно-демократической и трудовой группой и отвергаемое самодержавнымъ правительствомъ. Но въ то же время мы считаемъ, что въ остальномъ оба проекта, внесенные въ Государственную Думу, далеко не удовлетворительны, какъ съ точки зрѣнія интересовъ общественнаго развитія, такъ и съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ и трудящихся классовъ вообще.

Мы, соціалдемократы, ставимъ себѣ цѣлью въ настоящей революціи рѣшительно покончить съ тѣми земельными отношеніями, которыя составляютъ экономическую основу закабаленія крестьянъ помѣщиками и государствомъ.

I.

Проектъ группы ка-детовъ въ этомъ направленіи останавливается на полпути.

а) Этотъ проектъ положилъ въ основу земельной реформы выкупъ государствомъ частновладѣльческихъ земель по оцѣнкѣ доходности земли при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства. Доходность частновладѣльческой земли со времени освобожденія крестьянъ сильно повысилась благодаря тому, что разоренное государствомъ и помѣщиками крестьянство вынуждено наниматься по крайне низкой цѣнѣ и вслѣдствіе земельнаго голода необычайно подняло арендныя цѣны.

Такимъ образомъ, проектъ стремится увѣковѣчить повышенный доходъ землевладѣльцевъ, обезпечить имъ этотъ доходъ, въ то-же время освобождая ихъ отъ веденія хозяйства, т. е. сдѣлать ихъ пенсіонерами государства.

Мы полагаемъ, что гораздо справедливѣе было бы выдавать пенсію престарѣлымъ и неспособнымъ къ труду рабочимъ, а также семьямъ убитыхъ на войнѣ, чѣмъ содержать на счетъ народа бывшее сословіе его угнетателей.

б) Выкупная операція, предлагаемая проектомъ группы к-д., взвалитъ на крестьянъ и рабочихъ новыя сотни милліоновъ ежегодныхъ платежей и послужитъ тормазомъ дальнѣйшаго хозяй-

ственнаго развитія страны и, особенно, развитія земледѣлія. Существующее теперь правительство обременило страну милліардными займами, растраченными непроизводительно, за которые населеніе выплачиваетъ ежегодно сотни милліоновъ рублей процентовъ. Проектъ группы конституціоналистовъ-демократовъ предполагаетъ дать новыя обязательства на нѣсколько милліардовъ рублей, которыя должны быть выданы землевладѣльцамъ. Такая щедрость на счетъ страны совершенно недопустима.

И вся эта разорительная операція дѣлается въ интересахъ сословія, которое когда-то захватило съ помощью государства принадлежавшія народу земли и уже цѣлые вѣка не несетъ за нихъ никакихъ повинностей.

в) Проектъ группы конституціоналистовъ-демократовъ предлагаетъ передать выкупныя земли въ руки государства. Это приведетъ къ усиленію власти чиновничества надъ населеніемъ. Центральное народное представительство не въ состояніи будетъ слѣдить за управленіемъ всѣми землями обширной Россіи, которыя будутъ находиться въ рукахъ чиновниковъ. Передача земель государству приведетъ снова къ господству бюрократіи, уничтоженіе котораго есть первая и ближайшая задача нашей революціи. Мы считаемъ совершенно нецѣлесообразной борьбу съ бюрократіей такими средствами, которыя усиливаютъ ея власть.

II.

Мы считаемъ также неудовлетворительнымъ проектъ трудовой группы.

Этотъ проектъ предполагаетъ образовать изъ всѣхъ земель, въ томъ числѣ изъ крестьянскихъ, „общенародный земельный фондъ“. Другими словами, всѣ земли передаются во владѣніе государства. По этому проекту всякій желающій можетъ получить въ пользованіе землю отъ государства, но только въ предѣлахъ „трудовой нормы“, т. е. лишь столько, сколько онъ можетъ обработать своими силами безъ наемнаго труда.

Чтобы обезпечить навсегда уравнительное землепользованіе, проектъ предполагаетъ ограничить право распоряженія землей, запретить сдачу земли въ аренду, ограничить размѣры землепользованія трудовой нормой, а также установить государственные налоги на землю, которые будутъ тѣмъ выше, чѣмъ больше размѣры надѣла.

Проектъ трудовой группы отчасти несбыточенъ, отчасти ставитъ препятствіе экономическому развитію и идетъ во многихъ отношеніяхъ въ разрѣзъ съ интересами тѣхъ самыхъ кресть-

янскихъ массъ, защитниками которыхъ выступаютъ авторы проекта.

а) Этотъ проектъ, стремящійся къ уравненію землепользованія путемъ цѣлаго ряда стѣсненій въ распоряженіи землей, не можетъ привести къ равенству и уничтоженію деревенской бѣдноты. Бѣднота исчезнетъ и равенство наступитъ только тогда, когда современный строй замѣнится соціалистическимъ, когда не только земля, но и всѣ фабрики и заводы, вообще всѣ средства производства, станутъ собственностью всего народа, и когда все хозяйство будетъ вестись общественнымъ способомъ.

При настоящихъ же условіяхъ, при частномъ хозяйствѣ, при производствѣ для продажи и, особенно, при необезпеченности большинства крестьянъ капиталомъ, стѣсненія въ землепользованіи, предлагаемыя трудовой группой, поведутъ лишь къ сокращенію площади запашки и къ сокращенію сельско-хозяйственной промышленности, лишатъ бѣднѣйшіе слои крестьянскихъ массъ и того скуднаго дохода, который они имѣютъ отъ сдачи земли въ аренду; наконецъ, эти стѣсненія, не будучи въ силахъ уничтожить наемный трудъ, лишь ухудшатъ условія найма, т. к. затруднится пріисканіе заработка.

б) Мелкое землевладѣніе подвергалось до настоящаго времени излишнимъ стѣсненіямъ со стороны государства. Проектъ трудовой группы не только не освобождаетъ его отъ этихъ стѣсненій, но еще усиливаетъ ихъ, отдавая всѣ надѣльныя земли въ собственность государства. Это можетъ вызвать возмущеніе противъ революціи тѣхъ обширныхъ слоевъ населенія, которые привыкли считать надѣльныя земли своей частной собственностью.

Кромѣ того, принудительное введеніе повсемѣстнаго единообразнаго порядка землепользованія можетъ въ разныхъ областяхъ и у различныхъ національностей возбудить сильное недовольство. Такимъ образомъ, осуществленіе проекта трудовой группы можетъ подвергнуть величайшей опасности освободительное движеніе и разжечь національную вражду.

в) Передача всѣхъ земель въ общенародный фондъ, т. е. государству, поставитъ населеніе различныхъ областей въ полную зависимость отъ центральнаго правительства, отъ политики котораго будутъ зависѣть самые жизненные интересы населенія. „Общенародный органъ управленія" можетъ сдѣлаться „общенароднымъ органомъ" угнетенія, т. к. въ его владѣніи сосредоточатся всѣ земли, необходимыя для населенія, и всѣ налоги съ этихъ земель. Проектъ трудовой группы еще въ гораздо большей степени, нежели проектъ группы к-д., увеличиваетъ стѣснительное вмѣшательство буржуазнаго государства въ хозяйственную жизнь страны, еще въ гораздо большей степени содѣйствуетъ усиленію бюрократіи и угрожаетъ опасностью для народовластія.

III.

Исходя изъ изложенныхъ выше соображеній, соціалдемократическая фракція въ Г. Д. полагаетъ, что проекты группы к-д. и трудовой группы одинаково неудовлетворительны, и находитъ, что въ основу измѣненія земельныхъ отношеній должны быть положены слѣдующія начала.

1) *Уничтоженіе всякихъ стѣсненій крестьянъ въ распоряженіи ихъ земельной собственностью,* поскольку эти стѣсненія вытекали изъ сословной обособленности крестьянства. Такъ какъ кромѣ крестьянской мелкой собственности останутся и другія формы землевладѣнія (городскія земли, усадебныя мѣста горожанъ и сельчанъ и т. д.), то ограниченія въ распоряженіи крестьянскими землями могутъ быть лишь одинаковыя съ ограниченіями другихъ собственниковъ и лишь въ общественныхъ интересахъ.

2) *Отчужденіе безъ выкупа* (конфискація) *церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель* и передача ихъ, а равно и казенныхъ земель *крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.* Такъ какъ значительная часть удѣльныхъ, кабинетскихъ и государственныхъ земель еще не заселены и могутъ составить *земельный фондъ для переселенцевъ,* то незанятыя мѣстнымъ населеніемъ земли, а также лѣса и воды, имѣющіе общегосударственное значеніе, должны быть оставлены во владѣніи демократическаго государства.

3) На такомъ же началѣ, т. е. *безъ выкупа, должны быть отчуждены частновладѣльческія* земли (*кромѣ мелкаго землевладѣнія и надѣльныхъ земель*) и переданы *демократическому мѣстному самоуправленію.* При этомъ депутаты отъ всего населенія, избранные въ органы мѣстнаго самоуправленія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, должны рѣшить и вопросъ о томъ, выше какихъ размѣровъ земельные участки въ каждой области должны подлежать конфискаціи.

4) Тѣ же органы мѣстнаго самоуправленія должны рѣшить и вопросъ о томъ, какъ населеніе будетъ пользоваться землями, перешедшими въ общественное распоряженіе.

5) Уравненіе въ правахъ всѣхъ гражданъ тѣмъ самымъ даетъ право каждому гражданину поселяться въ каждой мѣстности, принимать участіе въ дѣлахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, а, слѣдовательно, и въ распоряженіи принадлежащими самоуправленію землями и въ опредѣленіи условій пользованія ими. Уничтоженіе сословій и приписки къ нимъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ границы, которыя мѣшаютъ передвиженію населенія.

* * *

Представляя изложенныя начала, какъ основы аграрной реформы, социалдемократическая фракція Государственной Думы находитъ необходимымъ до окончательнаго законодательнаго рѣшенія аграрнаго вопроса въ будущемъ *Учредительномъ Собраніи* предварительное обсужденіе его населеніемъ на мѣстахъ при посредствѣ *избранныхъ всѣмъ населеніемъ губернскихъ комитетовъ.* Такое обсужденіе на мѣстахъ свяжетъ массу крестьянства съ общенаціональнымъ освободительнымъ движеніемъ и подготовитъ такое рѣшеніе, которое будетъ соотвѣтствовать болѣе всего волѣ народа.

3) Обращеніе Думы къ народу.

Мы подошли къ послѣднему акту дѣятельности первой Государственной Думы—ея обращенію къ народу съ разъясненіями по земельному вопросу.

Исторія возникновенія этого обращенія вкратцѣ такова: 20 іюня совѣтъ министровъ опубликовалъ правительственное сообщеніе по земельному вопросу. Въ этомъ сообщеніи подвергался рѣзкой критикѣ принципъ принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель, выставленный Думой еще въ ея отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь.

Министерство увѣряло крестьянъ въ своемъ сообщеніи, что принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель будетъ „вредно" самимъ крестьянамъ, и заявляло, что оно такого отчужденія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ. Все, на что оно можетъ согласиться, это—помочь крестьянамъ покупать отъ частныхъ владѣльцевъ „*добровольно* продаваемыя ими земли". Это значило: къ крестьянамъ перейдутъ только тѣ земли, отъ которыхъ пожелаютъ освободиться помѣщики, и за ту цѣну, которую имъ заблагоразсудится назначить.

Въ манифестѣ 17 октября было сказано: „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Теперь министерство, совершенно не считаясь съ Думой и подчеркнутою ею необходимостью принудительнаго отчужденія, объявляло, что „исполняющимъ царскую волю правительствомъ" будутъ „неуклонно осуществляться" мѣры, идущія прямо въ разрѣзъ съ ясно выраженною волею Думы.

Ради огражденія помѣщичьихъ интересовъ правительство рѣшило совершенно не считаться ни съ Думой, ни со своими собственными „основными законами", ни съ манифестомъ 17 октября. Министерство заявляло открыто, что оно готово терпѣть только такую Думу, которая будетъ во всемъ поддакивать ему.

Разъ же Дума отказывается играть роль министерской канцеляріи, министерство будетъ игнорировать ее и дѣйствовать по-своему, какъ оно дѣйствовало, когда не было еще ни Думы, ни манифеста 17 октября.

Оставить эту министерскую выходку безъ отвѣта было невозможно. Грубый тонъ „правительственнаго сообщенія" вывелъ изъ себя даже наиболѣе умѣренныхъ членовъ Думы. Ограничиться запросомъ, на который министерство отвѣтитъ черезъ мѣсяцъ какими-нибудь ничего не говорящими „объясненіями", значило бы, въ сущности, не сдѣлать ровно ничего и только поощрить министерство къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ томъ же родѣ.

Въ Думѣ царили одновременно негодованіе и растерянность. „Я положительно теряюсь, какія можно изобрѣсти средства, чтобы парализовать эту вредную дѣятельность министерства",—говорилъ депутатъ Обнинскій (к.-д.) и тутъ же наглядно доказывалъ, почему именно ему такъ трудно „изобрѣсти" дѣйствительныя „средства" противъ безобразій министерства, выразивъ опасеніе, что, „можетъ быть, недалекъ тотъ моментъ, когда Государственная Дума будетъ поставлена въ невозможность отвести занесенную надъ ними (большими и малыми правителями) карающую руку разгнѣваннаго русскаго народа" [1]). Какъ будто дѣло шло о томъ, чтобы „отвести" руку народа, занесенную надъ правителями, а не руку правителей, занесенную надъ Думой и народомъ!

Другіе ораторы обнаруживали не лучшее пониманіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Они безпокоились о томъ, что министерство „прикрывается" „именемъ монарха", приходили въ ужасъ отъ мысли, что правительственное сообщеніе внушитъ народу мысль о безсиліи Думы и заставить его перейти къ „ниспроверженію существующаго строя", а „это даетъ составъ ст. 129 угол. уложенія" [2]).

Но положеніе было безвыходное. Депутаты чувствовали, что самому существованію Думы грозитъ опасность. Въ концѣ концовъ, зажмуривъ глаза, они рѣшили сдѣлать шагъ въ ту сторону, на которую давно указывали соціалдемократы. Въ засѣданіи 26 іюня Дума, по предложенію г. Кузьмина-Караваева, рѣшила поручить аграрной комиссіи выработать „проектъ сообщенія отъ Думы" народу и въ этомъ сообщеніи опровергнуть ту ложь и клевету, которую распространяло правительство. Дума рѣшила обратиться къ народу!

Дума обращалась къ народу, обороняясь отъ нападенія правительства. При какомъ условіи это обращеніе могло помочь ей? Очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если бы она, безсильная сама

---

1) Стеногр. отчетъ, стр. 1750.

2) Тамъ-же, стр. 1748, рѣчь г. Кузьмина-Караваева.

по себѣ, противоставила силѣ правительства другую, еще болѣе грозную силу. Этой силой могла быть только „карающая рука разгнѣваннаго народа". Задача обращенія сводилась, стало быть, къ тому, чтобы сказать народу о безсиліи Думы и призвать народъ сплотиться вокругъ Думы для поддержки ея въ борьбѣ съ правительствомъ и для защиты своего требованія земли и воли.

Особенно необходимо было это сдѣлать теперь, когда правительство явно готовилось къ новому контръ-революціонному удару, и со всѣхъ сторонъ ползли уже слухи о разгонѣ Думы, а столица наводнялась войсками. Необходимо было этимъ замысламъ государственнаго переворота противоставить силы всѣхъ тѣхъ слоевъ народа, которые не мирятся съ возстановленіемъ самодержавно-крѣпостническаго режима.

Соціалдемократическая фракція поняла это съ самаго начала и рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы сдѣлать возможнымъ такое обращеніе къ народу отъ имени всѣхъ прогрессивныхъ партій думскаго большинства.

Само собою очевидно, что такое *общее* обращеніе было бы невозможно, если бы какая-либо изъ партій вздумала отъ имени Думы возвѣщать народу *свой собственный* проектъ рѣшенія земельнаго вопроса. Если бы этотъ вопросъ былъ Думой такъ или иначе рѣшенъ и облеченъ въ форму закона, то, конечно, это былъ бы фактъ, который, критикуя или одобряя его, могли бы и должны были бы констатировать всѣ думскія фракціи. Но, въ дѣйствительности, къ рѣшенію земельнаго вопроса Дума еще не приступала; этотъ вопросъ еще только обсуждался въ аграрной комиссіи, и вокругъ него велась острая борьба не только между прогрессивными партіями и реакціонными, но и между самими прогрессивными партіями, каждая изъ которыхъ внесла свой проектъ. Который изъ этихъ проектовъ соединитъ на себѣ голоса большинства членовъ Думы,—объ этомъ можно было гадать, но говорить, какъ о фактѣ, во всякомъ случаѣ нельзя было.

Да, вѣдь, въ сущности, и дѣло было не въ томъ, чтобы увѣдомить народъ о существованіи тѣхъ или иныхъ партійныхъ проектовъ рѣшенія земельнаго вопроса; иначе достаточно было простого распубликованія и широкаго распространенія этихъ проектовъ, и вовсе незачѣмъ было-бы прибѣгать къ обращенію къ народу отъ имени всей Думы. Смыслъ обращенія долженъ былъ быть таковъ: показать народу, что правительство стоитъ поперекъ дороги всѣмъ начинаніямъ Думы, направленнымъ къ выполненію народнаго требованія земли и воли, и призвать народъ къ поддержкѣ думской борьбы съ правительствомъ.

Борьба съ правительствомъ—вотъ что должно было стоять въ центрѣ думскаго обращенія, если оно имѣло хоть какой-нибудь

смыслъ. Для нанесенія удара правительству, для отраженія его контръ-революціоныхъ замысловъ, слѣдовало соединить всѣ наличныя силы.

На какой почвѣ могло произойти такое соединеніе? Этой почвы не надо было выдумывать. Надо было взять дѣйствительность, какъ она есть. А дѣйствительность говорила, что по своимъ взглядамъ на земельный вопросъ ка-деты, трудовики и соціалдемократы во многомъ расходятся, и расходятся непримиримо, но что есть въ то-же время принципъ, который рѣзкою гранью отдѣляетъ ихъ отъ стараго правительства и его сторонниковъ. Этотъ принципъ—*принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли.* Принудительное отчужденіе выдвигали въ своихъ проектахъ одинаково и ка-деты, и трудовики, и соціалдемократы, хотя они и расходились рѣзко другъ съ другомъ и насчетъ размѣровъ этого отчужденія, и насчетъ выкупа, и насчетъ вопроса о томъ, какъ распорядиться отчужденною землею. Стоя на почвѣ новаго, развивающагося общества, всѣ прогрессивныя партіи признавали необходимость принудительнаго нарушенія правъ крѣпостнической собственности, въ то время какъ сторонники стараго самодержавно-крѣпостническаго уклада всѣми силами отстаивали неприкосновенность и ненарушимость этихъ „священныхъ историческихъ правъ“. Въ вопросѣ объ „историческихъ“ правахъ крѣпостниковъ на землю и трудъ народа, новая, капиталистическая Россія такъ-же рѣзко сталкивалась съ Россіею старою, крѣпостническою, какъ въ вопросѣ о государственной власти: крѣпостники отстаиваютъ „священныя историческія права“ на власть, народъ нарушаетъ эти „права“ и требуетъ власти, исходящей отъ народа и отвѣтственной передъ нимъ.

Такъ и ставила вопросъ соціалдемократическая фракція. Она настаивала, чтобы въ обращеніи было указано, что, несмотря на различіе взглядовъ на земельный вопросъ, думское большинство единодушно въ требованіи нарушенія „правъ“ крѣпостниковъ—въ требованіи принудительнаго отчужденія; что такое отчужденіе необходимо, чтобы подорвать основы экономическаго и политическаго могущества крѣпостниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того самодержавно-крѣпостническаго государственнаго строя, который стоитъ поперекъ дороги всему развитію страны. Наконецъ, соціалдемократическая фракція требовала, чтобы народу была ясно и открыто сказана вся правда о положеніи дѣлъ, о грозящемъ государственномъ переворотѣ и о необходимости народной поддержки въ борьбѣ Думы съ правительствомъ.

Такимъ образомъ, обращеніе Думы къ народу означало ничто иное, какъ апелляцію къ революціоннымъ силамъ народа. Но недаромъ мы сказали, что думское большинство приняло постановленіе объ обращеніи, зажмуривъ глаза, не отдавая себѣ

яснаго отчета въ значеніи того акта, на который толкнула его логика борьбы съ безотвѣтственнымъ правительствомъ, державшимъ въ своихъ рукахъ всѣ орудія власти.

Это тотчасъ-же обнаружилось, лишь только Дума приступила къ обсужденію проекта обращенія, составленнаго аграрной комиссіей. Этотъ проектъ былъ написанъ вялымъ и безцвѣтнымъ канцелярскимъ языкомъ и тщательно избѣгалъ всего, что можетъ напомнить о народномъ движеніи, о революціи. Но самый ходъ вещей, если только указать его правильно, говорилъ самъ за себя вопреки всѣмъ намѣреніямъ авторовъ проекта обращенія. Съ этой точки зрѣнія проектъ аграрной комиссіи, внесенный на засѣданіе Думы 4 іюля, давалъ, съ грѣхомъ пополамъ, хоть нѣкоторую надежду на возможность объединеннаго обращенія къ народу отъ имени всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ фракцій Думы.

Проектъ начинался указаніемъ на то, что „устраненіе земельной нужды населенія было первою заботою Г. Д.“, которая уже въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь указала на необходимость „удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ“. Затѣмъ проектъ упоминалъ о министерской „деклараціи“ 13 мая, объявлявшей принудительное отчужденіе „недопустимымъ“, и указывалъ, что, въ отвѣтъ на эту „декларацію“, Дума выразила свое недовѣріе министерству и приступила къ выработкѣ земельнаго закона на тѣхъ именно основаніяхъ, которыя она указала въ отвѣтномъ адресѣ. Проектъ кончался такъ:

„Несмотря, однако, на твердо выраженную волю Думы, министры опубликовали 20 іюня сообщеніе, въ коемъ отъ имени правительства объявляютъ все тѣ-же, прежнія предположенія свои о земельномъ законѣ.

„Въ виду этого Г. Д. напоминаетъ, что по манифесту 17 октября 1905 г. никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы.

„Что касается принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, то Г. Д. отъ сего основанія новаго земельнаго закона не отступитъ, отклоняя всѣ предположенія, съ этимъ началомъ не согласованныя. Указывая, наконецъ, что только тщательно обдуманный и правильно составленный законъ можетъ дать народу земельное обезпеченіе, Г. Д. надѣется, что населеніе будетъ покойно и мирно ожидать окончанія ея работы по изданію такого закона“ [1]).

---

[1]) Стеногр. отчетъ, стр. 1955—56.

Этотъ проектъ и былъ принятъ Думой въ качествѣ основного текста для обсужденія его по частямъ, которое было назначено на 6-е іюля.

Само собою разумѣется, что *удовлетвориться* этимъ проектомъ соціалдемократическая фракція не могла. Но она понимала огромное революціонное значеніе обращенія Думы къ народу и потому постановила сдѣлать все возможное для осуществленія обращенія.

На засѣданіи соціалдемократической фракціи 5 іюля было постановлено вступить въ переговоры съ трудовой группой и фракціей к.-д. о нѣкоторыхъ редакціонныхъ поправкахъ въ проектѣ обращенія, главнымъ образомъ, о вычеркиваніи конца, призывающаго къ „мирному ожиданію". На случай, если-бы поправки соціалдемократической фракціи не были приняты, было рѣшено воздержаться отъ голосованія, мотивировавъ свое воздержаніе особымъ заявленіемъ. Но и этого мало. На случай, если-бы обращенію грозилъ безъ поддержки соціалдемократической фракціи провалъ, было рѣшено въ этой крайности голосовать за проектъ, подвергнувъ его въ то-же время рѣзкой критикѣ. Такое огромное значеніе придавала соціалдемократическая фракція самому факту выступленія Думы на путь общенія съ народомъ.

Но это значеніе — значеніе революціоннаго акта — не только было ясно соціалдемократамъ, но его начали понимать и ка-деты „неосторожно" постановившіе 26 іюня обратиться къ народу и теперь на всѣ лады старавшіеся, при одобреніяхъ и поддержкѣ всѣхъ реакціонеровъ, какъ-нибудь замести слѣды своего „преступленія" и свести на нѣтъ все обращеніе.

Правые, съ гр. Гейденомъ, Стаховичемъ и кн. Волконскимъ во главѣ, яростно нападали на самую идею обращенія и, потерпѣвъ пораженіе, пытались достигнуть своей цѣли хотя-бы отсрочкой обсужденія. Ка-деты—одни, какъ проф. Петражицкій—говорили противъ обращенія, какъ противъ акта, якобы унижающаго „достоинство" Думы тѣмъ, что оно ставитъ Думу „на одну доску" съ министрами; другіе—какъ Ледницкій—дѣлали свое дѣло болѣе ловко и, подъ предлогомъ необходимости для Думы *впослѣдствіи* выработать „манифестъ къ народу", предлагали *теперь* отказаться отъ обращенія и ограничиться „переходомъ къ очереднымъ дѣламъ".

Боязнь революціи, боязнь народнаго движенія заглушала всѣ соображенія разсудка. Ка-детская газета „Рѣчь" въ номерѣ отъ 5 іюля откровенно высказала блудливое желаніе ка-детовъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ взятаго ими на себя 26 іюня обязательства. Вмѣсто обращенія къ народу, вся мысль сосредоточилась на томъ, какъ-бы не разбудить революцію и не разсердить „верхи". Вотъ что писала „Рѣчь": „Если тотъ простой выходъ, который въ данномъ случаѣ представляется („мотивированный

запросъ“!), уже закрытъ, и оповѣщеніе населенія будетъ сдѣлано отдѣльно, самостоятельно, то оно должно тщательно избѣгать характера аппеляціи къ народу и, стремясь къ успокоенію, убѣдить народъ, что правительство безсильно противъ Думы, что она сумѣетъ добиться своего“.

Мы видѣли въ словахъ ка-дета Обнинскаго исходный пунктъ рѣшенія Думы объ обращеніи къ народу: чувство *безсилія Думы* въ борьбѣ съ правительствомъ, въ стремленіи „парализовать вредную дѣятельность министерства“. Въ словахъ „Рѣчи“ мы видимъ послѣднюю точку ка-детскихъ блужданій вокругъ вопроса объ обращеніи: указаніе народу на *безсиліе правительства!* Ка-деты лучше соглашались сознательно говорить народу ложь, чѣмъ сказать ему хоть часть той правды, которая неминуемо должна была заставить народъ настоpожиться противъ контръ-революціонныхъ замысловъ правительства. Они предпочитали „умилостивить“ своимъ „хорошимъ поведеніемъ“ тѣхъ, съ кѣмъ боролись, и думали, такимъ образомъ, предотвратить разгонъ Г. Д.

Проектъ аграрной комиссіи казался имъ поэтому все еще черезчуръ „страшнымъ“. Какъ ни какъ, проектъ *объяснялъ* обращеніе Думы къ народу *столкновеніемъ* Думы съ министерствомъ; и потому, хотя проектъ и кончался призывомъ къ мирному ожиданію, но не трудно было видѣть, что самыя причины, вызвавшія обращеніе, толкаютъ совсѣмъ къ иному выводу. Надо было сдѣлать такъ, чтобы самое появленіе обращенія объяснялось именно желаніемъ Думы „успокоить населеніе“, а все остальное носило-бы характеръ простой „справки“, выданной народу изъ думской канцеляріи.

Но какъ это сдѣлать? Проектъ аграрной комиссіи былъ уже положенъ Думой въ основу дальнѣйшихъ преній, и 6-го іюля должно было начаться обсужденіе его по частямъ. Но для „хорошей цѣли“ ка-деты не остановились передъ нарушеніемъ всѣхъ парламентскихъ „обычаевъ“ и „приличій“, которымъ предсѣдательствующій профессоръ-ка-детъ обыкновенно такъ охотно поучалъ соціалдемократовъ и трудовиковъ. Вотъ какъ описывала и оцѣнивала соціалдемократическая газета „Голосъ Труда“ (№ 16 отъ 7 іюля 1906 г.) этотъ послѣдній думскій подвигъ ка-детовъ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Громъ не грянетъ...“

„4-го іюля Дума, во исполненіе своего рѣшенія—обратиться къ народу съ разъясненіемъ по земельному вопросу—постановила положить въ основу своего обсужденія проектъ, предложенный аграрной комиссіей.

„5-го іюля вся реакціонная клика подняла на столбцахъ своихъ рептилій злобный вопль противъ этого постановленія Думы.

„6-го іюля предсѣдатель Г. Д. счелъ возможнымъ, съ явнымъ и грубымъ нарушеніемъ всѣхъ парламентскихъ обычаевъ, разрѣ-

шить г-ну И. Петрункевичу внести отъ имени ка-детской фракціи—подъ видомъ яко-бы „поправки"—совершенно новый текстъ обращенія. Предсѣдатель, столь строгій къ свободному слову народныхъ представителей, оказался необычайно снисходителенъ, когда зашла рѣчь объ услугѣ правительству.

„Да, объ услугѣ правительству. Ибо „поправки", внесенныя ка-детами, совершенно перевернули весь смыслъ обращенія. Ка-деты поставили въ самое начало обращенія призывъ народа къ „тишинѣ и спокойствію", къ мирному ожиданію того счастливаго времени, когда будетъ „изданъ" (!!) законъ о земельной реформѣ. Изданъ! Т. е. не только будетъ выработанъ и принятъ Гос. Думой, но и пройдетъ черезъ чистилище Государственнаго Совѣта и верховнаго утвержденія! Какой это будетъ „законъ" и когда онъ будетъ, — это отлично знаютъ господа, неоднократно заявлявшіе, что „основные законы" и, въ частности, существованіе Государственнаго Совѣта, дѣлаютъ совершенно невозможнымъ проведеніе полезныхъ для народа законовъ. И все же они осмѣливаются призывать народъ къ терпѣнію до той поры, которая никогда не наступитъ, — къ безконечному терпѣнію. Чѣмъ отличаются тогда ихъ призывы отъ призывовъ министерства внутреннихъ дѣлъ?

„Изъ обличенія министерскаго обращенія, обличенія, сопровождавшагося робкимъ привѣсомъ въ видѣ призыва народа къ спокойствію, герои „народной свободы" сдѣлали призывъ народа къ спокойствію, сопровождаемый робкимъ обличеніемъ министерства. И эту постыдную операцію они произвели при благосклонномъ содѣйствіи и дружныхъ рукоплесканіяхъ всей думской правой.

„Своими „поправками" ка-деты внесли расколъ въ думскую лѣвую, сдѣлали невозможнымъ объединеніе ихъ въ общемъ обращеніи къ народу и, быть можетъ, къ тайной своей радости, сдѣлали невозможнымъ самое обращеніе, ибо само собою разумѣется, что *такое* обращеніе ни для соціалдемократовъ, ни для трудовой группы непріемлемо. И если правые друзья „ка-детовъ" не поддержатъ ихъ въ послѣднюю минуту, обращеніе не пройдетъ. Но мы прямо скажемъ: лучше никакого обращенія, чѣмъ *такое*.

„Такъ поступаютъ ка-деты въ то время, какъ со всѣхъ крышъ воробьи кричатъ о готовящемся провозглашеніи диктатуры, о переговорахъ камарильи съ иностранными правительствами. Наканунѣ, быть можетъ, того дня, когда Думѣ такъ нужна будетъ дѣятельная поддержка всего народа, ка-деты дискредитируютъ Думу въ глазахъ народа, подрываютъ довѣріе къ ней и тѣмъ самымъ, скажемъ сейчасъ-же, толкаютъ извѣрившійся народъ къ самому бурному выступленію, но уже безъ Думы, съ измѣнившей ему Думой!

„На что разсчитываютъ ка-деты? На то, что имъ удастся уми-

лостивить молоха? На то, что молохъ отстрочитъ введеніе диктатуры и разгонъ Думы? Если своей трусостью и подлостью, а не своимъ единеніемъ съ народомъ добьется Гос. Дума такой отсрочки, то это значитъ только, что въ странѣ будутъ продолжаться разбойные набѣги карательныхъ отрядовъ, убійства и насилія, а Думу оставятъ говорить до тѣхъ поръ, пока, опустившись до полнаго ничтожества, она будетъ, — не „разогнана“ ужъ, а просто вышвырнута носкомъ кирасирскаго сапога. Такую ли участь хотятъ ка-деты приготовить Думѣ? Ради этого-ли вырываютъ они непроходимую пропасть между собою и лѣвою и сѣютъ въ народѣ недовѣріе къ Думѣ?

„Уже сверкаетъ молнія, уже слышны раскаты грома, но эти трусливые безумцы ничего не слышать и жадно ловятъ милостивую улыбку на барскихъ устахъ!

„И когда они опомнятся и, увидѣвъ себя въ тискахъ, захотятъ прибѣгнуть къ народу, не случится ли такъ, что народъ, признававшій ихъ прежде, не признаетъ теперь, не откликнется на ихъ призывъ?

„Пусть подумаютъ объ этомъ ка-деты, пока громъ не грянулъ!“

Первая часть проекта Петрункевича была принята 197 голосами противъ 100, т. е. ка-детами и правыми противъ трудовиковъ и соціалдемократовъ.

Разумѣется, что при такомъ нападеніи съ тылу, соціалдемократамъ не оставалось ничего другого, какъ голосовать противъ новаго, ка-детскаго проекта. Фракція сдѣлала это, прочтя съ трибуны слѣдующее заявленіе:

„Мы, члены фракціи Р. С.-Д. Р. П. заявляемъ: въ виду того, что большинство Г. Д. приняло такой текстъ обращенія, главный смыслъ котораго сводится къ укору народу и призыву его къ спокойствію, а не къ обличенію правительствующихъ насильниковъ, которые дѣлаютъ Думу безсильной и не оставляютъ народу другого пути, какъ путь насильственной борьбы за свободу и землю, мы видимъ себя вынужденными отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ обсужденіи проекта обращенія, а при окончательномъ голосованіи его будемъ голосовать противъ, оставляя за собою право самостоятельнымъ обращеніемъ выяснить народу истинное положеніе дѣлъ“.

Трудовики сначала, въ частномъ совѣщаніи съ соціалдемократическою фракціею, рѣшили тоже голосовать противъ, но затѣмъ отъ этого рѣшенія отказались и просто воздержались отъ голосованія. Проектъ былъ принятъ голосами однихъ ка-детовъ при ничтожномъ числѣ участвовавшихъ въ голосованіи. Это число было такъ мало, что, если-бы соціалдемократы не голосовали *противъ* (что считается участіемъ въ голосованіи), а воздержались отъ участія въ голосованіи подобно трудовикамъ, проектъ обращенія не былъ-

бы принять: число участниковъ голосованія было-бы меньше требуемой для дѣйствительности голосованій цифры—160.

Одержавъ такую „побѣду", ка-деты снова набрались храбрости и своими 129 голосами рѣшили „потребовать" отъ министра внутреннихъ дѣлъ напечатанія думскаго обращенія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Такое „требованіе", разумѣется, ровно ни къ чему не обязываетъ, кромѣ развѣ еще одного новаго „запроса", и въ то же время придаетъ очень „благородный" и „независимый" видъ защитникамъ „народной свободы", только что совершившимъ свое колѣнопреклоненіе передъ „министромъ внутреннихъ дѣлъ" и повернувшимся спиною къ народу. Но эта комедія была такъ гнусна, что, кромѣ 129 ка-детовъ, во всей Думѣ не нашлось не *единаго* человѣка, пожелавшаго хотя бы принять участіе въ голосованіи. А такъ какъ для дѣйствительности думскаго рѣшенія необходимо было участіе въ голосованіи не менѣе 160 человѣкъ, то возникъ отвратительный споръ насчетъ того, слѣдуетъ ли считать „распубликованіе" въ „Прав. Вѣстникѣ" принятымъ или нѣтъ. Въ этомъ спорѣ ка-детскіе профессора снова имѣли желанный случай блеснуть своими глубокими познаніями по части „парламентской" теоріи и „парламентскихъ" обычаевъ но ни къ какому рѣшенію такъ и не пришли, оставивъ весь „вопросъ" висѣть въ воздухѣ...

Всѣмъ своимъ поведеніемъ въ вопросѣ объ обращеніи къ народу ка-деты показали только свою трусость, нерѣшительность и слабость. Для камарильи это, разумѣется, оказалось лишней побудительной причиной—не „помиловать" Думу, какъ разсчитывали ка-детскіе мудрецы, а смѣло приступить къ ея разгону.

На разсвѣтѣ 7-го іюля ка-деты топили великій вопросъ объ „единеніи Думы со страною" въ комедіантскихъ и безтолковыхъ дебатахъ о „порядкѣ распубликованія".

А 8-го іюля они получили уже расписку въ томъ, что бѣдное, „безсильное" правительство учло ихъ „благонамѣренные" призывы къ миру и спокойствію: былъ подписанъ указъ о роспускѣ Думы.

Громъ грянулъ еще скорѣе, чѣмъ можно было разсчитывать...

I) Запросы.

Дума засѣдала, а правительство продолжало свое привычное дѣло. Тюрьмы были переполнены „политическими преступниками", цѣлыми вагонами ихъ отправляли на Сѣверъ и въ Сибирь, казнь слѣдовала за казнью.

Дума, воспользовавшись своимъ правомъ, засыпала правительство запросами. Будутъ-ли пріостановлены смертныя казни? На какомъ основаніи производятся аресты и ссылки? Извѣстно-ли

правительству объ учиненіи и подготовкѣ погромовъ? Запросы накоплялись сотнями. Ихъ было такъ много, что Дума постановила разсмотрѣнію ихъ въ каждомъ засѣданіи посвящать послѣдніе два часа. Ихъ было такъ много, какъ много было въ жизни произвола, беззаконія, звѣрства.

Въ парламентарныхъ государствахъ запросы—острое оружіе парламента въ борьбѣ съ правительствомъ. На запросъ правительство обязано отвѣтить, и если бы отвѣтъ не удовлетворилъ парламентъ, то въ результатѣ конфликта провительство можетъ очутиться въ положеніи, когда ему не остается ничего другого, какъ выйти въ отставку. Въ самодержавной Россіи запросы только вскрывали гноящіяся раны и всенародно бичевали правительственныя преступленія. Самовластная бюрократія не спѣшила съ отвѣтомъ, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда министры появлялись въ Думѣ, что бы дать отвѣтъ, они покрывали своимъ словомъ всѣ преступленія. Все дѣлается по закону! И казнь—по закону, и арестъ—по закону, и ссылки и убійства—по закону!

Соціалдемократическая фракція, вслѣдъ за другими фракціями Думы, вносила запросы. Почти всегда они дѣлались по просьбѣ потерпѣвшихъ и пострадавшихъ. Со всѣхъ концовъ Россіи получались фракціей телеграммы и письма съ просьбой спасти жизнь, возвратить свободу. Просьба передавалась Думѣ, отъ Думы переходила къ министрамъ и тамъ погибала въ архивахъ...

Самостоятельныхъ запросовъ фракція не могла дѣлать, такъ какъ, по закону, для запроса требовалось подписи 30 членовъ Думы, а фракція насчитывала 18 членовъ. Поэтому, чтобъ внести запросъ, нужно было прибѣгать къ помощи другихъ членовъ Думы.

По иниціативѣ фракціи было внесено въ Думу около 20 запросовъ; кромѣ того, отдѣльные члены фракціи принимали участіе во множествѣ запросовъ, исходившихъ отъ другихъ фракцій Думы.

Первымъ запросомъ, внесеннымъ по иниціативѣ фракціи, былъ запросъ по поводу набѣга полиціи, подъ предводительствомъ „знаменитаго“ пристава Барача, на типографію, въ которой печаталась с.-д. газета „Курьеръ“. Изъ другихъ запросовъ отмѣтимъ: о 27 солдатахъ Мингрельскаго полка въ Тифлисѣ, которымъ угрожала смертная казнь, о карательной экспедиціи въ Сванетіи, объ арестѣ председателя Московскаго союза рабочихъ печатнаго дѣла, объ арестѣ члена редакціи газеты „Курьеръ“ Л. Мартова, о двухъ смертныхъ приговорахъ въ Баку, о крестьянахъ Самарской губерніи, ссылаемыхъ въ Архангельскую губернію, объ избіеніи крестьянъ с. Матвѣевки, Самарской губ., и т. д.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Работа фракціи внѣ Думы.

А) Проектъ обращенія къ рабочимъ.

Само собою разумѣется, что соціалдемократическая фракція не только старалась сдѣлать Думу центромъ, объединяющимъ всенародную борьбу за землю и волю, но и дѣлала все возможное, чтобы самой тѣснѣе связаться съ рабочими массами, интересы которыхъ она хотѣла представлять. Усилія соціалдемократической фракціи были направлены на то, чтобы завоевать довѣріе пролетаріата, завязать самыя оживленныя сношенія съ рабочими, разсѣянными по всей странѣ, пріучить рабочія массы видѣть во фракціи плоть отъ плоти и кость отъ кости своей, видѣть въ ней рупоръ, черезъ который всероссійскій пролетаріатъ громко возвѣщаетъ свои классовыя требованія.

Выполненіе этой задачи было, разумѣется, не легко. Достаточно вспомнить, что въ Думѣ было всего 18 соціалдемократовъ, т. е. лишь малая часть мѣстностей имѣла *своихъ* рабочихъ представителей. Къ тому же далеко еще не исчезло недовѣрчивое, „бойкотистское“ настроеніе по отношенію къ Думѣ и ко всему, связанному съ нею. Наконецъ, и полицейскія условія продолжали затруднять всякую организаціонную работу. Соціалдемократическая партія продолжала вынужденно пребывать въ подпольѣ и потому не всегда могла оказывать фракціи всю ту помощь, которая была необходима.

Но фракція рѣшила бороться со всѣми препятствіями, лишь бы закрѣпить связь свою съ пролетаріатомъ. На первую очередь былъ поставленъ вопросъ о новомъ обращеніи къ рабочимъ. Проектъ такого обращенія былъ уже выработанъ и въ общемъ видѣ принятъ фракціей. Но раньше, чѣмъ его успѣли обсудить въ деталяхъ и сдѣлать нѣкоторыя мелкія измѣненія, Дума была распущена.

Мы перепечатываемъ здѣсь этотъ проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ намѣченъ фракціей. Дальнѣйшая обработка его внесла-бы, быть можетъ, кое-какія поправки, но общій духъ и смыслъ обращенія остался бы прежнимъ и потому проектъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился въ архивѣ фракціи, можетъ служить для характеристики ея взглядовъ и плановъ.

Вотъ этотъ проектъ:

Товарищи рабочіе и работницы!

Второй разъ обращаемся къ вамъ мы, рабочіе депутаты Государственной Думы, ободренные тѣмъ горячимъ откликомъ, который встрѣтило среди васъ наше первое обращеніе.

Съ тѣхъ поръ рабочая группа въ Думѣ выросла. Прибыли 5 соціалдемократическихъ депутатовъ отъ рабочихъ Кавказа и 1 соціалдемократъ изъ Омска. Большинство прежней „рабочей группы“ вмѣстѣ съ новыми товарищами образовало въ Государственной Думѣ *фракцію* (группу) *Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.*

Отнынѣ въ Государственной Думѣ рабочій классъ Россіи имѣетъ свое самостоятельное и отдѣльное представительство, борющееся подъ тѣмъ же знаменемъ, подъ которымъ борятся рабочіе всего міра—подъ знаменемъ *международной соціалдемократіи.*

Рабочему классу нужно это представительство. Ему нужно такое представительство, которое всѣ силы свои готово положить на борьбу за интересы рабочаго, за освобожденіе пролетаріата отъ цѣпей экономическаго и политическаго гнета, за то свѣтлое будущее, когда въ свободномъ царствѣ *соціализма* падетъ позорное дѣленіе человѣчества на богатыхъ и бѣдныхъ, на бѣлую кость и черную, когда освобожденный народъ, взявъ въ свои руки всѣ земли, всѣ фабрики и заводы, самъ станетъ господиномъ своей судьбы!

Но поперекъ дороги этой борьбѣ рабочаго класса за счастье и волю встали наши старые порядки. Самодержавное правительство, такъ долго душившее рабочихъ, крестьянъ, мѣщанъ, весь народъ, стало ненавистнымъ для всѣхъ классовъ русскаго народа. Вопреки единогласно выраженной въ Думѣ волѣ народа, самодержавное правительство не хочетъ уходить, не хочетъ передать *власть въ руки народнаго представительства.* Въ своей декларацiи и въ своемъ сообщеніи о землѣ правительство нагло объявило, что оно не дастъ рабочему возможности бороться за лучшую долю, не дастъ крестьянину земли, не освободитъ изъ тюремъ и крѣпостей тѣ тысячи борцовъ за народное счастье, которые тамъ томятся, не прекратитъ тѣхъ убійствъ, которыя

на языкѣ палачей называются казнями, не дастъ народу свободы. Никакое средство не отвратительно, никакое преступленіе не страшно для этой шайки грабителей, которая цѣпкими когтями впилась въ народное тѣло и сосетъ его кровь. Черныя сотни, оплаченныя золотомъ, выжатымъ изъ народнаго кармана, стараются всюду натравить одну часть гражданъ на другую, русскихъ — на евреевъ, татаръ — на армянъ, чтобы въ братоубійственной бойнѣ погубить всенародную борьбу за свободу. Десятки тысячъ солдатъ и казаковъ—сыновъ народа, одѣтыхъ въ казенные мундиры и забитыхъ казарменной муштровкой—только тѣмъ и заняты, что по всему лицу земли русской ведутъ по приказу начальства войну противъ своихъ братьевъ—крестьянъ и рабочихъ,—жгутъ, грабятъ, насилуютъ, калѣчатъ, убиваютъ. Тысячи пулеметовъ, карательные поѣзда, купленные и снаряженные на народныя деньги, стоятъ на готовѣ, чтобы по первому знаку двинуться противъ народа. Море слезъ, потоки крови... И все это ради сохраненія власти надъ народомъ ничтожной кучки людей! Мало того. Все упорнѣе ходятъ слухи о таинственныхъ соглашеніяхъ правящей клики съ иностранными королями. Угнетатели всего міра призываются на помощь въ борьбѣ противъ русскаго народа...

Надо свалить во что-бы то ни стало это правительство палачей! Иначе шагу нельзя двинуться впередъ!

Соціалдемократическая фракція знаетъ, что только *самъ народъ* своими силами можетъ совершить великое дѣло освобожденія родины. Соціалдемократическая фракція знаетъ, что *Дума сама по себѣ безсильна* въ борьбѣ съ врагами народа. Десятки разъ уже Дума требовала отставки этихъ преступниковъ; десятки разъ клеймила она ихъ именемъ палачей. И на всѣ ея требованія правительствующая клика отвѣчала презрѣніемъ и продолжала свои преступленія.

Но соціалдемократическая фракція знаетъ также, что *Дума можетъ значительно облегчить революціонную борьбу народа.* Къ этой цѣли и направлены всѣ наши усилія. Мы рѣшили безпощадно разоблачать всѣ преступленія правителей; мы рѣшили бороться до конца за всю полноту свободы и правъ народа; мы рѣшили своею дѣятельностью облегчать организацію народныхъ силъ для борьбы.

Вмѣстѣ съ другими партіями мы требовали *отставки министерства*, вмѣстѣ обличали всѣ преступленія правительства. Мы употребляли всѣ усилія, чтобы заставить и другія фракціи бороться послѣдовательно за всѣ права народа и дѣйствовать съ ними дружно, особенно съ трудовой группой. Но каждый разъ, какъ одна изъ этихъ партій—изъ классоваго ли эгоизма имущихъ, или изъ нерѣшительности и робости мелкихъ собствен-

никовъ—начинаетъ колебаться въ борьбѣ съ народнымъ врагомъ обнаруживаетъ недостатокъ послѣдовательности и смѣлости, или прямо измѣняетъ народному дѣлу—каждый разъ наша фракція, вѣрная знамени, врученному ей пролетаріатомъ, вѣрная дѣлу, на служеніе которому поставилъ ее народъ—безпощадно разоблачаетъ и будетъ разоблачать этихъ своихъ союзниковъ.

Наша фракція протестовала противъ тѣхъ ограниченій *свободы собраній*, которыя партія народной свободы хотѣла наложить на народъ въ своемъ законопроектѣ. Наша фракція сказала ясно и открыто, что теперь не время издавать законы, стѣсняющіе пользованіе свободой; что теперь время лишь, въ противовѣсъ насильникамъ, возвѣстить права народа, права его на борьбу за полную свободу, за *Учредительное Собраніе*, созванное *всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ.*

Наша фракція вмѣстѣ съ другими протестовала противъ ужасовъ *Бѣлостокскаго погрома* и разоблачала истинныхъ виновниковъ его. Но она не ограничилась этимъ; она требовала вооруженія народа для самообороны; она призывала солдатъ къ защитѣ мирныхъ гражданъ; она звала народъ къ безпощадной войнѣ съ правительствующими громилами.

Наша фракція протестовала противъ закона, внесеннаго партіей народной свободы и принятаго большинствомъ Думы,—закона, предоставившаго народныя деньги (15 милліоновъ рублей) правительству для *помощи голодающимъ*. Наша фракція сказала открыто, что это самое правительство является истиннымъ виновникомъ крестьянскаго обнищанія и крестьянскихъ голодовокъ; что этому правительству, употребляющему народныя деньги на войну съ народомъ, преслѣдующему всѣхъ, желающихъ оказать дѣйствительную помощь голодающимъ, запрещающему оказывать пособіе тѣмъ крестьянамъ, которыхъ оно считаетъ „неблагонадежными", неоднократно прикрывавшему раскрадываніе денегъ, собранныхъ для голоднаго народа, что этому правительству нельзя довѣрить народныхъ денегъ. Наша фракція говорила, что Дума сама должна взять въ свои руки помощь голодающимъ, должна поручить организацію помощи продовольствіемъ и сѣменами самимъ голодающимъ крестьянамъ. И, наконецъ, наша фракція указывала, что не 15 милліоновъ, а гораздо больше можно добыть для голодныхъ, если уничтожить жандармерію, сыщиковъ и сельскихъ стражниковъ, распустить по домамъ часть солдатъ и казаковъ, сократить жалованья и пенсіи высшихъ чиновниковъ, обратить на нужды населенія доходы съ кабинетскихъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и церковныхъ имѣній.

Теперь фракція занята разработкой *земельнаго* вопроса, вопроса о *безработныхъ*, о *8 часовомъ рабочемъ днѣ* и вообще о *рабочемъ законодательствѣ*, объ *облегченіи службы солдатъ* и пр.

Товарищи! Вы видите, на представительство рабочаго класса выпали огромныя задачи. И мы приложимъ всѣ усилія, чтобы достойно выполнить ихъ.

Насъ мало, товарищи! Всего 18 человѣкъ. Избирательный законъ, стѣснившій права рабочихъ, правительственныя преслѣдованія, не давшія возможности свободно произвести выборы, самоустраненіе значительной части рабочихъ—все это привело къ тому, что представительство рабочихъ въ Думѣ слабо количествомъ. Но, слабое количествомъ, оно можетъ быть очень сильно своимъ вліяніемъ. Для этого нужно только одно, товарищи! Нужно, чтобы вы поддерживали насъ на каждомъ шагу нашей борьбы. Нужно, чтобы мы могли дѣйствовать въ *тѣсномъ единеніи* съ вами, черпая силу въ вашихъ совѣтахъ, указаніяхъ, въ вашемъ одобреніи. Нужно, чтобы въ голосѣ 18 человѣкъ звучалъ съ думской трибуны голосъ многомилліоннаго пролетаріата. Этотъ голосъ будетъ достаточно громокъ, чтобы его услышали и приняли въ соображеніе всѣ—и враги, и друзья. *Быть вашимъ голосомъ въ Думѣ*—вотъ чего мы хотимъ. Тогда мы сможемъ выполнить свою задачу; тогда вы сможете, черезъ наше посредство, оградить въ Думѣ свои интересы. Только при постоянномъ *давленіи народа* Дума можетъ и будетъ дѣйствовать въ интересахъ народа. Своимъ давленіемъ народъ заставитъ Думу рѣшительнѣе бороться съ правительствомъ и поможетъ намъ отстаивать рабочіе интересы. Но для такого давленія нужно организоваться, нужно дѣйствовать планомѣрно.

Организуйтесь-же, товарищи, чтобы войти въ связь и сношеніе съ нами, чтобы шагъ за шагомъ обсуждать нашу думскую дѣятельность, давать намъ свои указанія! Выбирайте по фабрикамъ и заводамъ заводскіе комитеты, и пусть представители этихъ комитетовъ составятъ одинъ общегородской комитетъ, который письменно или черезъ уполномоченныхъ войдетъ съ нами въ сношенія!

Въ Петербургѣ уже создана такая организація. Торопитесь создать ее и по всей Россіи! Мы же употребимъ всѣ усилія, чтобы освѣдомлять васъ своевременно о всѣхъ нашихъ шагахъ и своевременно освѣдомляться о вашихъ желаніяхъ и указаніяхъ.

Товарищи! Грозныя тучи нависли надъ нашей родиной. Врагъ не уступаетъ добровольно. Организуйтесь-же и берегите силы, не поддаваясь провокаціи, пытающейся вызвать васъ на разрозненныя вспышки и разбить по частямъ. *Берегите силы!*

Быть можетъ—если враги народа и дальше будутъ упорствовать—настанетъ часъ, когда ваши депутаты скажутъ вамъ: товарищи, наши силы исчерпаны, мы сдѣлали все, что могли, для облегченія вашей борьбы! Теперь очередь за вами, теперь время для самой борьбы!

И если этотъ часъ наступитъ, вамъ пригодятся, товарищи, накопленныя силы и созданныя организаціи, которыя свяжутъ въ одну грозную армію пролетаріевъ всей Россіи.

Организуйтесь-же, товарищи!

Б) Рабочія конференціи.

Но, не довольствуясь гласнымъ обращеніемъ къ пролетаріату и письменными сношеніями со своими избирателями, сношеніями, которыя становились все оживленнѣе по мѣрѣ развитія дѣятельности фракціи, социалдемократическіе члены Думы рѣшили вступить и въ личное общеніе съ рабочими массами.

Начало такому общенію положили рабочіе депутаты еще до образованія соціалдемократической фракціи, такъ что ей пришлось только дальше развивать намѣченныя уже формы общенія. Понятно, что, по самымъ условіямъ думской дѣятельности, тѣснѣе всего могла быть личная связь депутатовъ съ рабочими Петербурга. Не проходило ни одного дня, свободнаго отъ думской работы, безъ того чтобы часть членовъ фракціи не выступала на рабочихъ и народныхъ митингахъ. Рабочіе съ такимъ воодушевленіемъ встрѣчали своихъ депутатовъ, такъ усиленно звали ихъ на свои массовки и митинги, что подчасъ это грозило даже серіознымъ ущербомъ той подготовительной работѣ, которую должна была выполнять фракція въ короткіе промежутки между думскими засѣданіями.

При малочисленности фракціи, отсутствіе 5—6, а иногда и болѣе, членовъ ея при предварительномъ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые стояли на очереди занятій Думы, не могло, разумѣется, проходить безслѣдно. Но приходилось мириться съ этимъ неудобствомъ, т. к. установленіе тѣсной связи съ рабочими фракція считала основнымъ условіемъ успѣшности своей дѣятельности.

Но однихъ выступленій на митингахъ и массовкахъ было мало. Фракція считала своею обязанностью воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, чтобы содѣйствовать широкой организаціи пролетаріата, постоянно освѣдомлять его о ходѣ своихъ работъ, узнавать желанія рабочихъ. Съ этою цѣлью еще рабочей группой, при содѣйствіи Центральнаго Комитета Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, было положено начало той организаціи совѣщаній представителей петербургскихъ рабочихъ съ депутатами, о которой упоминается въ проектѣ обращенія.

На 1-е совѣщаніе (въ половинѣ мая) были приглашены наиболѣе вліятельные петербургскіе рабочіе и 2 представителя отъ Центральнаго Бюро профессіональныхъ союзовъ. Всего присутство-

вало 88 человѣкъ. Депутаты, члены рабочей группы, сдѣлали докладъ о дѣятельности Думы за 2 недѣли ея существованія и призывали пролетаріатъ къ поддержкѣ рабочей группы. Рѣчи депутатовъ вызывали большой интересъ. Рабочіе настаивали, чтобы совѣщанія организовывались не изъ приглашенныхъ лицъ, а изъ выборныхъ отъ фабрикъ и заводовъ.

На 2-омъ совѣщаніи присутствовало около 100 человѣкъ, причемъ нѣкоторые были уже выбраны для участія въ совѣщаніи на митингахъ, происходившихъ за недѣлю. На этихъ митингахъ говорилось о Госуд. Думѣ, о необходимости тѣсной связи съ рабочей группой. Второе совѣщаніе занялось вопросомъ организаціоннымъ. Долго обсуждалась система выборовъ. Одни предлагали выбирать представителей на совѣщаніе непосредственно на митингахъ, другіе настаивали на необходимости выбирать по фабрикамъ и заводамъ безпартійные *комитеты*, которые и будутъ посылать своихъ представителей на совѣщаніе. Восторжествовало послѣднее мнѣніе. Затѣмъ былъ сдѣланъ докладъ о дѣятельности Государственной Думы за недѣлю. Присутствовали делегаты отъ правленій нѣсколькихъ профессіональныхъ союзовъ.

3-е совѣщаніе происходило уже въ присутствіи членовъ только что организовавшейся соціалдемократической фракціи. Всего было 180 человѣкъ, изъ нихъ половина—выборные. Были сдѣланы доклады: 1) о выборахъ на Кавказѣ и 2) объ организаціи фракціи, ея уставѣ и т. д. Затѣмъ на обсужденіе собранія былъ вынесенъ вопросъ о ближайшихъ шагахъ фракціи, въ частности, объ ея отношеніи къ вопросу о свободѣ собраній и союзовъ и къ внесеннымъ въ Думу аграрнымъ законопроектамъ. Въ связи съ этимъ разбирался вопросъ объ общей тактикѣ фракціи и ея отношеніи къ трудовикамъ и ка-детамъ. Затѣмъ делегаты отъ рабочихъ сдѣлали доклады о митингахъ, устроенныхъ за недѣлю, о резолюціяхъ и наказахъ, принятыхъ на этихъ митингахъ, о настроеніи массъ и отношеніи ихъ къ дѣятельности Думы.

4-е совѣщаніе уже въ значительной части своей состояло изъ выборныхъ. Присутствовало 220 человѣкъ. Вначалѣ былъ сдѣланъ докладъ о дебатахъ, происходившихъ въ Государственной Думѣ при обсужденіи законопроекта о собраніяхъ. Затѣмъ была прочитана и обсуждена декларація соціалдемократической фракціи. Было постановлено удѣлять больше времени докладамъ отъ районовъ. Поднятъ былъ вопросъ объ агитаціи соціалистовъ-революціонеровъ за необходимость связи рабочихъ не только съ соціалдемократической фракціей, но и съ трудовой группой. Обсужденіе этого вопроса отложено до слѣдующаго совѣщанія.

На 5-омъ совѣщаніи, за небольшими исключеніями, почти всѣ присутствовавшіе рабочіе (253 человѣка) были выборные. Кромѣ

представителей отъ фабрикъ и заводовъ, присутствовали представители отъ профессіональныхъ союзовъ—печатниковъ, булочниковъ, портныхъ, красильщиковъ, сапожниковъ, электротехниковъ, архитектурно-строительныхъ рабочихъ (по одному отъ каждой секціи—каменщики, лѣпщики, штукатуры и пр.), приказчиковъ. Былъ сдѣланъ подробный докладъ о томъ, какъ происходили выборы, изъ скольких человѣкъ состоитъ заводскій комитетъ, сколько человѣкъ участвовало въ его выборахъ, какіе наказы давались при выборахъ.

На 6-мъ совѣщаніи присутствовало уже 270 человѣкъ. Сначала были сдѣланы доклады по районамъ. Затѣмъ членъ фракціи говорилъ о назрѣвающемъ конфликтѣ между Думой и правительствомъ въ связи съ проектированнымъ Думою обращеніемъ къ населенію по аграрному вопросу. Большіе споры вызвалъ вопросъ, должна-ли соціалдемократическая фракція примкнуть къ общему воззванію или выступить отдѣльно со своимъ собственнымъ. Большинство высказалось за общее воззваніе, если оно будетъ сколько-нибудь пріемлемо. Послѣ этого обсуждался вопросъ о цѣлесообразности связи съ трудовой группой и рѣшенъ отрицательно. Наконецъ, былъ сдѣланъ докладъ о дѣятельности Думы за недѣлю. Центральное мѣсто заняли пренія о Бѣлостокскомъ погромѣ. Была прочитана и обсуждена резолюція, внесенная по этому поводу въ Думу соціалдемократической фракціей. Интересъ рабочихъ къ совѣщаніямъ сильно возросъ. По окончаніи засѣданія членовъ фракціи наперерывъ приглашали на собранія, митинги и т. д.

Это совѣщаніе было послѣднимъ; попытка созвать еще одно совѣщаніе послѣ разгона Думы не удалась по полицейскимъ условіямъ.

Кромѣ общегородскихъ совѣщаній начали-было устраиваться совѣщанія и по районамъ. Слѣды этой организаціи сохранились въ видѣ Исполнительнаго Комитета, собиравшагося дважды во время іюльской забастовки. Комитетъ этотъ былъ составленъ изъ делегатовъ, выбранныхъ на районныхъ совѣщаніяхъ.

Такого-же рода конференціи для обсужденія дѣятельности фракціи и поддержанія сношеній съ нею предполагалось, какъ это и видно изъ проекта обращенія, образовать и во всѣхъ крупныхъ фабрично-заводскихъ центрахъ.

Эта организаціонная работа фракціи оставила прочный слѣдъ. И съ прекращеніемъ „совѣщаній“, на многихъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга остались *заводскіе комитеты*, которые играютъ видную роль во всѣхъ внутреннихъ распорядкахъ и столкновеніяхъ фабричной жизни. Въ лицѣ заводскихъ комитетовъ создалось своеобразное рабочее представительство, которому, быть можетъ, еще суждено сыграть крупную роль,

если ходъ событій снова приведетъ въ бурное движеніе широкія рабочія массы... Во всякомъ случаѣ это закрѣпленіе заводскихъ комитетовъ въ видѣ постоянной организаціи показываетъ, что соціалдемократія была права, когда, въ противовѣсъ стремленіямъ соціалистовъ-революціонеровъ немедленно „возстановить" Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, считала для переживавшагося тогда момента болѣе подходящей формой широкой рабочей организаціи— заводскіе комитеты. Совѣты рабочихъ депутатовъ, какъ чисто боевая форма рабочей организаціи, могутъ существовать лишь тогда, когда на очереди дня стоятъ непосредственно боевыя задачи. Поэтому, когда въ октябрьскіе дни волны рабочаго движенія бурно вздымались, соціалдемократія взяла на себя иниціативу образованія такихъ совѣтовъ. Но по мѣрѣ того, какъ взволнованное рабочее море стихаетъ, совѣты исчезаютъ и никоимъ образомъ не могутъ быть „возстановлены" искусственно. Безплодность всѣхъ попытокъ соціалистовъ-революціонеровъ въ этомъ направленіи, несмотря на сочувствіе широкихъ слоевъ рабочихъ этой формѣ организаціи, съ которой связано для пролетаріата столько славныхъ воспоминаній, достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ дѣлѣ организаціи нельзя дѣйствовать по шаблону. Въ дни сравнительнаго затишья, когда пролетаріатъ накопляетъ силы для новой борьбы, нужна другая форма организаціи, болѣе приноровленная къ отстаиванію мелкихъ, повседневныхъ нуждъ рабочихъ и на почвѣ этихъ нуждъ развивающая великое чувство рабочей солидарности и сознаніе стоящихъ передъ рабочимъ классомъ огромныхъ историческихъ задачъ. Такую форму организаціи дали заводскіе комитеты; ихъ существованіе облегчитъ сплоченіе всѣхъ силъ пролетаріата, когда для него снова наступятъ дни тяжелой и героической борьбы.

Не оставляла фракція безъ вниманія и провинцію. Нѣкоторые члены ея уже успѣли побывать на мѣстахъ, несмотря на краткость срока, въ теченіе котораго имъ пришлось дѣйствовать. Такъ Диденко былъ въ Харьковѣ, Выровой—въ Черкасахъ, Рамишвилли—въ Москвѣ, Михайличенко—въ Донецкомъ округѣ и Воронежской губерніи, куда онъ прибылъ въ самый разгаръ крестьянскихъ волненій, причемъ напуганный вице-губернаторъ, управлявшій въ то время губерніей, посылалъ ему почтительныя телеграммы съ просьбой „успокоить" крестьянъ. Т. Михайличенко „успокоилъ" ихъ, но не такъ, какъ думалъ вице-губернаторъ. Онъ указалъ крестьянамъ на безплодность борьбы за землю и волю путемъ поджоговъ и разграбленій помѣщичьихъ имѣній и призывалъ ихъ къ организованной и безпощадной борьбѣ со всѣмъ старымъ режимомъ, къ борьбѣ за Учредительное Собраніе, которое одно только можетъ закрѣпить за крестьянствомъ землю и волю.

Фракція намѣтила еще цѣлый рядъ поѣздокъ по провинціи, но и имъ не суждено было осуществиться вслѣдствіе разгона Думы.

Такова была, въ краткихъ чертахъ, работа фракціи внѣ Думы. Нѣтъ сомнѣнія, что, если-бы существованіе Думы было болѣе продолжительно, эта работа развернулась-бы значительно шире. Она во всякомъ случаѣ намѣтила путь для организаціонной работы будущаго соціалдемократическаго представительства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Фракція послѣ разгона Думы.

А) Выборгское совѣщаніе.

6-го іюля думское большинство исказило и фактически похоронило идею обращенія Думы къ народу. Это было въ четвергъ. Пятница прошла въ обычныхъ думскихъ занятіяхъ. Въ ночь на субботу были опечатаны типографіи, гдѣ печатались соціалистическія и революціонныя газеты. Это было предвѣстникомъ грядущаго государственнаго переворота. Каждый разъ, передъ новымъ преступленіемъ своимъ, реакція схватываетъ за горло соціалистическую печать. Въ субботу 8 іюля думскаго засѣданія не было; его не должно было быть и на слѣдующій день, въ воскресенье 9 іюля. Газеты усиленно распространяли внушенные свыше слухи, что въ понедѣльникъ Столыпинъ будетъ давать „объясненія" по дѣлу о Бѣлостокскомъ погромѣ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, усыпляя бдительность депутатовъ, правительство рѣшило воспользоваться этимъ двухдневнымъ перерывомъ въ занятіяхъ Думы, чтобы нанести рѣшительный ударъ. 8-го былъ подписанъ, а 9-го утромъ распубликованъ указъ о роспускѣ Думы. По существу дѣла, это былъ не „роспускъ", а настоящій „разгонъ". Указъ о распущеніи Думы не былъ врученъ ея предсѣдателю и не былъ прочитанъ съ думской трибуны. Онъ появился въ газетахъ, и бросившіеся въ Думу депутаты нашли ея двери запертыми, а всѣ входы занятыми полиціей и солдатами. По улицамъ проходили патрули, и внушительно погромыхивала артиллерія. Столица была объявлена на положеніи чрезвычайной охраны. Депутатовъ, названныхъ 27 апрѣля „лучшими людьми", теперь просто выгнали пинкомъ сапога.

Громъ грянулъ...

Спеціальный манифестъ еще болѣе подчеркнулъ этотъ характеръ „разгона". Въ манифестѣ опредѣленно указывалась и при-

чина: „выборные отъ населенія уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ намъ на несовершенство законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію". Правда, депутаты могли-бы въ отвѣтъ на эти обвиненія сказать, что въ манифестѣ 17 октября было прямо повелѣно „установить, какъ незыблемое правило, чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ *надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей*"; они могли сказать, что въ томъ же манифестѣ 17 октября было обѣщано „установить", и тоже, какъ „незыблемое правило",— „чтобы *никакой* законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы", а между тѣмъ очень многіе законы, въ томъ числѣ и „основные", были изданы послѣ 17 октября и „воспріяли силу" „безъ одобренія Г. Д."; наконецъ, они могли сказать, что рѣшительно ни въ какихъ законахъ не содержится воспрещенія Думѣ обращаться къ населенію. Все это могли бы сказать депутаты. Но, когда дѣло идетъ о столкновеніи враждебныхъ силъ, вопросы рѣшаются не рѣчами и не доказательствами... Кто силенъ, тотъ и правъ. И если Дума хотѣла быть „права", она должна была своевременно позаботиться о томъ, чтобы быть сильной. А мы видѣли, что она очень плохо заботилась объ этомъ...

Громъ грянулъ, и большинство думскихъ депутатовъ совершенно растерялось. Оно не осмѣлилось противостоять насилію. Не осмѣлилось объявить актъ распущенія незаконнымъ, а Думу— продолжающею существовать и выполнять данныя ей народомъ порученія. 9-го утромъ былъ объявленъ указъ, и въ тотъ-же день большинство депутатовъ уже катило въ Выборгъ.

Правда, депутаты могли сослаться на то, что столица не отвѣтила на объявленіе указа немедленнымъ народнымъ движеніемъ. Но эта ссылка была бы не совсѣмъ основательна. Во-первыхъ, думское большинство ничего не дѣлало съ цѣлью внушить народу мысль о необходимости народнаго движенія для поддержки и защиты Думы. Наоборотъ, какъ мы видѣли, думское большинство пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы призвать народъ къ мирному и спокойному ожиданію, создать въ народѣ увѣренность, что Дума сама, своими усиліями, „парламентскими" средствами добьется и воли, и земли, и отвѣтственнаго министерства, и многаго другого. А, во-вторыхъ, вспыхнувшія вслѣдъ за разгономъ Думы возстанія солдатъ и матросовъ въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и Ревелѣ и іюльская забастовка, охватившая въ одномъ Петербургѣ до 70.000 рабочихъ—частью, никогда до тѣхъ поръ не бастовавшихъ, не бастовавшихъ даже въ октябрѣ-декабрѣ — эти

событія показали, что въ наличности имѣлись силы, на которыя Дума могла-бы опереться. Правда, всѣ эти движенія окончились неудачей. Но исходъ ихъ могъ бы быть совсѣмъ инымъ, если-бы Дума встала во главѣ ихъ, оперлась на нихъ, призвала всю страну къ присоединенію, рѣшила бороться до конца. Въ эту критическую минуту надо-же было, наконецъ, вспомнить о столько разъ раздававшихся торжественныхъ клятвахъ: „не расходиться, пока не будетъ добыта земля и воля!"

Ничего этого думское большинство сдѣлать не пожелало. Оно отправилось въ Выборгъ, и депутатамъ соціалдемократической фракціи, составлявшимъ въ Думѣ ничтожное меньшинство, осталось только послѣдовать за нимъ.

Въ Выборгѣ занятія собравшихся депутатовъ начались при очень бурномъ настроеніи. Было рѣшено обратиться къ народу съ воззваніемъ. Но и тутъ, прежде всего, собравшіеся отказались объявить себя „Государственной Думой", а признали себя просто собраніемъ „народныхъ представителей". Этимъ самымъ они примирялись съ фактомъ разгона Думы, подчинялись ему. Затѣмъ—самое воззваніе. Оно призывало народъ къ „пассивному сопротивленію"—къ отказу отъ платежа налоговъ и поставки рекрутовъ, а съ своей стороны, отъ имени партій, подписавшихъ воззваніе, обѣщало — и это не мѣшаетъ помнить — не признавать займовъ, которые правительство могло-бы заключить безъ Думы. Но пассивное сопротивленіе неизбѣжно должно перейти въ сопротивленіе „активное" — въ прямое столкновеніе народа съ силами правительства, которое не помирится, конечно, съ отказомъ населенія отъ платежа налоговъ и поставки рекрутовъ, а пошлетъ „карательные отряды", „боевые поѣзда" и т. п. А между тѣмъ народные представители не только не обѣщались помочь народу въ этой „активной" борьбѣ, но отказались даже обращеніемъ къ арміи содѣйствовать хотя-бы ослабленію тѣхъ ударовъ, которые грозили обрушиться на народъ. Наконецъ, составлявшіе большинство собравшихся ка-деты не хотѣли прямо сказать народу, что весь ходъ событій приводитъ къ тому, что народу нельзя довольствоваться Государственной Думой въ томъ видѣ, какъ она создана правительствомъ, а необходимо добиваться властнаго Учредительнаго Собранія, избираемаго всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ, необходимо добиваться перехода всей государственной власти изъ рукъ самодержавной бюрократіи въ руки народа.

Какъ должны были поступить при такихъ обстоятельствахъ соціалдемократы? Имъ оставалось одно изъ двухъ: либо выработать свое собственное воззваніе и потребовать отъ думскаго большинства его принятія, либо подписаться подъ воззваніемъ, составленнымъ большинствомъ. Въ первомъ случаѣ общаго воззванія отъ

всѣхъ оппозиціонныхъ членовъ Думы вовсе не состоялось-бы. Болѣе того. Быть можетъ, повторилась бы та-же самая исторія, какая была съ обращеніемъ Думы къ народу по земельному вопросу. Ка-деты воспользовались-бы уклоненіемъ социалдемократовъ для того, чтобы еще больше ухудшить текстъ воззванія, а, можетъ быть, и для того, чтобы вовсе отказаться отъ обращенія къ народу. Настроеніе собравшихся падало, и чѣмъ больше остывало непосредственное чувство возмущенія, вызванное разгономъ, тѣмъ больше выступали на сцену разныя эгоистическія соображенія и опасенія. Надо было спѣшить закрѣпить принятое рѣшеніе. Соціалдемократы рѣшили избрать второй путь: подписать обращеніе, внеся въ него возможно большія улучшенія. Многія поправки соціалдемократовъ были, дѣйствительно, приняты.

Соціалдемократы считали очень важнымъ, чтобы отъ имени народныхъ представителей, пользовавшихся довѣріемъ широкихъ слоевъ народа, были указаны народу дѣйствительныя причины разгона Думы. Какъ бы трусливо ни старалось замаскировать истинный смыслъ своего воззванія думское большинство, этотъ смыслъ былъ ясенъ: народные представители противоставляли Думу, избранную народомъ, правительству, говорили народу то, чего не хотѣли сказать въ своемъ обращеніи по земельному вопросу: что отстоять свои права, отстоять народное представительство, обезпечить себѣ землю и волю можетъ только самъ народъ своею *борьбою*. Такъ, черезъ три дня послѣ своего постыднаго поведенія въ Думѣ, ка-деты должны были признать то, что они тогда отрицали, должны были признать правоту соціалдемократовъ. Конечно, они и теперь говорили народу правду робко, вполголоса. Но соціалдемократы разсчитывали, что, прочтя воззваніе, народъ самъ договоритъ то, что въ немъ недоговорено, и сдѣлаетъ тѣ выводы, которыхъ не сдѣлали ка-деты. Такъ оно и было. Выборгское воззваніе, распространенное въ милліонахъ экземпляровъ, много помогло народу понять дѣйствительное положеніе дѣлъ, понять, какъ самодержавное правительство относится къ нуждамъ народнымъ.

Къ тому же социалдемократическая фракція не ограничилась однимъ подписаніемъ „выборгскаго“ воззванія. Совмѣстно съ комитетомъ трудовой группы она выработала и подписала воззваніе къ арміи и флоту и обращеніе ко всему крестьянству. Въ этихъ воззваніяхъ было сказано все то, что должно было сказать, но не сказало думское большинство.

Подписывая воззваніе, содержавшее въ себѣ призывъ къ неплатежу податей и недачѣ рекрутовъ, соціалдемократическая фракція разсчитывала на возможность широкаго и остраго народнаго движенія въ непосредственной связи съ разгономъ Думы. Военныя возстанія и рабочія забастовки показали, что эти раз-

счеты были не безосновательны. Но для того, чтобы эти частныя мѣстныя движенія разгорѣлись во всероссійское, для этого нужно было, чтобы существовалъ хоть какой-нибудь, пользующійся довѣріемъ страны центръ, который могъ бы объединить движеніе и призвать всю страну поддержать забастовавшихъ рабочихъ и возставшихъ солдатъ. Роль такого центра могли бы еще сыграть думскіе депутаты. Но они не сдѣлали этого, а предпочли разъѣхаться по домамъ. Мѣстныя движенія заглохли, прекратились, но нельзя сказать, чтобы они прошли совершенно безслѣдно: они показали, что народныя массы не мирятся съ насиліями правительства, что въ нѣдрахъ массъ зрѣетъ революціонный протестъ и революціонная энергія.

Б) Фракція послѣ Выборгскаго совѣщанія.

Разъѣхавшись изъ Выборга, соціалдемократическая фракція оставила выборный комитетъ изъ трехъ членовъ, который рѣшилъ войти въ тѣсныя сношенія съ такимъ же комитетомъ трудовой группы для совмѣстныхъ дѣйствій [1]). Но этотъ общій, федеративный комитетъ оказался мало дѣеспособнымъ и скоро распался. Причину этого слѣдуетъ искать въ характерѣ „трудовой группы". Теперь, когда Дума была разогнана и надо было дѣйствовать, обнаружилось воочію то, что казалось и кажется многимъ силой этой группы, и что, на самомъ дѣлѣ, составляетъ ея слабость. „Трудовая" группа возникла уже въ самой Думѣ, какъ группа парламентская. Стремясь объединить въ своихъ нѣдрахъ возможно больше крестьянскихъ представителей, она избѣгала ясной и опредѣленной постановки политическихъ вопросовъ, такъ какъ боялась, что при такой постановкѣ обнаружатся разногласія, и группа распадется. Поэтому она старалась сдерживать въ своихъ рядахъ людей самаго разнороднаго образа мыслей — отъ республиканцевъ до монархистовъ—тѣмъ, что обтачивала всѣ острые углы и опиралась не на ясное политическое сознаніе, а на смутно-революціонное *настроеніе* крестьянства, на его тяготѣніе къ землѣ. Но такое затушевываніе острыхъ вопросовъ всегда осуждало „трудовую группу" на нерѣшительность въ дѣйствіяхъ. Обозрѣвая дѣятельность первой Думы, можно безъ труда замѣтить, что, при обсужденіи почти всѣхъ важныхъ вопросовъ, вожди „трудовой группы" говорили очень рѣзко, а когда дѣло доходило до дѣйствія, до голосованія,—вся группа дѣйствовала очень робко и, большею частью, присоединялась, въ концѣ концовъ, къ тому, что предлагали ка-деты. Рѣчи „трудовиковъ", конечно, очень содѣйствовали росту револю-

---

[1]) Ка-деты тоже составили свой фракціонный комитетъ, но этотъ комитетъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ жизни.

ціоннаго настроенія въ крестьянствѣ, но дѣйствія „трудовой группы" мало способствовали отчетливости и ясности политическаго *сознанія* деревни, пониманію того, *какъ* слѣдуетъ дѣйствовать и бороться. А кромѣ того, „трудовая группа", какъ группа чисто „парламентская", не имѣла никакихъ организацій на мѣстахъ, не имѣла прочныхъ организаціонныхъ связей съ населеніемъ, не руководила текущей, повседневной борьбой крестьянъ съ ихъ угнетателями и эксплуататорами. Пока существовала Дума и туда можно было посылать телеграммы, письма, ходоковъ, до тѣхъ поръ еще кое-какъ связь „трудовиковъ" съ крестьянскими массами сохранялась. Но лишь только Дума была разогнана, отсутствіе прочной и широкой организаціи тотчасъ же сказалось: „трудовая группа", часть членовъ которой сейчасъ-же ушла „отъ грѣха подальше", въ лицѣ своихъ передовыхъ, революціонныхъ элементовъ, сразу оказалась простымъ собраніемъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ безъ всякой дѣйствительной силы. Каждый членъ ея въ отдѣльности могъ, конечно, поддерживать связи со своей деревней, своею волостью, своимъ уѣздомъ, но для объединенія всероссійскаго крестьянскаго движенія этого было безконечно мало. Силы у „трудовой группы" не оказалось, и—скажемъ тутъ же— не окажется и впредь, пока она будетъ оставаться „парламентской" группой, а не превратится въ партію революціоннаго крестьянства съ широкой организаціей на мѣстахъ.

Федеративный комитетъ соціалдемократической фракціи и трудовой группы распался, а отдѣльное существованіе комитета соціалдемократической фракціи не имѣло смысла, когда выяснилась окончательно невозможность вдохнуть жизнь въ остатки старой Думы. Все, что могъ бы дѣлать такой комитетъ, могла дѣлать сама партія съ ея развѣтвленной организаціей.

Такъ кончилось существованіе первой думской соціалдемократической фракціи, дѣйствовавшей въ Думѣ, общимъ счетомъ, всего 22 дня.

В) Судьба депутатовъ.

Судьба рабочихъ депутатовъ послѣ разгона Думы — судьба всѣхъ россійскихъ гражданъ. Кто—въ ссылкѣ, кто—въ тюрьмѣ, кто—„въ бѣгахъ". Кончилось 72-дневное думское сидѣніе, кончилась и депутатская неприкосновенность и наступили россійскіе тюремные будни. Если правительству не удалось засадить въ тюрьму всѣхъ членовъ соціалдемократической фракціи, то, главнымъ образомъ, потому, что депутатамъ удалось выйти изъ „предѣловъ досягаемости" столичныхъ и провинціальныхъ сатраповъ.

Первымъ изъ рабочихъ депутатовъ заключенъ былъ въ

тюрьму воронежскій депутатъ Медвѣдевъ, который находится въ заключеніи нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Тобольскую губернію долженъ былъ быть сосланъ т. Рамишвилли, но благополучно избѣгъ этой участи.

Департаментъ полиціи еще въ сентябрѣ сдѣлалъ распоряженіе объ арестѣ т. Михайличенко, но до сихъ поръ арестовать его не удалось и онъ находится на свободѣ. Выровой, скрываясь отъ преслѣдованія полиціи, долженъ былъ выѣхать за грани цу; посл двухмѣсячнаго скитанія онъ возвратился въ Россію. Пермскій депутатъ Антоновъ, какъ сообщили недавно газеты, заболѣлъ тяжкой нервной болѣзнью, вѣроятно, на почвѣ полицейскаго преслѣдованія. У нѣкоторыхъ депутатовъ произведены были обыски; такъ казанская полиція обыскала недавно т. Ершова, но ничего не нашла.

Наконецъ, всѣ члены фракціи, какъ подписавшіе выборгское воззваніе, привлечены по 129 статьѣ уг. уложенія.

Заключеніе.

Всего 72 дня дѣйствовала Государственная Дума, но роль ея въ дѣлѣ развитія борьбы за свободу громадна.

Дума разодрала тяжелый пологъ, которымъ была скрыта отъ взоровъ народа „святая святыхъ“ русской государственной власти и показала это „святая святыхъ“ во всей его неприглядной наготѣ и ничтожествѣ. Безумная роскошь тунеядцевъ въ странѣ, гдѣ милліоны тружениковъ корчатся въ мукахъ голода; невѣжественное и тупое самодовольство высшихъ государственныхъ чиновъ; наглое попраніе всѣхъ правъ народа; смертныя казни, разстрѣлы, карательныя экспедиціи, груда человѣческихъ труповъ, какъ единственная опора владычества шайки паразитовъ—вотъ что предстало передъ народомъ.

Думскія рѣчи, запросы, объясненія министровъ передъ народными представителями—все это содѣйствовало тому, что картина русской государственной власти, ея безусловная враждебность всѣмъ живымъ стремленіямъ народа, выступала еще ярче и опредѣленнѣе. Думскія пренія печатались во всѣхъ газетахъ, читались и обсуждались въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны. Дума до основанія расшатала тѣ наивныя, довѣрчивыя представленія о русской государственной власти, которыя еще жили въ сердцахъ десятковъ милліоновъ обывателей, видѣвшихъ всю причину своихъ бѣдствій лишь въ томъ, что „до Бога высоко, до царя далеко“... Такимъ образомъ, Дума явилась всенароднымъ агитаторомъ огромной силы.

Наоборотъ, для организаціи народныхъ силъ, для указанія имъ дѣйствительнаго пути къ свободѣ, къ землѣ, Дума, какъ мы видѣли, сдѣлала очень мало, почти ничего. Конечно, развертывая передъ народомъ картину дѣйствительнаго положенія дѣлъ, Дума толкала народную мысль къ поискамъ выхода, толкала къ правильнымъ выводамъ; а, съ другой стороны, самое существованіе Думы съ ея всенароднымъ обсужденіемъ всѣхъ вопросовъ заставляло хоть немного сдерживаться великихъ и малыхъ са-

траповъ и тѣмъ облегчало народу дѣло самоорганизаціи. Но все это было лишь косвеннымъ слѣдствіемъ существованія Думы, или дѣломъ отдѣльныхъ думскихъ фракцій, а не происходило подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ самой Думы. Мы видѣли, что усилія соціалдемократической фракціи—заставить думское большинство сознательно опереться на народное движеніе, указать ему путь, создать, въ видѣ мѣстныхъ комиссій и органовъ Думы, опорные пункты для его организаціи,—всѣ эти усилія потерпѣли неудачу.

Тутъ именно и крылся источникъ слабости и безсилія Думы. Отстаивая народныя требованія, Дума на каждомъ шагу своей дѣятельности натыкалась на стѣну самодержавной бюрократіи, на „законы", изданные этой-же бюрократіей въ своихъ выгодахъ, на административный аппаратъ, служащій бюрократіи и т. д. и т. д.

Становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что эту стѣну нельзя обойти и нельзя перепрыгнуть черезъ нее, что ее нужно сломать. Вопросъ о борьбѣ за государственную власть вставалъ все острѣе на очередь.

Рѣшить этотъ вопросъ путемъ исключительно „парламентской" борьбы было невозможно. Думскіе запросы оставались безъ отвѣта; всѣ безобразія, насилія, казни, на которыя указывала Дума, продолжались; думскіе „законопроекты" не имѣли никакихъ шансовъ на утвержденіе, если только они шли навстрѣчу народнымъ нуждамъ; министерство, которому Дума ежедневно выражала недовѣріе, которое она уличала въ безчисленныхъ преступленіяхъ, оставалось спокойно у власти и смѣялось въ глаза народнымъ представителямъ.

Чтобы сломить стѣну, надо было опереться на народныя силы. Но этого-то именно думское большинство сдѣлать не рѣшалось. Оно боялось, разбудивъ народныя силы, потерять власть надъ ними; боялось, что революціонный народъ зайдетъ въ своемъ движеніи „слишкомъ далеко", занесетъ руку надъ интересами не только реакціи, но и либеральныхъ помѣщиковъ, либеральныхъ купцовъ и фабрикантовъ; оно боялось, что придется слишкомъ многимъ поступиться въ пользу народа. Отсюда—двойственность, нерѣшительность во всѣхъ дѣйствіяхъ думскаго большинства. Съ одной стороны, собственные интересы буржуазіи повелительно требовали уничтоженія стараго самодержавнаго режима и потому толкали ее къ все болѣе и болѣе острымъ столкновеніямъ съ реакціею; съ другой стороны, боязнь пролетаріата и другихъ „низшихъ" классовъ народа заставляла ее каждый разъ отступать въ рѣшительныя минуты и тѣмъ все болѣе и болѣе повышать дерзость врага.

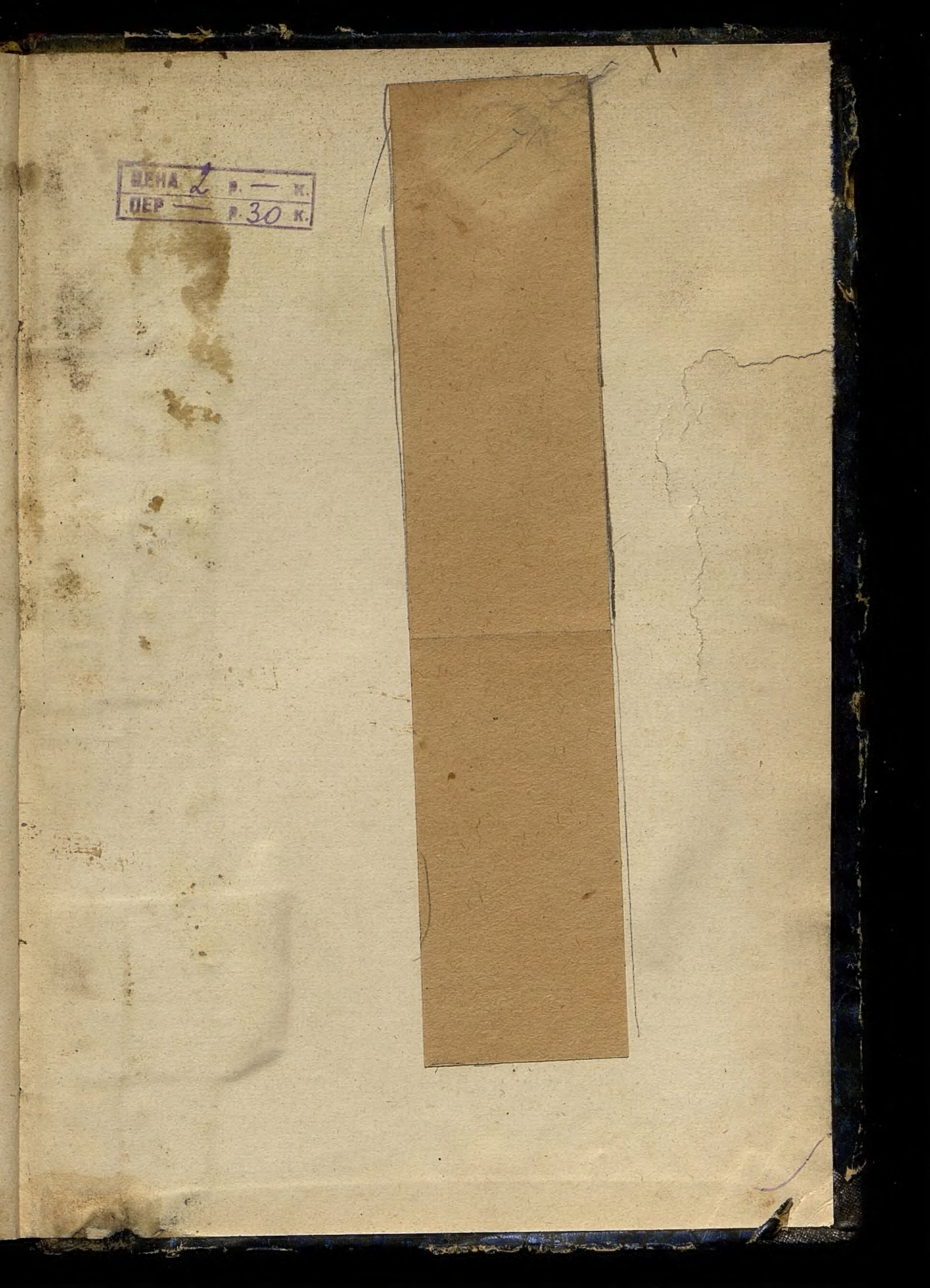
Въ этомъ противорѣчіи между словомъ и дѣломъ и корени-

лась слабость Думы, оно и послужило причиной ея гибели и торжества ненавистнаго режима.

И та новая Дума, которая готовится теперь собраться, только въ томъ случаѣ исполнитъ лежащую на ней задачу, если ея большинство скажетъ себѣ твердо и опредѣленно: дѣло свободы можетъ побѣдить лишь тогда, когда это—свобода *демократическая*, свобода, облегчающая условія существованія и борьбы не только верхнихъ, обезпеченныхъ слоевъ народа, но и самыхъ широкихъ, трудящихся и обездоленныхъ массъ. Только такая Дума, Дума демократическая, Дума, не опасающаяся „чрезмѣрныхъ" притязаній народа, найдетъ и путь къ побѣдѣ въ тѣсной связи съ народнымъ движеніемъ, не побоится стать Думой *революціонной*. И тогда исчезнетъ пропасть между „думской", „парламентской" дѣятельностью и движеніемъ народныхъ массъ, и Дума пойдетъ твердыми шагами по пути борьбы за государственную власть съ терзающими Россію насильниками, станетъ въ рукахъ народа могучимъ орудіемъ для завоеванія полновластнаго, всенароднаго Учредительнаго Собранія.

На этотъ путь соціалдемократія не только встанетъ сама, но и будетъ толкать на него всѣ другія партіи. Въ этой работѣ мощнымъ союзникамъ соціалдемократіи будетъ *реальная* русская дѣйствительность. Какъ бы робки, трусливы и слѣпы ни были буржуазныя партіи, вродѣ ка-детовъ, эти партіи опираются на такіе классы, которыхъ реальная историческая обстановка и реальные интересы толкаютъ на путь не примиренія съ старымъ порядкомъ, а острой борьбы съ нимъ. И потому эти партіи, каковы бы ни были ихъ намѣренія, вынуждены будутъ двигаться въ томъ именно направленіи, какое уже теперь указывается соціалдемократіей; онѣ будутъ вынуждены или перерождаться, или разлагаться, выдѣляя изъ себя элементы, болѣе способные представлять дѣйствительные интересы прогрессивныхъ буржуазныхъ классовъ. До крушенія самодержавія большинство буржуазныхъ классовъ должно быть попутчикомъ пролетаріата, а потому и прогрессивныя буржуазныя партіи должны быть попутчицами соціалдемократіи...

ЦЕНА 2 р. — к.
ПЕР — р. 30 к.

